

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ. Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц. Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста. Оказание практической помощи в работе с персоналом. Социально-психологический тренинг делового и личностного общения. Проведение судебно-психологической экспертизы.

**Индивидуальный подход и конфиденциальность.
Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94**

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

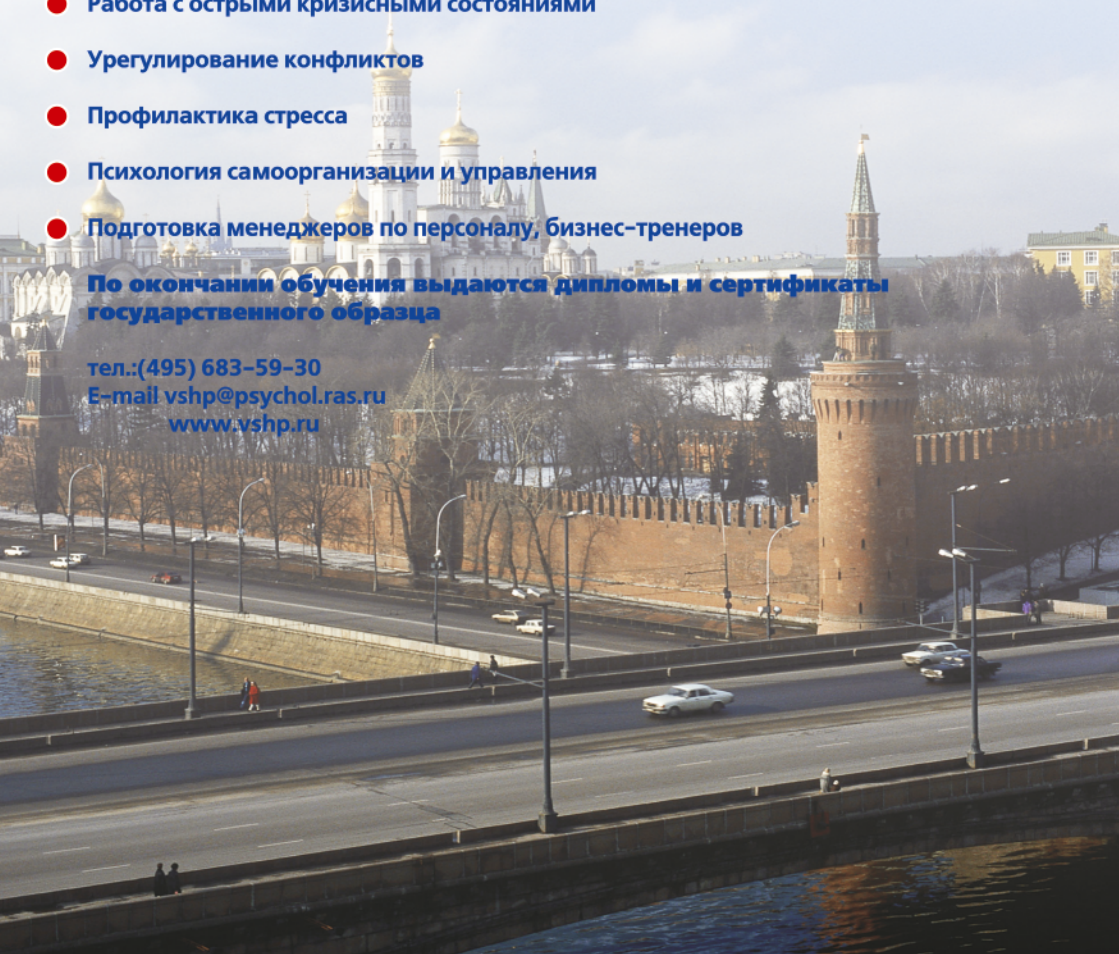
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vsnp.ru



РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –

И. В. Блинникова,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук,
Рязань

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

С. К. Бондырева, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Р. М. Воронин, доктор медицинских наук,
Рязань

А. Л. Журавлев, член-корреспондент
РАН, доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. В. Датий, доктор медицинских наук,
Рязань

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

А. А. Крымов, кандидат юридических наук,
доцент, Рязань

М. И. Марьин, доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук,
Липецк

Н. Н. Нечаев, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Н. Пастушеня,
доктор психологических наук,
профессор, Республика Беларусь

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор, Москва

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук,
Рязань

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор, Санкт-Петербург

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

ТЕМА НОМЕРА: психология травмы

**несовершеннолетние
осужденные**



экстремизм

**проблемы
адаптации
сотрудников
ФСИН**



Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук



Дорогие читатели и авторы журнала!

При подготовке нового номера у меня и других членов редколлегии возник вопрос, насколько содержательное наполнение нашего журнала совпадает с другими периодическими изданиями, посвященными проблемам юридической психологии. Чтобы найти ответ, я поинтересовалась, какие журналы существуют в этой области (их оказалось довольно много), и просмотрела содержание двух зарубежных изданий. Это были: *Legal and Criminological Psychology* (Юридическая и криминологическая психология) — журнал, издаваемый Британским психологическим обществом и возглавляемый Полом Тэйлором, профессором Ланкастерского университета (Великобритания), и *Journal of Forensic Psychology Practice* (Журнал практической юридической психологии), издаваемый Taylor & Francis и возглавляемый Брюсом Арриго, профессором Университета Северной Каролины (США). Эти журналы, так же как и *Прикладная юридическая психология*, видят свою миссию во внедрении психологического знания в область правоприменительной практики и адресованы профессионалам в области юридической психологии, а также юристам, присяжным, психиатрам, психологам других специализаций и др.

Просмотрев номера за последние три года, я обнаружила множество сходных тем и зон интересов. Естественно, что на первом месте как у нас, так и за рубежом стоят вопросы раскрытия преступлений, профилактики противоправного поведения и исправительных мероприятий. Психология преступника в равной степени привлекает внимание как

методология
и теория
юридической
психологии

прикладные
и экспериментальные
исследования

психопрактики

в помощь
руководителю

в помощь
молодому ученому-
исследователю

российских, так и зарубежных специалистов. Как и мы, наши коллеги много сил тратят на исследования детерминант поведения в социуме, влияния законов на поведенческие выборы и предпочтения. Кроме того, большое количество статей посвящено связи преступного поведения и психических заболеваний, акцентуаций, особой выраженности некоторых личностных характеристик. Рассматриваются психологические вопросы детской и подростковой преступности и ее предотвращения. Множество работ касается проблем психодиагностики, выявления предрасположенности к разного рода преступной деятельности (иногда очень специфической, такой как мошенничество или пиромания), разработки психологического инструментария.

В отличие от зарубежных журналов *Прикладная юридическая психология* достаточно много внимания уделяет психологии сотрудников правоохранительных органов, организации психологической службы в МВД, ФСИН России и других органах правопорядка, психологической подготовке юристов.

Однако стоит отметить, что некоторые проблемы, затрагиваемые нашими зарубежными коллегами, практически не поднимаются на страницах нашего журнала. Это прежде всего касается психологических вопросов проведения следственных и судебных мероприятий. Так, практически за скобками остается психология свидетеля, судей и присяжных, потерпевших и их родственников. Хочется видеть больше исследований, посвященных поведению жертвы, психологии ведения допроса, взятия показаний, искажениям воспоминаний свидетелей, влиянию психологических факторов на вынесение приговора и т. п. Более пристальное внимание нужно уделять проблемам подготовки специалистов в области юридической психологии, психологической судебной экспертизы, риск-менеджмента. Надеюсь, что эти пожелания будут услышаны нашими постоянными и потенциальными авторами.

*Зам. главного редактора,
кандидат психологических наук, доцент
Ирина Блиникова*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методология и теория юридической психологии

Феномен субъектности студента и курсанта вуза: современный взгляд на проблему. **Мухаметзянова Ф. Г., Аксенова Г. И.** 10

Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики).
Бочаров А. В., Мещерякова Э. И., Ларионова А. В. 21

Психологические особенности понимания в научной проблематике самоорганизации общекультурной компетенции. **Ефремов А. Ю.** 33

Социальный интеллект: основные проблемы и перспективы исследования.
Лунева О. В. 41

Прикладные и экспериментальные исследования

К вопросу о психодинамике реагирования на полиграфические обследования при приеме на службу (учебу). **Сочивко Д. В., Крымова Ю. В.** 52

Профилактика суицидальных проявлений как фактор обеспечения личной безопасности осужденных в местах лишения свободы.
Дмитриева Н. В., Качкина Л. С. 61

Психологические механизмы переживания сексуального насилия малолетними жертвами инцеста. **Васкэ Е. В.** 66

Гендерные особенности агрессии юношей – детей сотрудников УИС.
Красненкова С. А., Гридяева Л. Н. 70

Маркеры эмоционального выгорания в семантическом пространстве личности.
Болдырев А. В., Болдырева Т. А., Тхоржевская Л. В. 81

Психолого-правовой анализ причин, условий и факторов нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции.
Душкин А. С., Щелкушкина Е. А. 89

Психопрактики

К вопросу о «позитивности» Я-концепции детей, переживших психологическую травму. **Краева М. Ю.** 100

История формирования понятия «жизненная стратегия» условно осужденных несовершеннолетних в отечественной и зарубежной науке. **Кожевникова Е. Н.** 107

В помощь руководителю	
Система ценностных ориентаций руководителей органов внутренних дел. Марьин М. И., Бочкова А. А.	113
Влияние особенностей и условий профессиональной деятельности в ОВД на искажение сотрудниками служебной информации. Ефимкина Н. В.	120
В помощь молодому ученому-исследователю	
Критериальный аппарат оценивания сформированности нравственных и волевых качеств у несовершеннолетних осужденных. Пивоварова Т. В.	126
Психология социальных явлений и качество жизни	
Качество жизни и образ «Я» экзистенциального психотерапевта. Савченко Т. Н., Картавцева М. Н., Головина Г. М.	131
Научная жизнь	
Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе. Датий А. В.	143
9-й научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» Воронин Р. М., Савченко Т. Н.	145
Юридическая психология и религия	
«В темнице был, и вы пришли ко Мне» (ранняя история пастырского тюремного служения в Англии). Васильева С. А.	148
Dura lex sed lex	
Количественные и качественные изменения состава осужденных на современном этапе развития УИС. Бовин Б. Г., Москвитина М. М.	154

CONTENTS

Methodology and theory of legal psychology

The phenomenon of subjectivity of a student and a cadet of the university: modern view on the problem. **Mukhametzyanov F. G., Aksenova G. I.** 165

Typology of psychological factors of students' attitude to extremism (based on psychodiagnostics and questioning results).
Bocharov A. V., Meshcheryakova E. I., Larionova A. V. 166

Psychological peculiarities of understanding in the scientific problems of self-organization of general cultural competence. **Efremov A. Y.** 167

Social intelligence of the person: the basic problems and prospects of research.
Luneva O. V. 170

Applied and experimental studies

On the problem of psychodynamics response to polygraph examination at enrollment (study). **Sochivko D. V., Krymova J. V.** 172

Prevention of suicidal symptoms as a factor of safety of convicted in prison.
Dmitrieva N. V., Kachkina L. S. 174

Psychological mechanisms of sexual violence of juvenile victims of the incest.
Vaske E. V. 177

Gender characteristics of aggression of the children (youngsters) of penal system employee's. **Krasnenkova S. A., Gridyaeva L. N.** 179

Markers of emotional burnout in the semantic space of a personality.
Boldyrev A. V., Boldyreva T. A., Thorzhevskaya L. V. 180

Psihological legal analysis of the reasons, conditions and factors of violations of service discipline and legality by police officers.
Dushkin A. S., Schelkushkina E. A. 182

Psychopractices

To the question of "positivity" self-concept of children who have experienced psychological damage. **M. J. Kraeva** 186

The history of formation the term "Life strategy" applied to underage individuals under suspended sentence in native and foreign science. **Kozhevnikova E. N.** 188

To help the manager

The value system of executives in internal affairs agencies.

Marin M. I., Bochkova A. A.

189

The influence of the characteristics and conditions of professional activity in the internal affairs bodies on misrepresentation of the employees of the service information. **Efimkina N. I.**

191

To help the young scientist-researcher

Criteria staff assessment of the formation of moral and volitional qualities of juvenile offenders. **Pivovarova T. V.**

193

Psychology of social events and the quality of life

Life quality and image "me" of an existential psychotherapist.

Savchenko T. N., Kartavtseva M. N., Golovina G. M.

195

Legal psychology and religion

"I was in prison and you came to Me"

(The early history of prison chaplains in England). **Vasilieva S. A.**

197

Dura lex sed lex

Quantitative and qualitative changes in the composition of convicts at the present stage of development of the penitentiary system.

Bovin B. G., Moskvitina M. M.

198

ФЕНОМЕН СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТА И КУРСАНТА ВУЗА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Ф. Г. Мухаметзянова, Г. И. Аксенова

Аннотация: в статье представлен феномен субъектности студента и курсанта вуза. В качестве критериев и индикаторов субъектности студента и курсанта рассматриваются социально-психологическая адаптированность и субъектная личностная позиция. Субъектная личностная позиция студента (курсанта) определяется как включающая в себя целенаправленную сознательность; результативное целеполагание; осознание себя как распорядителя всех сил личности; свободу как осознанную необходимость; возможность выбора, непредсказуемость; уникальность, неповторимость. Описаны уровни развития субъектной позиции студента и курсанта: объектный, объект-субъектный, субъект-объектный и собственно субъектный. Каждый уровень представлен через отношенческий, мотивационно-ценностный, регулятивно-деятельностный компоненты. Перечислены условия развития субъектности студента и курсанта вуза: разъяснение важности и значимости предстоящей профессиональной деятельности, возможностей личного вклада в общий результат, обеспечивающих заинтересованность в планируемой работе; обучение способам самотестирования и самодиагностики, объективной самооценки собственных возможностей и способностей; включение в процесс целеполагания и планирования различных видов деятельности; овладение спо-

собами проектирования и моделирования собственной деятельности; предоставление возможности принимать самостоятельные решения по вопросам, которые затрагивают их интересы, потребности, мотивы; ориентация педагогов вуза на интересы и потребности учащихся, учет уровня их готовности к предстоящей деятельности, обеспечение им возможности добиться положительных результатов, успеха в работе; создание ситуаций выбора и самоопределения, социальных и профессиональных проб; привлечение к анализу собственной и коллективной деятельности; использование индивидуальных и коллективных способов стимулирования творчества, активности студентов и курсантов; обучение студентов (курсантов) инновационным, адаптационным технологиям.

Ключевые слова: субъект, субъектность студента и курсанта вуза, субъектная личностная позиция, уровни развития субъектной позиции студента (курсанта), компоненты субъектной позиции студента (курсанта), критерии субъектности студента и курсанта, индикаторы субъектности студента и курсанта, социально-психологическая адаптированность студента (курсанта), условия развития субъектности студента и курсанта вуза.

Проблема исследования субъектных феноменов приобретает актуальность в силу подъема на новый уро-

вень человека как субъекта, «впущенного в бытие», роста его самосознания, самоопределения, творческого потенциала [10]. С позиций личностно-ориентированного и вытекающего из него субъектно-деятельностного подхода современный вуз рассматривается не как место и время обучения, а как пространство взросления юношей и девушек, место «вращения» личностной субъектности. Педагогический процесс вуза все более ориентируется на активизацию личностно-субъектного саморазвития учащихся и условий их субъектного роста, потребности состояться как человек.

В психолого-педагогических исследованиях последних лет студент и курсант вуза рассматриваются с позиций субъектно-деятельностного подхода, согласно которому акцентируется внимание на нем как на инициативном и активном участнике образовательного процесса. С этих же позиций высшее профессиональное образование представляет собой процесс субъект-субъектного взаимодействия, основанного на диалоге, обмене смыслами, творческом сотрудничестве всех его участников [2, 3, 8]. Становление субъектности студента и курсанта вуза прежде всего тесно связано с развитием его общекультурных и профессиональных компетенций, профессионально значимых личностных качеств и социального опыта. При этом профессионально значимые личностные качества студента и курсанта вуза являются связующим звеном в процессе перехода учащихся от образовательной к профессиональной субъектности.

Субъектность студента и курсанта находит отражение в реальной дей-

ствительности учебного процесса вуза, в таких профессионально значимых личностных качествах, как профессиональное целеполагание, мышление, направленность, рефлексия, такт [7].

В настоящее время в психологии и педагогике в рамках субъектной проблематики принцип субъектности становится полипарадигмальным и выражает движение личности к вершинам совершенства или «акме» [5]. В XXI веке понятие «субъект» относительно студента и курсанта рассматривается в основном в двух значениях: как субъект учебно-профессиональной деятельности, способный ее освоить и творчески преобразовать, и как субъект жизни, внутреннего (душевного) мира, способный выстраивать стратегию и тактику своей жизнедеятельности.

Становление и развитие субъектности студента и курсанта вуза не имеют четких возрастных границ, поскольку зависят от социальных, социально-психологических и психолого-педагогических условий индивидуального бытия человека как индивидуального или коллективного субъекта [2, 3].

Студенческий возраст метафорично можно назвать «золотым веком» проявления и развития личностной субъектности — своеобразного психологического новообразования этого возраста. В психологии с изучением проблемы субъектности человека в целом и субъектности студента и курсанта вуза в частности сложилась достаточно противоречивая ситуация. С одной стороны, трудно назвать другую проблему, привлекавшую большее внимание философов, психологов, педагогов, а с другой — до сих пор нет

общепризнанного определения человеческой субъектности.

В психологии даже наметилась своеобразная тенденция или «борьбы за субъектность» (которую отражают авторы данной статьи), или «отрицания субъектности». Психология как будто даже избегала этой проблематики, предпочитая изучать поведение как совокупность реакций, различные могущественные силы, руководящие человеком из бессознательного, отдельные познавательные процессы, «осмысленную деятельность», возможно, потому, что человеческая субъектность — это крайне трудный объект для изучения методами естественных наук, каковой психология долгое время стремилась стать. В то же время способы, пригодные для описания объектов, неадекватны в применении к субъекту, а необходимые для ее изучения понятия не поддаются жесткой операционализации. Своего рода защитным механизмом стало объявление субъектности этакой «научной метафорой» или признание за ней лишь гносеологического, но не онтологического содержания.

Мы считаем, что субъектность студента и курсанта вуза — *это источник его внутренней личностной активности, ответственности и самостоятельности.*

В студенческом возрасте личностная субъектность проявляется в личностной субъектной позиции, которая подразумевает активную творческую деятельность в противоположность пассивности и реактивности объекта.

Субъектная личностная позиция студента (курсанта) включает в себя:

- целенаправленную сознательность;

- результативное целеполагание;
- осознание самого себя как распорядителя всех своих формирующих сил личности;
- свободу как осознанную необходимость;
- возможность выбора и в силу этого в известной мере непредсказуемость;
- уникальность, неповторимость.

Нарушения индивидуального развития личности — преступность, алкоголизм, наркомания, неврозы, иждивенчество — это признаки затрудненного вхождения в социум, несформированности субъектной позиции.

Значимость субъектной позиции личности и явные сложности ее становления на современном этапе побуждают к анализу предпосылок ее формирования, вернее развития. Традиционно рассматриваются две группы факторов: личностные особенности человека и влияние окружающей среды. Предпосылки принятия субъектной позиции формируются еще в период детства, однако особенно значимым в этом плане является студенческий возраст.

Важнейшей задачей раннего юношеского возраста в целом и студенческого в частности является формирование у человека готовности к включению в существующую систему социальных связей и отношений, принятию важных решений, к жизненному самоопределению. Если субъектность студента (курсанта) мы понимаем как источник его внутренней личностной активности (внутреннее через внешнее), тогда субъектность можно увидеть в «сдвиге поведения», им самим же выстроенным (внешнее через внутренне). Тогда субъектную позицию студен-

та и курсанта мы рассматриваем как экстерииоризацию этой активности.

Задача зафиксировать субъектность студента (курсанта) является не легкой, а в современном обществе с его нестабильностью она становится все более трудной. Субъектность студента (курсанта) в период кризиса общества может принять форму социально не одобряемой деятельности и перейти в аддикции или выражаться только в «санкционированной» активности.

Мерой успешности преодоления трудностей развития субъектности студента и курсанта вуза является его социально-психологическая адаптированность. В связи с этим специально оговоримся, что термин «адаптация» нами употребляется как гибко организованная в новых условиях поисковая активность личности студента и курсанта как субъекта учебно-профессиональной деятельности.

Можно выделить наиболее существенные признаки, характеризующие субъектные составляющие адаптации студентов и курсантов вуза:

1) адаптированность деятельности как следствие развития (саморазвития) и самореализации потенциальных возможностей личности как субъекта учебно-профессиональной деятельности, а не следствие внешних воздействий;

2) активность личности, проявляющаяся в стремлении к выбору смысла жизни, среды, ближайшего окружения;

3) ответственность за принимаемые решения.

Система диагностики субъектной позиции студента и курсанта имеет два своеобразных контура. Первый из них — внешний — заключается в подго-

товке и проведении методик, выбранных экспериментатором; второй — внутренний — в развитии навыков самодиагностики, актуализации и интереса к своему внутреннему миру и душевной организации других людей, в составлении индивидуальных программ личностно-профессионального саморазвития [3, 6].

В результате теоретико-экспериментального изучения субъектной позиции студента и курсанта определились следующие уровни ее развития: объектный, объект-субъектный, субъект-объектный и собственно субъектный [2, 6].

1. Объектный уровень

Мотивационно-ценностный компонент

Слабый уровень самостоятельности и осознанности выбора профессионального и жизненного пути, мотивы профессиональных предпочтений не связаны с профессиональной направленностью. Не сформирована система ценностных ориентаций на образовательную и профессиональную деятельность; преобладание ценностей личной жизни. Мотивы и цели профессионального образования воспринимаются только на уровне «знаемых»; не окрашены личностным смыслом и не обладают реальной побудительной силой. Наблюдается «размытость» познавательных интересов, их непоследовательность и ситуативность. На этом фоне отчетливо отражается слабый интерес к психолого-педагогическим знаниям, к душевному миру человека. Отсутствует потребность в любых видах исследовательской, поисковой деятельности, к творческому решению

учебно-профессиональных и жизненных проблем. Этот уровень характеризуется прагматической мотивацией учения, проявляющейся в формальном отношении к нему; направленностью на бесконфликтное существование в учебно-профессиональной среде, избегание неудач в личной жизни и общении. Не проявляется потребность в саморазвитии, самоутверждении и самореализации в различных сферах жизнедеятельности.

Отношенческий компонент

Негативное отношение к собственной личности; слабый интерес к собственному внутреннему миру. Неадекватная самооценка (чаще занижена); неоправданно завышенный или крайне низкий уровень притязаний. Высокая степень социального и учебного комфорта, боязнь собственного мнения, самостоятельных решений и действий, чрезмерная опора на авторитеты. Низкие показатели самоуважения. Отношение к преподавателю чаще всего определяются как «психологическое дистанцирование», недоверие к нему иногда сочетается с подобострастно уважительным отношением к его знаниям, жизненному и профессиональному опыту, социальному статусу. Низкий внутригрупповой статус; межличностные отношения в группе имеют редкий ситуативный характер. Слабо знает своих сокурсников, мало интересуется их проблемами, и учебная группа отвечает ему тем же. Низкие показатели эмпатийных и рефлексивных способностей.

Регулятивно-деятельностный компонент

У учащихся этого уровня нет целостной системы самоуправления, а частич-

но или полностью сформированы лишь отдельные ее звенья. Такие учащиеся сильно переживают собственные неудачи. Эмоциональная оценка преобладает над рациональной, то есть полноценный цикл самоуправления даже не начинается, а потому и не формируется. Не проявляет активности в профессиональном становлении, не склонен заниматься самообразованием и самовоспитанием. Собственная познавательная деятельность не осознается; характерна неустойчивость, изменчивость деятельности в зависимости от условий ее осуществления и мнения авторитетных лиц. В учебной деятельности просматривается явное предпочтение действиям репродуктивного характера, часто выполняемым эпизодически, по необходимости. Слабо развиты различные виды самоконтроля (эмоциональный, когнитивный, волевой); отсутствует умение планировать, организовывать и оценивать свою жизнедеятельность, собственные жизненные выборы без посторонней помощи.

2. Объект-субъектный уровень

Мотивационно-ценностный компонент

Характеризуется положительным отношением к профессии, осознанием мотивов и целей профессионального образования. Однако мотивы выбора профессии отражают лишь частичную связь с профессиональной направленностью, не совсем четко просматриваются пути личностного и учебно-профессионального саморазвития. Перспектива часто блокируется внешними факторами и условиями. В системе ценностных ориентаций отчетливо видна доминанта ценностей лич-

ной жизни наряду со стремлением к самоутверждению в различных сферах жизнедеятельности. У учащихся этого уровня проявляется интерес к профессиональным вопросам, но недостатком самостоятельности, настойчивости, творчества в их исследовании; образовательная мотивация не подкрепляется активностью. Неопределенность профессиональной мотивации обуславливает слабую иерархичность учебно-познавательных интересов: такой студент (курсант) или всем понемногу, или отдает предпочтение предметам, которые интересны «сами по себе, интересно преподаются» и т. п. У студентов (курсантов) этого уровня существует стремление к осмыслению собственного жизненного и учебного опыта, осознанию своей позиции к окружающей действительности. Важное место в структуре мотивационно-ценностного компонента занимает потребность в самореализации, личностном саморазвитии, но часто безотносительно к будущей профессиональной деятельности.

Отношенческий компонент

В целом отношение к себе может быть охарактеризовано как позитивное. Такие студенты (курсанты) проявляют интерес к исследованию своего внутреннего мира, адаптации своих возможностей к условиям жизнедеятельности для более полной (главным образом личностной) самореализации. Их самооценка становится относительно устойчивой, но все еще зависящей от внешних обстоятельств; достаточно высокие показатели приобретает потребность в признании, достижениях, уровень притязаний. Все еще сильной остается ориентация на экстернальный контроль и регуляции жизнедея-

тельности, но вместе с тем появляется отчетливое стремление к самостоятельной организации своего жизненного и профессионального пути. Отношение к преподавателю в целом позитивное, как к человеку, способному оказать реальную поддержку прежде всего в решении образовательных проблем. Межличностные отношения с учебной группой строятся на принципах делового общения, совместного решения учебных задач; внутригрупповой статус приобретает черты предпочтительного. При этом студенты (курсанты) этого уровня испытывают определенные трудности при отстаивании в группе собственного мнения, часто поддаются групповому давлению. Средние показатели развития эмпатии и рефлексии.

Регулятивно-деятельностный компонент

Учащихся этого уровня характеризует наличие стремления к самоуправлению, саморегуляции собственной жизни и деятельности. Они проявляют способности в отстаивании собственных позиций на основе теоретических знаний и практического опыта, проявляют потребность в соотношении личностных потребностей и условий их реализации. Их активность обнаруживается в адаптации к профессиональным требованиям; личностная ориентация направлена на профессиональную идентичность. Такие студенты (курсанты) обладают способностью к анализу жизненных и учебно-профессиональных противоречий, проявляют волевые качества и регулятивные умения, испытывают потребность в самостоятельном планировании и организации собственной жизнедеятельности. Однако их активность существенно ограничи-

вается неумением, а иногда боязнью принимать ответственные, инициативные решения и действовать в соответствии с избранной стратегией. Иными словами, обладая потребностью в самостроительстве, они слабо представляют «тактику» последнего и, как следствие, испытывают существенные трудности в предвидении результатов своей жизнедеятельности, их оценке и возможной коррекции. Часто у таких студентов (курсантов) под влиянием прежде всего внешних обстоятельств блокируется реализация уже принятых решений, деформируются жизненные и профессиональные установки и предпочтения. В целом такой тип студентов (курсантов) может быть охарактеризован как неустойчивый, активно ищущий пути, способы и средства самореализации в различных жизненных и профессиональных средах, обладающий аморфной структурой жизненной и учебно-профессиональной позиции. Учебно-профессиональная деятельность обычно носит репродуктивно-творческий характер.

3. Субъект-объектный уровень

Мотивационно-ценностный компонент

Характеризуется осознанным выбором профессии, стремлением к реализации профессиональных ценностей и идеалов, приобретающих личностный смысл. В иерархии ценностных ориентаций доминируют ценности профессиональной деятельности в единстве с ценностями личной жизни. Такие студенты (курсанты) уверены в правильности своего профессионального выбора. Наблюдается устойчивость и избирательность их познавательных ин-

тересов, связанных с будущей профессиональной деятельностью.

На этом фоне особый интерес вызывают предметы психолого-педагогического и узкопрофессионального цикла. Специфичность познавательных интересов находит отражение в осмыслении многообразия явлений социальной и профессиональной действительности, в удовлетворении от процесса познания, стремлении эффективного использования субъективно-значимых ценностей в учебно-профессиональной деятельности. Студенты (курсанты) ориентированы на глубокое познание собственных личностно-профессиональных качеств, их максимальной реализации в различных сферах жизнедеятельности. В частности, высокие показатели приобретает направленность на самоутверждение и самореализацию в учебно-профессиональной деятельности, имеющей в рассматриваемом уровне личностно значимый характер.

Отношенческий компонент

Позитивное отношение к собственной личности и личности другого, выражающееся в принятии, любви, уважении к себе и другому человеку. Адекватная самооценка, высокий уровень притязаний, потребность в достижениях в личной и профессиональной жизнедеятельности. Взаимоотношения в системе «студент (курсант) — преподаватель» такие студенты (курсанты) обозначают как полисубъектное взаимодействие, ценя в педагоге в равной степени и личные, и профессиональные качества. Идеал преподавателя предстает не только как человека, обладающего жизненным опытом, профессиональным мастерством, но и не в мень-

шей мере как человека, способного понять, помочь студенту (курсанту) в реализации личностно-профессиональных планов.

Отношение с учебной группой основываются на принципах делового и личного сотрудничества. Студенты (курсанты) этого уровня открыты к разнообразным формам общения, коммуникабельны, всегда готовы прийти на помощь, часто имеют в группе прочные дружеские связи, пользуются авторитетом. Их внутригрупповой статус определяется как «предпочитаемые» или «лидеры»; они умеют отстаивать собственное мнение, слабо подвержены групповому давлению. Высокий уровень эмпатии и рефлексии.

Регулятивно-деятельностный компонент

Студенты (курсанты) этого уровня характеризуются нестандартным, индивидуально-творческим подходом к исследованиям проблем социальной и профессиональной действительности, обладают способностью к самоуправлению различными формами активности. Однако они не всегда последовательны в реализации принятых решений, с трудом отказываются от избранных стратегий, несколько консервативны в мышлении. Такие студенты (курсанты) способны к проектированию собственной учебной и профессиональной деятельности, согласованной с их жизненными и профессиональными ценностями и идеалами. У них выражено стремление к преобразованию теоретических идей в конкретные жизненные и учебно-профессиональные ситуации, развиты волевые и регулятивные способности, учебная деятельность носит характер творческого тру-

да. Такие студенты (курсанты) избирательно активны, инициативны и ответственные; умеют отстаивать свои жизненные и профессиональные позиции. Иными словами, они достаточно четко осознают цели и ценности собственной жизнедеятельности, продуцируют разнообразные личностно-профессиональные стратегии, но не всегда способны оценить их продуктивность и внести в них необходимые коррективы. В целом позиция таких студентов (курсантов) в жизни и деятельности может быть охарактеризована как субъектная, но с определенным недоразвитием регулятивно-деятельностного (тактического) компонента. Они четко представляют что, зачем и почему нужно делать, чтобы по возможности максимально реализовать себя в жизни и будущей профессии, но не всегда представляют себе, как это делать.

4. Собственно субъектный уровень

Мотивационно-ценностный компонент

Самостоятельный, глубоко осознанный личностно значимый выбор профессии. В ценностной иерархии доминирующие позиции занимают личностно-профессиональные ценности; выражено отношение к будущему труду как к важнейшему жизненному смыслу; мотивы и цели жизнедеятельности отражают направленность на объективацию субъективных ценностей, идей и идеалов на самореализацию в различных сферах жизненного и профессионального бытия.

Профессиональные интересы отличаются широтой и глубиной, распространяются на большинство учебных

предметов; подчинены задачам личностного и профессионального самосовершенствования.

Высокие показатели приобретают склонности и способности к самопознанию, саморазвитию и самоутверждению в различных жизненных ситуациях, в образовательной и профессиональной деятельности.

В оценках перспектив жизненных планов и стратегий профессия воспринимается студентами (курсантами) этого уровня как социальная ниша, в которой они с наибольшей эффективностью смогут реализовать себя как личность, развивать и совершенствовать собственную индивидуальность, в которой плотно смыкаются их личностные и профессиональные интересы и потребности. Учебная и профессиональная деятельность выступает для них как средство и одновременно полигон для развития своей человеческой сущности, испытания собственной личной и профессиональной деятельности.

Отношенческий компонент

Студенты (курсанты) этого уровня характеризуются позитивным, доброжелательным отношением к людям, миру, самому себе. Им свойственны адекватная самооценка собственной личности, деятельности и поведения, высокий уровень притязаний. В самопрезентации такие студенты (курсанты) проявляют черты инициативной, ответственной личности, способной к творческому преобразованию и себя, и условий своей жизнедеятельности и окружающей действительности. В общем виде их самоотношение можно классифицировать как «хозяин» собственной жизни, судьбы, своих духовных и душевных сил, то есть полноценный субъект

своей жизнедеятельности. Как наиболее оптимальную оценивают систему межличностных связей преподавателя и студента (курсанта), выстроенную на принципах отношений равноправных субъектов. В этой системе позиция преподавателя определяется в категориях наставничества, помощи и даже дружбы. На первый план в идеале преподавателя выходят его человеческие качества (наряду с профессионализмом); как актуальная оценивается его способность к развитию личности и индивидуальности студента (курсанта); как дезавуирующее даже богатую предметную подготовку — стремление к подавлению самостоятельности, активности, «инакомыслия» студента (курсанта). Положение в группе личностно-комфортное, часто близкое к лидерству. Учебную группу подкупают добросердечие, открытость, способность к эмпатии, готовность помочь в учебных и житейских ситуациях, проявляемые студентами (курсантами) этого уровня. Такой студент (курсант) уважает мнение учебной группы и каждого из ее членов, способен отстаивать свои убеждения, в том числе через поиск разумных компромиссов. Обладает высоким уровнем эмпатии и рефлексии.

Регулятивно-деятельностный компонент

Такие студенты (курсанты) обладают высоким уровнем развития способности к самоуправлению и саморегуляции собственной жизнедеятельности, направлены на реализацию личностно-ответственного способа жизни.

Они способны к четкому планированию, организации, оценке и коррекции индивидуальных программ личностно-

профессионального саморазвития. Студенты (курсанты) этого уровня могут методологически рассматривать профессиональные ситуации и проблемы, критически осмысливать собственные способы реальной или конструируемой деятельности, переоценивать свои жизненные и профессиональные ценности.

Обладают хорошо развитой способностью предвидеть результаты собственных действий и поступков, при необходимости быстро меняя их тактику. Отличаются высоким творческим потенциалом, воспринимая само творчество в качестве важной ценности, сопровождающей, отражающей характер их жизнедеятельности. Эти студенты (курсанты) стремятся и способны осуществлять преобразующую деятельность в различных личностно-профессиональных сферах. Они могут генерировать идеи, хотят все делать по-своему, умеют не просто быстро адаптироваться в окружающей социальной и профессиональной действительности, но и видоизменять, нарушать определенный ход и ритм последней с целью ее приспособления к собственным личностно-профессиональным особенностям.

Студенты (курсанты) этого уровня характеризуются устойчивыми жизненными и профессиональными позициями, которые способны доказательно отстаивать в любых ситуациях, в присутствии любых авторитетов. В целом их жизненная, учебная и профессиональная позиции носят активный избирательный характер, соотносимый с собственными ценностями и идеалами, с активностью других людей и отношением к ним как субъектам собственной жизнедеятельности. Такой студент

(курсант) может быть охарактеризован как человек, твердо осознающий собственные жизненные и профессиональные стратегии, самостоятельно выбирающий их из множества возможных альтернатив и уверенно реализующий индивидуально-своеобразную тактику достижения поставленных целей личностно-профессионального саморазвития и самосовершенствования.

Таким образом, важнейшими индикаторами субъектности студента и курсанта могут выступать его социально-психологическая адаптированность и субъектная личностная позиция в любом виде деятельности [9].

Для развития субъектности необходимо:

1) разъяснение студентам и курсантам важности, значимости предстоящей профессиональной деятельности, возможностей личного вклада в общий результат, обеспечивающих заинтересованность в планируемой работе;

2) обучение студентов и курсантов способам самотестирования и самодиагностики, объективной самооценки собственных возможностей и способностей; включение в процесс целеполагания и планирования различных видов деятельности на всех уровнях (коллектива факультета, курса, группы, объединения по интересам, своей индивидуальной деятельности, в учебной и внеучебной работе, на практике и в исследовательской деятельности);

3) овладение студентами и курсантами способами проектирования и моделирования собственной деятельности;

4) предоставление возможности студентам и курсантам принимать самостоятельные решения по вопросам,

которые затрагивают их интересы, потребности, мотивы;

5) ориентация педагогов вуза (при организации образовательного процесса) на интересы и потребности учащихся, учет уровня их готовности к предстоящей деятельности, обеспечение им возможности добиться положительных результатов, успеха в работе;

6) создание ситуаций выбора и самоопределения, социальных и профессиональных проб;

7) привлечение студентов и курсантов к анализу собственной и коллективной деятельности, организация рефлексии;

8) использование индивидуальных и коллективных способов стимулирования творчества, активности студентов и курсантов;

9) обучение студентов (курсантов) инновационным, адаптационным технологиям (проектирование индивидуальных образовательных маршрутов, «портфолио», «кейс-технологии») [1, 4, 8, 9].

Литература

1. Аксенова Г.И. Подготовка практических психологов для пенитенциарных учреждений: проблемы и пути решения // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 10–15.

2. Аксенова Г.И. Формирование субъектной позиции учителя в процессе профессиональной подготовки: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998. 448 с.

3. Аксенова Г.И. Субъектно-деятельностный подход к профессиональному образованию курсантов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 26–33.

4. Аксенова Г.И. О необходимости инновационных форм и методов обучения в профессиональной подготовке психологов уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 5 (132). С. 2–4.

5. Деркач А.А. Субъектные феномены: акмеологический подход. М.: Изд-во РАГС, 2010. 240 с.

6. Купцов М.И., Видов С.В. К вопросу о применении математических методов при проведении психологических исследований и анализе их результатов // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 131–136.

7. Мухаметзянова Ф.Г. Субъектность студента высшего педагогического учебного заведения: теория и практика : автореф. ... дис. д-ра пед. наук. Киров, 2002. 42 с.

8. Мухаметзянова Ф.Г., Мифтахов И.И. Феномен субъектности студента в психологии // Казанский педагогический журнал. 2013. № 4. С. 126–130.

9. Мухаметзянова Ф.Г., Боговарова В.А. Индикаторы изучения феномена субъектности студента вуза // Казанский педагогический журнал. 2012. № 1 (91). С. 82–89.

10. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

ТИПОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ЭКСТРЕМИЗМУ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ И ПСИХОДИАГНОСТИКИ)*

А. В. Бочаров, Э. И. Мещерякова, А. В. Ларионова

Аннотация: авторы статьи назвали целью своего исследования выявление закономерностей и взаимозависимости мотивационно-потребностных и ценностных факторов, влияющих на формирование экстремистских форм поведения студенческой молодежи, а также разработку типологии современных экстремистских форм ее поведения. В обследовании использовались 5 методов — анкетный и четыре психодиагностических. Результаты исследования: а) обнаружено, что молодежная среда наиболее подвержена разрыву между реальностью социальных трансформаций и готовностью их принять; б) выявлено, что многомерная психодиагностическая типология факторов отношения студентов к экстремизму позволяет выработать адекватные направления снятия противоречий между мотивационными, коммуникативными и культурно-ценностными потребностями молодежи, которые ситуационно могут способствовать формированию экстремистских установок; в) обнаружена двойственная функция самодетерминации личности молодого человека: с одной стороны, это нравственно-мировоззренческая устойчивость, с другой — толерантность. Сделан вывод о направлении профилактики экстремистских тенденций у молодежи как снятия противоречия между возрастной индивидуальностью мо-

лодежи и стремлением к коммуникации в своей среде.

Ключевые слова: молодежь, региональные факторы экстремизма, многомерный анализ, типология экстремистских форм поведения.

Прогрессирующие экстремистские тенденции в молодежной среде являются актуальной проблемой для современного мирового общества и следствием формирования негативной идентичности под влиянием социально-экономических кризисов, современной этнополитической ситуации и распространения экстремистской идеологии. Молодежь как наиболее сензитивная ко всему новому, в том числе к негативному, группа населения восприимчива к формированию экстремистской направленности в силу возрастных особенностей, обусловленных недостаточной социально-психологической зрелостью, склонностью к риску и мировоззренческой неустойчивостью. В связи с этим определение глубинных причин (индивидуально- и социально-психологических, мотивационных и ценностно-смысловых), способствующих формированию экстремистского поведения молодежи, является актуальной задачей современной психологии. С целью выявления закономерностей и взаимовлия-

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 14-06-18025.

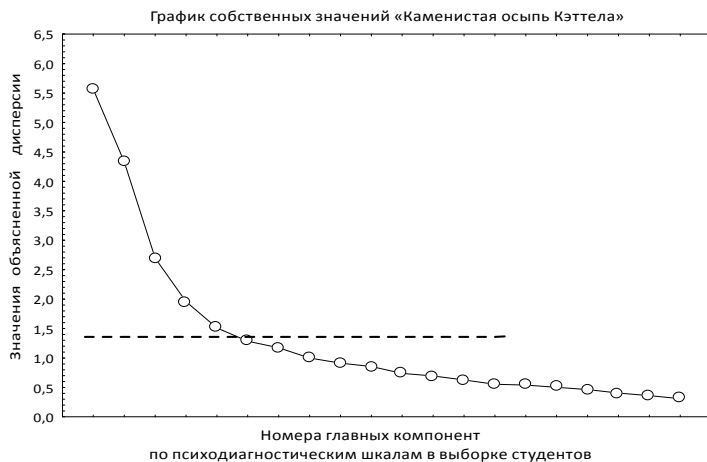
ния ценностно-потребностных и мотивационных факторов, влияющих на формирование экстремистских форм поведения студенческой молодежи, и разработки их типологии организовано исследование на базах трех городов — Томска (ТГУ), Екатеринбурга (УГМУ) и Санкт-Петербурга (СПбГУ). Выборку исследования составили студенты юридического, психологического, экономического, фармацевтического факультетов, средний возраст которых — 20,5 года.

Для реализации цели использовались следующие психодиагностические методики: 1) опросник «Мини-мульти» (сокращенный вариант многофакторного опросника для исследования личности MMPI) в адаптации В.П. Зайцева (2004), позволяющий оценить состояние испытуемых, степень интеграции личностных свойств, уровень нервно-эмоциональной устойчивости, уровень адаптации личности к социальному окружению, обусловленных в том числе экстремальными условиями жизнедеятельности; 2) тест самодетерминации личности Б. Шелдона (адаптация и модификация Е.Н. Осина, 2011) для диагностирования способности индивида определять ход собственной жизни, включающей в себя такие компоненты, как автономия (уверенность в возможности выбора в жизненных ситуациях) и самовыражение (переживание жизни как соответствующей собственным желанием, потребностям и ценностям); 3) методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман, 1990), применяемая для определения мотивационного профиля личности со шкалами: Жизнеобеспечение, Комфорт, Общение,

Общая активность, Творческая активность, Социальная полезность; 4) методика «Культурно-ценностный дифференциал» (Солдатов, Кузнецов и Рыжова, 1998), с помощью которой определены ценностные ориентации личности, сформулированные в дихотомии универсального измерения культуры «индивидуализм-коллективизм» и позволяющие измерить ценностные ориентации на группу, власть, друг на друга, социальные изменения [4].

Исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе для выявления культурно-средовых и мотивационных отношений к различным аспектам экстремизма студентам предлагалась анкета. По результатам анкетирования группировочный кластерный анализ (метод Уорда) позволил выявить три кластера: 1 — «Смешанность и неопределенность позиции» (30 человек), 2 — «Склонность к шовинизму и экстремизму» (56 человек), 3 — «Склонность к толерантности» (99 человек). Для кластера склонности к экстремизму характерно оправдание экстремистских действий общественной пользой и признание этого возможным мотивом вступления в экстремистскую группу, согласие с лозунгом «Россия для русских»; негативные чувства к представителям других национальностей (шовинизм); негативное отношение к миграции; непризнание того, что представители разных религий должны и могут сосуществовать мирно.

Следует отметить, что в многомерных методах анализа (факторный и кластерный анализ) в вычисления включены только те наблюдения, у которых есть значения по всем шкалам. Из нескольких сотен студентов, подвергну-

**Рис. 1**

тых опросам и тестированию, в матрицу многомерного анализа было включено 185 человек, у которых есть большинство наблюдений по всем методикам. По разным методикам количество статистически обработанных наблюдений различается, поэтому в матрице данных в некоторых ячейках были пустые значения, распределявшиеся неравномерно по разным шкалам, поскольку разные студенты оставляли без ответа разные вопросы. Статистически значимых зависимостей в распределении пустых значений не наблюдается. В случае нормально распределенных безразмерных шкал в некоторых ситуациях допустимо в пустые ячейки вставлять средние значения по шкале. Однако в нашей выборке используются качественные или ранговые шкалы, и замена их средними значениями невозможна, некорректна. Указанными причинами объясняется меньшее количество наблюдений, включенных на разных этапах в многомерный анализ, чем общий размер выборки.

Многомерный анализ результатов психодиагностики состоял из 4 этапов: 1) факторный анализ зависимостей между психодиагностическими шкалами; 2) дисперсионный анализ зависимости факторных баллов от кластеров отношения к экстремизму; 3) кластеризация психодиагностических шкал по методу k -средних; 4) группирующая кластеризация кластеров отношения к экстремизму с признаками принадлежности к психодиагностическим. Последний итоговый анализ позволит разработать психологическую типологию склонности студентов к экстремизму. В выборке было обнаружено незначительное количество статистически значимых корреляций (использовался непараметрический критерий Спирмена) между шкалами разных психодиагностических методик, и найденные значимые корреляции были невысокими (менее 0,4), поэтому для поиска зависимостей между психодиагностическими шкалами использовался факторный анализ.

Таблица 1

**Факторные нагрузки по психодиагностическим шкалам в выборке студентов
(Метод вращения главных компонент: Varimax normalized;
Метод учета пропусков значений: Casewise)**

Шкалы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
L	0,08	0,15	0,64	-0,02	0,04
F	0,54	0,23	-0,30	-0,07	0,15
K	0,17	0,01	0,81	-0,11	-0,17
1 (Hs)	0,82	0,07	0,03	-0,01	-0,08
2 (D)	0,81	-0,09	-0,12	0,09	0,03
3 (Hy)	0,87	-0,01	-0,05	0,05	-0,01
4 (Pd)	0,78	-0,08	0,17	-0,20	-0,08
6 (Pa)	0,73	0,00	-0,32	0,06	0,04
7 (Pt)	0,77	0,03	0,17	0,03	-0,17
8 (Sc)	0,88	0,06	0,04	-0,15	-0,02
9 (Ma)	0,28	0,18	-0,54	-0,32	-0,02
Автономия	-0,33	0,25	0,48	0,00	0,04
Самовыражение	-0,46	0,23	0,48	0,08	0,09
Ориентация на группу	0,00	0,13	-0,05	0,71	-0,01
Ориентация на себя	-0,11	0,02	-0,04	-0,20	0,65
Сопrotивление переменам	0,02	-0,02	-0,16	0,37	-0,20
Открытость переменам	0,04	0,09	0,26	0,34	0,60
Направленность на взаимодействие	-0,09	0,13	0,18	0,78	0,03
Отвержение взаимодействия	0,13	-0,04	-0,28	-0,46	0,41
Сильный социальный контроль	-0,04	0,09	-0,05	0,48	-0,47
Слабый социальный контроль	-0,09	0,02	-0,11	-0,10	0,75
Поддержание жизнеобеспечения	0,05	0,81	-0,06	0,04	0,02
Комфорт	-0,18	0,67	-0,05	-0,08	0,12
Социальный статус	-0,08	0,76	0,13	-0,06	0,02
Общение	-0,09	0,80	0,06	0,07	0,19
Общая активность	0,17	0,74	0,03	0,08	-0,19
Творческая активность	0,07	0,73	0,11	0,25	0,03
Общественная полезность	0,16	0,69	0,21	0,18	-0,20
Объясненная дисперсия	5,47	4,20	2,40	2,18	2,02
Доля в общей дисперсии	0,20	0,15	0,09	0,08	0,07

Для определения количества факторов был применен критерий каменистой осыпи (scree plot). Это графический метод, предложенный Дж. Кэттеллом, согласно которому нужно найти такое место на графике, где убывание собственных значений слева направо максимально замедляется [5]. Предполагается, что справа от этой точки находится только «факториальная осыпь», делающая малый вклад в объяснение дисперсии значений. На рис. 1 видно, что резкое убывание собственных значений прекращается после 5-й главной компоненты, поэтому для изучаемой выборки в дальнейшем анализе изучались 5 факторов.

В таблице 1 показаны факторные нагрузки для этих 5 факторов по психодиагностическим шкалам.

В расчет принимались только переменные с нагрузкой не ниже 0,55 по модулю. Фактор 1 увеличивает значения всех шкал MMPI, за исключением шкал коррекции, лжи и достоверности. Фактор 1 можно назвать «Усиление психопатологической симптоматики». Фактор 2 повышает шкалы культурно-ценностного дифференциала, его можно назвать «Стремление к гармоничным отношениям». Фактор 3 повышает шкалы лжи и коррекции по MMPI, называем его «Снижение правдивости». Фактор 4 повышает значения шкал «Ориентация на группу» и «Направленность на взаимодействие». Фактор 4 можно назвать «Коллективизм». Фактор 5 повышает значения шкал «Ориентация на себя», «Открытость переменам», «Слабый социальный контроль», можно назвать его «Индивидуализм».

На предшествующем этапе исследования аналогичная факторизация

психодиагностических результатов по тем же самым методикам и шкалам проводилась на выборке осужденных за экстремизм. Отмечаем, что факторная структура психодиагностических зависимостей в студенческой выборке отличается от факторной структуры в выборке осужденных за экстремизм и является противоположной по фактору 1, который у осужденных назван «Сглаживание психопатологической симптоматики». Кроме того, студенты оказывались менее правдивыми в своих ответах, чем осужденные [1].

Каждый фактор является своеобразной новой агрегированной переменной, для которой можно вычислить факторный балл по каждому наблюдению в выборке. Это позволяет проверить зависимость каждого из психодиагностических факторов от принадлежности студентов к одному из кластеров отношения к экстремизму, выделенных на предыдущем этапе исследования. Для проверки зависимости использовался дисперсионный анализ (ANOVA) по F-критерию Фишера. Анализ позволил выявить, что у студентов, склонных к толерантности, значения фактора 4 «Коллективизм» выше, чем у студентов из кластера, куда вошли склонные к шовинизму и экстремизму (рис. 2), что отражает такие характеристики, как ценность групповых интересов, взаимозависимость, единство и равенство. Обнаруженная закономерность хорошо соотносится с теорией «индивидуализм — коллективизм» (А. Токвиль, Г. Триандис, С. Брунер, Ф. фон Хайек, К. Поппер, В.И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден). По мнению Е. Даниловой и М. Тарарухиной, в настоящее время в российском обще-



Рис. 2

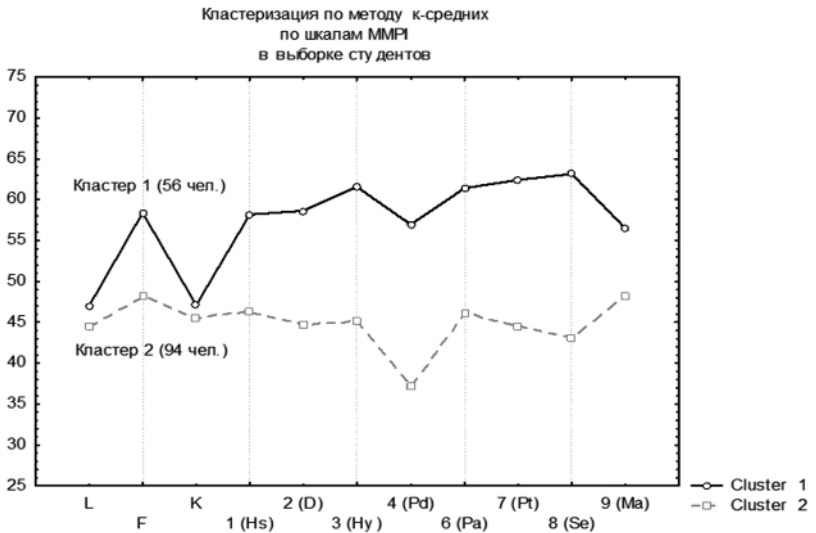
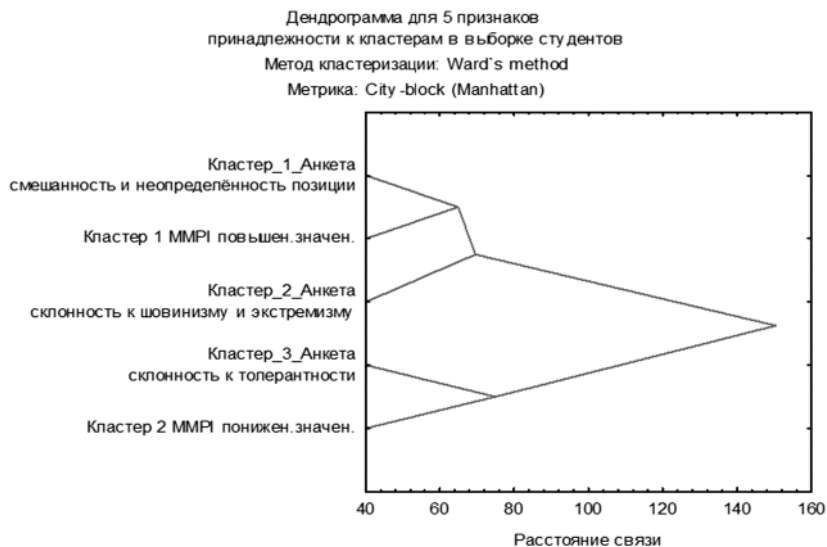


Рис. 3

стве все более усиливается индивидуализм, что таит под собой потенциальную опасность для национальной культуры и самосознания [2].

На следующем этапе кластеризации подверглись все психодиагности-

ческие шкалы в выборке студентов. Затем проверялась связь психодиагностических кластеров с кластерами отношения к экстремизму. Кластеризация психодиагностических шкал проводилась по методу k-средних. Эта про-

**Рис. 4**

цедура будет перемещать объекты из одного кластера в другой, чтобы минимизировать внутрикластерную дисперсию и максимизировать межкластерную.

Кластеризация проводилась отдельно для каждой из психодиагностических методик. На рисунке 3 визуализированы результаты кластеризации шкал Мини-мульта. Два кластера показывают наличие двух групп студентов с повышенными (кластер 1) и пониженными (кластер 2) значениями шкал MMPI. Причем по проверочным шкалам L и K различия минимальны, что свидетельствует об адекватном отношении к обследованию независимо от психодиагностического профиля.

Группирующий кластерный анализ (метод Уорда) признаков принадлежности к разным кластерам позволил установить, что кластер повышенных значений Мини-мульта связан с кластером 1 «Смешанность и неопределенность по-

зиции» и кластером 2 «Склонность к шовинизму и экстремизму». Кластер 3 «Склонность к толерантности» связан с кластером пониженных значений по Мини-мульта (рис. 4). Это свидетельствует о том, что наличие психологических проблем обуславливает неотчетливость личностной позиции, которая может привести к появлению экстремистских установок, когда отсутствуют личностные ресурсы их преодоления. Для студентов, которым свойственны «Смешанность и неопределенность позиции», «Склонность к шовинизму и экстремизму», характерны повышения показателей по шкалам: 3 — «Эмоциональная лабильность», 6 — «Ригидность», 7 — «Тревожность», 8 — «Индивидуалистичность». В результате в их профиле личности обнаруживаются: неустойчивость эмоций и поведения, раздражительность, напряженность, тревожность, ригидность установок, выраженные враждебные (внешне обвиняю-

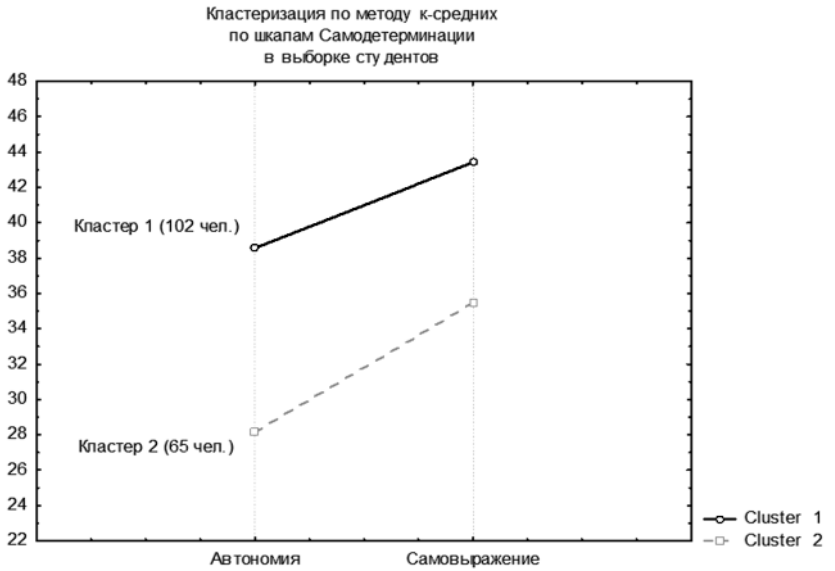


Рис. 5

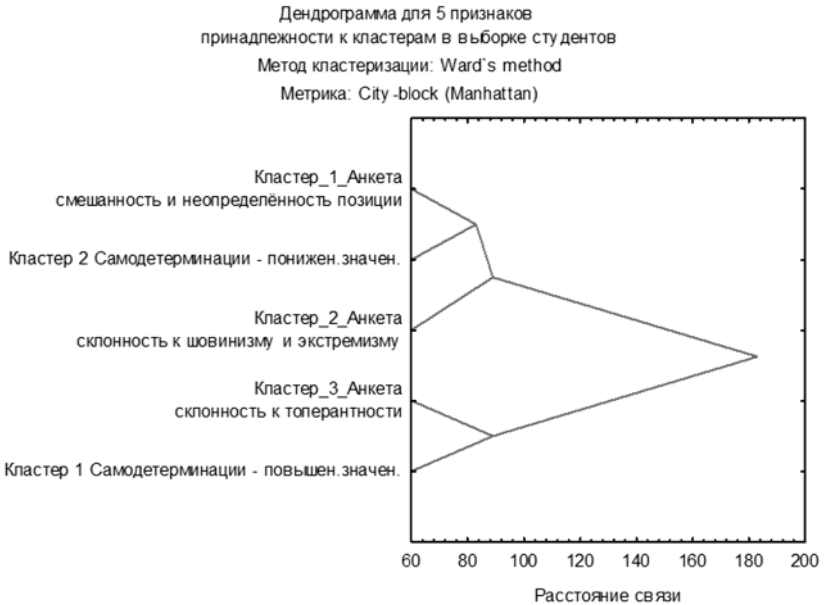
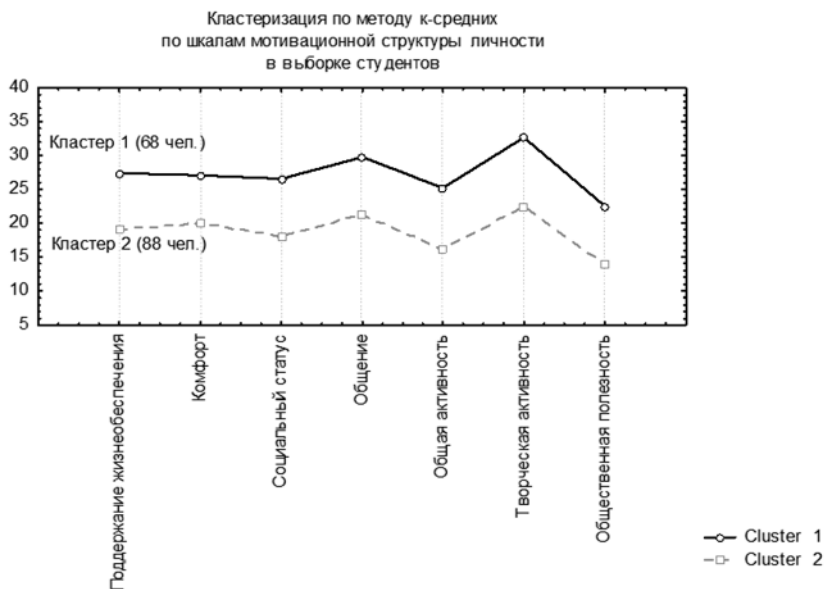


Рис. 6

**Рис. 7**

щие) тенденции, педантизм, декларация гиперсоциальных установок.

На рисунке 5 визуализированы результаты кластеризации шкал самодетерминации. Два кластера показывают наличие двух групп студентов с повышенными (кластер 1) и пониженными (кластер 2) значениями по шкалам автономии и самовыражения. Существенных различий во вкладе шкал в разделение студентов по кластерам не наблюдается.

Группирующий кластерный анализ (рис. 6) позволил установить, что кластер пониженных значений самодетерминации связан с кластером 1 «Смешанность и неопределенность позиции» и кластером 2 «Склонность к шовинизму и экстремизму».

Эта связь характеризует переживания из-за отсутствия возможности выбора, самоотчуждение от собственных

чувств и поступков, обусловленность событий жизни внешними факторами. Анализ данных этих методик подтверждает выводы о связи неотчетливости личностной позиции с подверженностью влиянию экстремистских дискурсов. Кластер 3 «Склонность к толерантности» связан с кластером повышенных значений самодетерминации, что свидетельствует о способности выбирать направление собственной жизни, ответственности за ход собственной жизни и принятые решения, переживание самоидентичности.

По шкалам методики «Мотивационная структура личности» определились два кластера: кластер 1 — повышенные значения и кластер 2 — пониженные значения (рис. 7), то есть выборка разделилась на группы с тенденциями к повышенным и пониженным показателям мотивации.

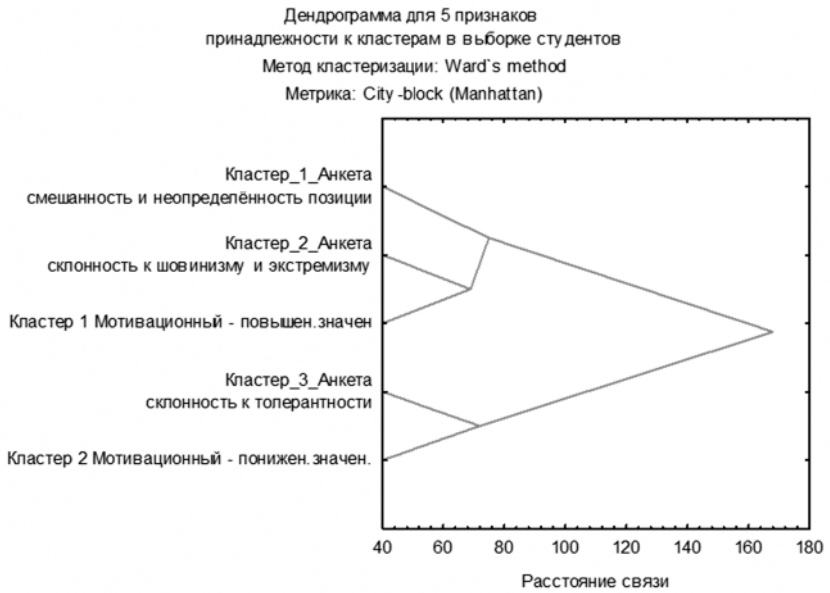


Рис. 8

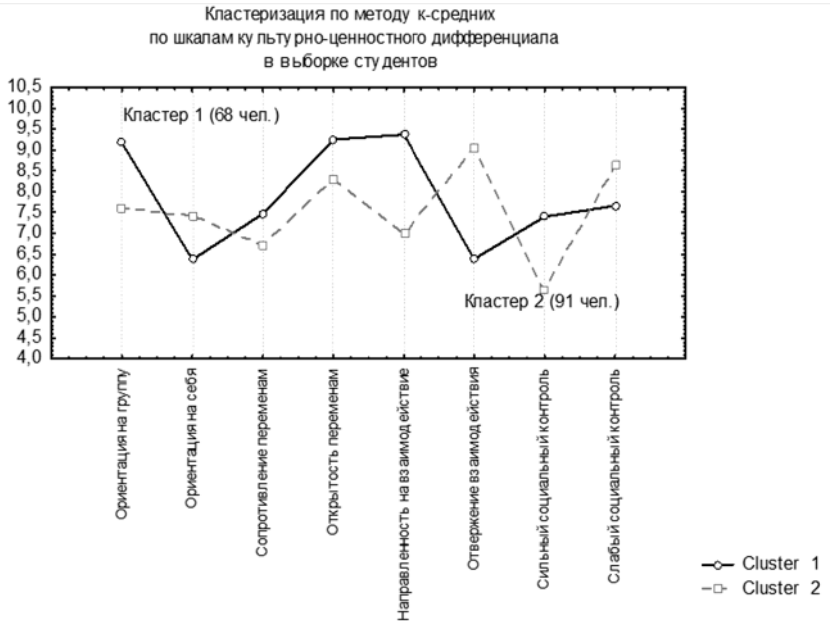
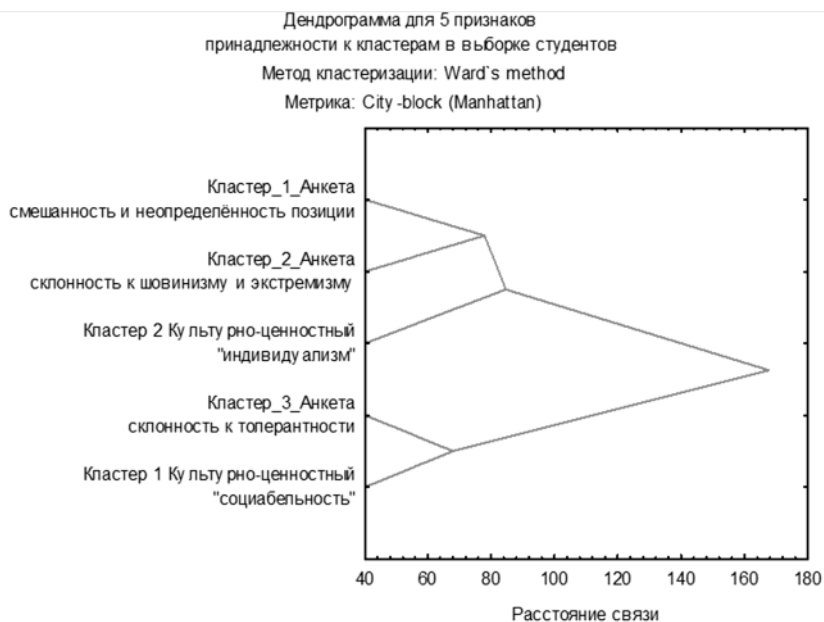


Рис. 9

**Рис. 10**

Группирующий кластерный анализ (рис. 8) позволил установить, что кластер повышенных значений мотивации связан с кластером 1 «Смешанность и неопределенность позиции» и кластером 2 «Склонность к шовинизму и экстремизму». Кластер 3 «Склонность к толерантности» связан с кластером пониженных значений мотивации. Некоторая парадоксальность результатов, заключающаяся в том, что общая высокая мотивированность, в том числе к творческим и социально безопасным формам поведения, с большей вероятностью может вызвать появление экстремистского поведения как у лиц, уже имеющих экстремистские установки, так и у тех, чья позиция является смешанной и неопределенной, может быть объяснена смежными исследованиями по данной проблеме. Так, Д.В. Ольшан-

ский (2002) и Ю.Г. Касперович (2012), исследуя мотивы преступного поведения в экстремистских организациях, выделили девять мотивов: меркантильный, идеологический, романтизм, мотив преобразования, власти, самоутверждения, привлекательности и интереса к новому виду деятельности (экстремистскому), эмоциональной привязанности (товарищеский), мотив азарта и риска [3]. Авторы подчеркивают, что участие в экстремистской организации обладает достаточно мощным и автономным мотивационным эффектом, а ведущим мотивом вступления в экстремистскую организацию является личностный мотив, стремление человека к укреплению личностной идентичности и принадлежности к группе. Таким образом, связь высокой мотивации с позициями «Смешанность и неопреде-

ленность» и «Склонность к шовинизму и экстремизму» свидетельствует о потребности в самореализации и поиска себя и наличия негативных установок в отношении внешних факторов.

На рисунке 9 визуализированы результаты кластеризации шкал культурно-ценностного дифференциала. Выделилось два кластера с наиболее сильными отличиями, но отличия уже не по всем шкалам имеют однонаправленный характер. Кластер 1 имеет более высокие значения по шкалам «Ориентация на группу», «Открытость переменам», «Направленность на взаимодействие» и «Сильный социальный контроль». Кластер 2 имеет соответственно противоположные характеристики. Кластер 1 можно назвать «Социабельный», а Кластер 2 — «Индивидуализм».

Группирующий кластерный анализ (рис. 10) установил, что кластер «Индивидуализм» связан с кластером 1 «Смешанность и неопределенность позиции» и кластером 2 «Склонность к шовинизму и экстремизму». Кластер 3 «Склонность к толерантности» связан с кластером «Социабельный». Полученные результаты еще раз подтверждают наличие дихотомических тенденций в молодежной среде по принципу «индивидуализм — коллективизм».

Эта связь дает основание предполагать, что в исследованной выборке важную роль играет двойственная функция самодетерминации личности: с одной стороны, это нравственно-мировоззренческая устойчивость, с другой — толерантность.

Выводы

1. Психодиагностические и анкетные данные свидетельствуют о том, что молодежная среда наиболее подвержена разрыву между реальностью социальных трансформаций и готовностью человека их принять, поскольку в силу особенностей своего возраста и отношения к жизни именно она быстрее других впитывает новые ценности и больше других нуждается в социальной и культурной идентификации.

2. Переходный этап развития российского общества и наличие противоречивости культурных установок по типу культуры «индивидуализм — коллективизм» накладывает отпечаток на молодое поколение, затрудняя его самоидентичность и самоопределение, что находит свое отражение в формировании экстремистской направленности в поведении.

3. Многомерная психодиагностическая типология факторов отношения студентов к экстремизму может послужить основанием для разработки адекватных направлений снятия противоречий между мотивационными, коммуникативными и культурно-ценностными потребностями молодежи, которые ситуационно могут способствовать формированию экстремистских установок.

4. В результате многомерного анализа данных была выделена типология мотивационной направленности молодежи: «Смешанность и неопределенность позиции», «Склонность к шовинизму и экстремизму», «Склонность к толерантности».

5. Типы «Смешанность и неопределенность позиции», «Склонность к шовинизму и экстремизму» обнаруживают взаимосвязь с показателями пси-

ходагностических методик; со шкалами «Мини-мульта»: «Эмоциональная лабильность» (шкала 3), «Ригидность» (шкала 6), «Тревожность» (шкала 7) и «Индивидуалистичность» (шкала 8); с повышенными значениями мотивационного профиля и пониженными значениями самодетерминации.

6. В профилактике экстремистских форм поведения молодежи должны сниматься противоречия между ее возрастными особенностями, потребностью в индивидуалистичности и стремлением к коммуникации в своей среде.

Литература

1. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. 2015. № 1. (В печати.)

2. Данилова Е.Н., Тарарухина М.И. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3 (65). С. 53–64.

3. Касперович Ю.Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 81–84.

4. Мещерякова Э.И., Бохан Т.Г., Ларионова А.В. Учет эвристики маргинальности в психокоррекционной работе с осужденными за экстремизм: антропологический подход // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 104–115.

5. Cattell R.B. The scree test for the number of factors // Multivariate Behavioral Research. 1966. V. 1 (2). P. 245–276.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ В НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А. Ю. Ефремов

Аннотация: предмет настоящей статьи — психологические особенности понимания, являющегося основным структурным элементом когнитивного процесса, в проблематике самоорганизующихся условий общекультурных компетенций.

Общекультурные компетенции, объявленные федеральными государственными стандартами третьего поколения, в структуре профессиональной вузовской подготовки специалиста можно называть важнейшими (ключевыми). Формирование когнитивности как основной

личностной характеристики обеспечивается совокупной включенностью его основных структурных компонентов: восприятия, интереса, понимания, памяти и т. д.

Самоорганизующийся контекст общекультурных компетенций, установленных стандартами и непосредственно выводящих на необходимость обращения теории и практики вузовского образования к технологиям формирования умений, способностей и навыков понимания сущности и значения информации в развитии современного информаци-

онного общества, владения основными методами, способами и средствами принятия, запоминания и использования информации, способностей работать с информацией в глобальных компьютерных сетях и иные факторы определили психолого-педагогическую специфику статьи.

Проблематика понимания проблемы в таком ракурсе предполагает учет в образовательном процессе самоорганизующейся перспективы информационно-коммуникативной ситуации, в которой каждый потребитель любой информации выступает естественным (самоорганизующимся) представителем аудитории (коммуникационной среды).

Личностное выявление психологических особенностей информационного общества, его коммуникативной специфики требует самоорганизующейся когнитивности, а понимание в структуре процесса личностного познания предполагает поиски решения ситуативных задач. Таким образом, термины «понимание» и «решение» взаимообусловлены и могут достигать эффективности в некой общей способности, в качестве которой предлагается рассматривать общекультурную «информационную» компетенцию межличностного взаимодействия.

Сущностные различия двух представленных элементов познавательной ситуации (понимание задачи и понимание пути решения задачи) предполагают самоорганизацию мыслительной деятельности в одновекторном поле: в сторону востребования общекультурной компетенции, позволяющей включить психологические механизмы решения информационной задачи.

Новизна информации, сопутствующая профессиональной деятельности

юриста, требует ее понимания, а значит, осознания на компетентностном уровне, что предполагает, как следствие, когнитивную самоорганизацию. Возникающая при этом личностно-коммуникативная проблема изначально осознается как непонимание, и это является точкой отсчета мыслительной деятельности, исходный пункт ее аттрактора («усилителя» с обратной связью). Переосмысливая проблему, включая ресурсы памяти, сознание постепенно находит решение — искомое понимание. Это и есть характерная психологическая особенность понимания в научной проблематике самоорганизации общекультурной компетенции юриста.

Ключевые слова: понимание, мышление, самоорганизующаяся когнитивность, имплицитность коммуникативной ситуации, витоакты понимания, профессиональное сознание.

При рассмотрении сути психологических смыслов термина «понимание» исследователи сталкиваются с его различными толкованиями в зависимости от научного приложения концептуальных выводов и авторских методик. Аналитический вывод, которым можно определить обобщающий критерий понимания, заключается в том, что в большинстве случаев оно как психологический процесс основано на коммуникативных особенностях диалогического, субъект-субъектного пространства когнитивных способностей личности, уравнивая при этом мотивы и цели познавательного процесса, его психологического сопровождения [2, с. 39].

Понимание практически рассматривается в контексте анализа психологических аспектов коммуникации (как со-

вокупности единичных и индивидуальных актов когнитивных процессов], в отношении личности к профессионально значимой информации, в процессах восприятия, воспоминания, речевой деятельности, мышления [7, с. 127].

Понимание воспринимается и как универсальная эмоциональная характеристика интеллекта [16, с. 53], которая в таком ракурсе становится важным атрибутом любого когнитивного процесса.

Наконец, понимание рассматривается как интенциональный процесс отождествления (смыслов, информации, деятельности) в личностном функционировании структур сознания: рефлексивности, мотивированности, коллизийности и других, в качестве важнейшей составляющей самоорганизуемого образовательного процесса [10, с. 112].

В более узком смысле, например в когнитивном пространстве профессионально-коммуникативной (образовательной) деятельности вуза, понимание может быть активным компонентом самоорганизуемого мышления, как синтезированного (собирающего) отражения некоторых характеристик самоопределения личности студента [6, с. 68–69] в субъект-субъектной коммуникации обучающего процесса [1, с. 55].

Важнейшими (ключевыми) компетенциями в структуре профессиональной вузовской подготовки специалиста-бакалавра федеральными государственными стандартами третьего поколения объявлены «общекультурные компетенции», включающие в себя набор необходимых навыков, умений и способностей, приобретаемых обучаю-

щимися в учебно-воспитательном процессе. Именно в контексте психологических основ самоорганизации таких установленных общекультурных компетенций юриста, как способности понимания сущности и значения информации в развитии современного информационного общества, владение основными методами, способами и средствами принятия, запоминания и использования информацией, умение работать с информацией в глобальных компьютерных сетях, и предлагается рассмотреть понятие «понимание» в рамках данной статьи.

Специфика современной юриспруденции такова, что нередко недостаточно извлечения экспертных знаний в работе с юридическим текстом [3]: необходимы навыки общекультурной (информационной) компетенции, то есть способности воспринимать массово-коммуникативную специфику профессионально значимой информации и ее источников.

Понимание как научная задача психологии и исследований особенностей формирования общекультурных компетенций, требующихся специалисту в информационном обществе, предполагает уточнение позиций, которые имеют практическое, прикладное значение: важна роль, которая отводится пониманию для эффективной коммуникации. Не случайно в научно-психологических исследованиях определился достаточно общий взгляд на проблематику понимания: психологические витоакты понимания сводятся к мысленному решению не только определенной проблемы или ситуации, но и в большей степени информационно-коммуникативной задачи.

Так, Г. С. Костюк отмечает, что понять новый объект — значит решить самому себе некоторую коммуникативную (познавательную) задачу [9, с. 48]. В этой же связи Л. П. Доблаев понимание познавательной информации в виде какого-то текста относит к последовательному разрешению скрытых в этом тексте ситуаций проблемного характера [4, с. 23]. В. В. Сериков полагает, что в понимании отношений, наличествующих в ситуации, мало владеть информацией. Необходимо личностное отношение к ней, что и позволяет решить задачу реконструкции ситуации, в которой эти отношения были бы соответствующими [12, с. 89]. А. И. Субетто делает вывод о том, что понимание проявляется в качестве решения информационных задач [14, с. 112].

Итак, объединяя представителей различных исследовательских направлений, психология выделяет понимание как актуальный предмет исследования межличностных коммуникаций, и применительно к современному информационному обществу позволяет редуцировать популярную аксиому: понять невозможно без участия мышления в информационно-коммуникативном процессе.

При всей неочевидности данного утверждения необходимо отметить, что для процессов самоорганизации общекультурной «информационной» компетенции именно психологические особенности феномена понимания нуждаются в уточнении применительно к практике вузовской подготовки специалиста.

Так, гипотетическое предположение о том, что понимание является психологическим фундаментом усвоения обще-

культурных компетенций в вузовском образовании, требует доказательных подтверждений в такой специфической сфере, какой является двухуровневая модель подготовки современного юриста в системе непрерывного образования, успешно апробируемая в течение 10 лет в Российском государственном университете правосудия при подготовке специалистов для судебной системы. Два уровня этой модели требуют уточнения:

1) освоение специальности в области правоведения (права и организации социального обеспечения), что предполагает усвоение общих компетенций: понимание сущности и социальной значимости будущей профессии, проявление к ней устойчивого интереса; осуществление поиска и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития; использование информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности, коммуникативных знаний, умений и навыков;

2) упрочение информационных и коммуникативных умений и навыков при подготовке бакалавров и магистров, что предполагает усвоение общекультурных компетенций: владение культурой мышления, способности к обобщению, анализу, восприятию информации; понимание сущности и значения информации в развитии современного информационного общества; владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; способности работать с информацией в глобальных компьютерных сетях [11].

Таким образом, понимание как психологическая характеристика является необходимым аспектом формирования общих и общекультурных компетенций личности в представленной модели. При этом становится очевидным, что компетентностное приложение профессионально-личностных характеристик современного юриста напрямую связано с психологией понимания особенностей массово-коммуникативных процессов современного информационного общества. В психологической науке данные особенности исследуются в различных смежных специальностях, но, так или иначе, речь идет о существенных явлениях психологии массовой коммуникации, для которой характерны феномены понимания сугубо узкой специализации [13] и общекультурные.

Исходя из этого проблематика понимания выходит за рамки сугубо формирующего процесса традиционных умений и навыков будущего специалиста, психологически становится важным учитывать самоорганизующую специфику информационно-коммуникативной ситуации, в которой каждый потребитель любой информации является естественным (самоорганизующимся) представителем аудитории (коммуникационной среды).

Рассуждая о педагогической оснастке самоорганизующихся аспектов понимания в процессе формирования профессиональных компетенций, необходимо отметить, что в противоположность пониманию известного явления понимание новой информации, ее представление в образовательном взаимодействии субъектов активнее развернуто во времени. Даже при условии очевидной личностной позиции сту-

дента [15, с. 88] понимание в субъектной психологической специфике всегда структурировано и представляет собой активную мыслительную деятельность (по выяснению смыслов и особенностей новой информации). При таком подходе именно коммуникативная компетентность становится формирующей средой для создания условий понимания новизны, так как в данном случае понимание информации происходит без активного мыслительного процесса, в форме «понимания — вспоминания».

Справедливо предположение о том, что мышление может быть без понимания, ведь необходимость в понимании новой, не известной ранее информации возникает в ситуациях, когда случается событие поиска смыслов, а в коммуникативно-информационной среде присутствует неуточненное или неизвестное смысловое содержание.

Следовательно, мышление и понимание в коммуникации связаны друг с другом «отрицательной обратной связью»: антоним понимания — непонимание оказывается одним из главных побудителей проявлений критического мышления [8, с. 96].

В когнитивном процессе знак этой связи легко меняется на положительный: промежуточные результаты понимания интересующей информации становятся условием понимания объекта информации (поступка, проблемы, явления и т. д.). Однако это не означает, что, например, юристы, реализующие свои коммуникативные навыки и умения в области социально-правовой деятельности, делают обоснованные выводы в результате информации, полученной из сомнительных источников (например, из социальных сетей). Любому

компетентному выводу должны предшествовать промежуточные результаты познания-понимания, основанные на профессиональной компетенции юриста в данной области и его практического опыта. Тем не менее изначальный толчок для возникновения потребности понимания в ситуации выбора (то есть снятие внутренней задачи непонимания) и, как следствие, возможного принятия решения (личного вывода) дает информационно-коммуникативная среда общества (социальные сети в этом смысле являются неперенным атрибутом современной жизни), знание особенностей которых требуется современному специалисту.

Определенный интерес представляют психологические причины непонимания объекта коммуникации, в качестве которого могут быть информация, источник информации, речь, человек (реципиент или коммуникант).

Исходя из сделанных ранее выводов, можно с определенной уверенностью утверждать, что в процессе коммуникации любой из ее субъектов непременно оказывается перед препятствием, преодолевая трудности общения в их отождествлении с известными смыслами рассматриваемого явления (предмета). Будь это образовательный (познавательный) или профессионально-коммуникативный процесс, в любом случае активному субъекту коммуникации при возникновении психологических барьеров для их устранения свойственно стремление выяснить причины, их побудившие.

Психология понимания причин снятия проблемы (барьеров или препятствий) представляет собой самоорганизуемый когнитивный процесс «вклю-

чения» всех составляющих личностного познания: восприятие — осознание — отождествление новой информации с уже известной. В этом смысле становится очевиден важный вывод: для достижения понимания у личности включается не какой-то нетрадиционный процесс понимания, а самоорганизуемый (осознанный) процесс мышления.

Таким образом, в процессах понимания новая информация привлекает адресата на основе сформированных у него ранее образов. Данное предположение в полной мере относится и к отдельному субъекту коммуникации, входящему в информационно-коммуникативное пространство общества, то есть являющемуся единичным структурным элементом глобальной аудитории потребителей информации и всей аудитории, в целом, хотя это и имеет определенную специфику. Самоорганизуемый механизм понимания основан на осознанном мышлении, то есть на процессах, формируемых сознанием. Психологические особенности понимания в научной проблематике самоорганизации общекультурной компетенции любого специалиста выходят на необходимость исследовательского поиска в области формирующих педагогических технологий профессионального сознания. Это, в частности, означает, что для будущих юристов в профессиональном вузовском образовании необходимо изыскивать специфически психологические критерии (технологии) обеспечения коммуникативной основы понимания, целями которой и научными перспективами становится самоорганизуемая когнитивность личности в информационном обществе.

Но это еще не означает, что к про-

цессам понимания применительно к профессиональной коммуникации юристов необходимо подходить с позиций предположений о том, что специфически коммуникативный процесс «правопонимания» немыслим без специального «правомышления». В данном случае понимание вполне соотносится с понятием «осмысление», но оба этих понятия являются составными частями мыслительного процесса — мышления. Другое дело, что специфика сугубо коммуникативного процесса принципиально отличается от процесса мышления, поэтому поиск научных критериев и принципиальной основы процесса понимания как коммуникативного является осязаемой перспективой научного поиска.

Целесообразно в рамках заявленной темы остановиться более подробно на особенностях понимания в специфике профессионального сознания, что неминуемо выводит на корпоративные (общностные) особенности определенной профессии [5, с. 34–39].

Наибольшие различия можно обнаружить в тех видах коммуникации, научный анализ которых соотносится с психологическими особенностями понимания (стереотипы, установки, корпоративные ценности и т. п.) и с психологией деятельности по решению мыслительных задач в области профессиональных коммуникаций.

В общем виде цель любой профессиональной деятельности в информационном обществе определяется тем, чтобы решить некую коммуникативную задачу, обязательным условием решения которой являются информация и ее применение по отношению к аудитории (целевой группе, отдельному коллекти-

ву) и к «клиенту», нуждающемуся в правовой (или другой профессиональной) защите или поддержке. При этом понимание предполагает не столько получение необходимых знаний и дальнейшее собственное проектирование компетентностной модели коммуникативного акта, но в большей степени самостоятельное (самоорганизуемое) выявление личностью новых (познаваемых) свойств, качеств и смыслов изучаемой и в дальнейшем презентуемой как своей собственной информации, становящейся при этом объектом познания, принятия ее сознанием (понимания) и предметом коммуникации.

Иначе говоря, при решении профессионально-коммуникативной задачи общекультурная компетенция способствует актуализации процессов получения аудиторией (отдельным коммуникантом) новых знаний об интересующем предмете, отсутствующих в формулировке задаваемого вопроса (решаемой задачи). Значит, понимание содержания информации в процессе специфически-профессиональной коммуникации является главным фактором и особым видом коммуникативной деятельности, эффективность которой выстраивается задолго в решениях проблем обучения и понимания.

Итак, понимание самого факта, но непонимание смысла информационного сообщения перерастает в самоорганизуемую проблему мыслительной деятельности (мышления), без решения которой понимание информации, а значит, и применение общекультурной компетенции, теряет смысл. В этом случае цель понимания трансформируется в цель мыслительной функции: для того чтобы понять, необходимо решить

мыслительную задачу, в результате которой понимание становится элементом ее решения.

Причина такого положения вещей кроется в том, что, как правило, объект, подлежащий пониманию, является очевидным, он не лежит на поверхности, информация о нем задана неявно, имплицитно и раскрывается только в процессе мышления.

Естественно, что личное выявление понимаемых свойств в коммуникации требует от личности решения познавательных задач и, следовательно, понимание и решение взаимообусловлены и реализуются в некоей общей способности, например в общекультурной компетенции информационного пространства межличностного взаимодействия.

Таким образом, несмотря на существенные различия двух предложенных типов коммуникативных ситуаций (понимание задачи и понимание пути решения задачи), мыслительная деятельность осуществляется по одному вектору: в сторону формирования общекультурной компетенции, позволяющей включить психологические механизмы решения информационной задачи.

В ситуациях, когда требуется понимание (новой информации), эта психологическая особенность личности проявляется как феномен самоорганизации (на уровне сознания), причем возникающая проблема изначально осознается как непонимание в силу не достаточной информированности: это точка отсчета мыслительной деятельности, исходный пункт ее аттрактора («усилителя» с обратной связью). Переосмысливая проблему, включая ресурсы памяти, сознание постепенно находит решение — искомое понимание.

Это и является характерной психологической особенностью понимания в научной проблематике самоорганизации общекультурной компетенции юриста.

Из изложенного следует, что оснований для утверждений, в соответствии с которыми понимание в коммуникативном взаимодействии — это всегда специфический вид «взаимного» мышления субъектов коммуникации, или даже результат функционирования «профессионального сознания», наукой не определено. Но общественное (групповое, корпоративное) понимание (информации, явления и т. д.) является, тем не менее, специфическим видом мышления и представляет компонент коммуникации, складывающийся из общекультурной компетенции личности. Попытки реализации технологий, цель которых — побудить профессиональное сообщество (например, судебного корпуса), понимать и мыслить одинаково — обречены, хотя история и знает подобные факты. Но для личности, у которой сформированы коммуникативные компетенции на психологической основе, всегда будет свойственно автономное, имплицитно-независимое понимание, мышление, восприятие, и в этом смысле «одинаковость понимания», или «массовое мышление», — психологический абсурд: лишь сумма личностных мыслительных процессов в понимании может определить результат профессионального сознания.

Литература

1. Актуальные проблемы современной пени- тенциарной психологии: монография / О.А. Тоболевич [и др.]; под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1.

2. Александрова Н.П., Богданов Е.Н. Психологическое сопровождение формирования простран-

ственного восприятия как условие развития познавательного процесса ребенка // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 38–47.

3. *Баканов А.С.* Метод извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридической текстовой информацией // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 122–126.

4. *Доблаев Л. П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982. 176 с.

5. *Ефремов А.Ю.* Корпоративно-образовательная модель формирования профессиональных компетенций личности специалиста // Российский научный журнал. 2009. № 10. С. 34–39.

6. *Иванов Г.П., Коваленко Е.Ф.* Самоопределение личности студента в условиях профессионального становления в процессе обучения в вузе // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 66–77.

7. *Квасюк Т.Я.* Понимание как мыслительный процесс // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16. № 3. С. 125–129.

8. *Клейнос О.Н.* Роль критического мышления в формировании профессиональной компетенции юриста // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 1. С. 96–99.

9. *Костюк Г.С.* О психологии понимания // Избр. психол. труды. М., 1988. 198 с.

10. *Кульневич С. В.* Педагогика самоорганизации: феномен содержания: монография. Воронеж, 1997. 236 с.

11. Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс] / Приказ Министерства образования и науки РФ от 21 мая 2010 г. № 17337 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»). URL: <http://минобрнауки.рф/документы/1879>. (дата обращения : 13.11.2014).

12. *Серииков В.В.* Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Логос, 1999. 272 с.

13. *Соснин В.А.* Проблема взаимодействия полиции и массовых групповых образований: роль психологических установок представителей полицейских структур в понимании массовых процессов и возникновения массового конфликта // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 64–70.

14. *Суббето А.И.* Квалитология образования. СПб. ; М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. 264 с.

15. *Толстикова С.Н.* Роль коммуникативной толерантности в процессе становления личностной позиции в стратегии взаимодействия // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 86–94.

16. *Фомина Н.И.* Эмоциональный интеллект как предмет психологического исследования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 23. С. 53–57.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. Лунева

Аннотация: в статье отмечается, что российские исследователи все больше проявляют интерес к конструктам, регулирующим поведение личности в социуме, анализу реальной жизни человека в конкретных социально-экономических и исторических условиях, в том числе социального интеллекта личности. Автор раскрывает взаимосвязь проблем, ха-

рактеризующих современное научное поле исследования социального интеллекта, выделяет и анализирует основные проблемы его изучения, среди которых: недостаточная разработанность существующих научных подходов к исследованию социального интеллекта; трудности создания инструментария для измерения социального интеллекта; слож-

ность извлечения для исследования социального интеллекта из контекста повседневной жизни человека; необходимость учета принадлежности изучаемой личности к конкретным социальным группам, этносам и культурам.

В статье рассмотрены наиболее обоснованные концепции социального интеллекта (Дж. Гилфорд, Д.В. Ушаков, Р. Стернберг), показаны их достоинства и ограничения, проанализированы причины возникновения «чувства тупика» у исследователей социального интеллекта.

Автор раскрывает противоречия между запросами бизнеса на получение результатов измерения социального интеллекта конкретных людей и небольшими возможностями использования валидного и надежного исследовательского инструментария, подробно рассматривает ограничения достоверности научных знаний о социальном интеллекте личности, связанные с его изучением в отрыве от реального взаимодействия людей, анализирует современные технические возможности для исследования социального интеллекта в реальной социальной среде и возникающие в связи с этим проблемы морально-этического и юридического характера.

Особое внимание уделено вопросу ограниченности основной информации о социальном интеллекте в результате изучения преимущественно школьников и студентов (от 14 до 23 лет). Поскольку социальный интеллект личности развивается в процессе социализации, он качественно различается на разных этапах онтогенеза. В статье приводятся данные эмпирического исследования автора, подтверждающие, что социальный интеллект личности, ее социальные навыки имеют особенности прояв-

ления во взаимодействии с людьми разного возраста и гендера.

Автор предлагает и обосновывает некоторые перспективные направления исследования социального интеллекта личности. Среди них использование для измерения социального интеллекта метода групповых экспертных оценок, который имеет опыт успешного применения в психологии управления (А.Л. Журавлев). Он также позволяет интегрированно анализировать социальный интеллект личности и группу при его рассмотрении как фактора взаимодействия личности в малой группе.

Ключевые слова: социальный интеллект, теоретический подход, психологическая диагностика, проблемы эмпирического исследования, взаимодействие, метод экспертных оценок, перспективные направления исследования.

Основные проблемы исследования социального интеллекта

В последнее десятилетие в отечественной психологии активизировался интерес исследователей к проблемам социальной регуляции поведения, пониманию механизмов включения человека в социальные отношения и взаимодействия, анализу его реальной жизни в конкретных социально-экономических и исторических условиях. Самое непосредственное отношение к феноменам, регулирующим поведение личности в социуме, имеет социальный интеллект.

Целью данной публикации является выделение основных проблем исследования социального интеллекта и определение перспектив решения некоторых из них. Задачи выделения в научном поле исследования социального

интеллекта ключевых проблем и определение степени их значимости представляются весьма сложными. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что эти проблемы взаимосвязаны: последствия одних становятся источником возникновения других, поэтому «проблемный круг» постоянно расширяется, уменьшая шансы систематизации проблем. При изучении любого психического явления многие исследователи сталкиваются с подобной ситуацией. Однако общеизвестно, что социальная сфера является особенно сложной и наиболее полидетерминированной, поскольку в ней соединяются сложность внутреннего мира личности и сложность окружающего ее социального мира.

Тем не менее исследования социального интеллекта в мировой психологии продолжают. Несмотря на существующие проблемы, ученые предлагают новые подходы и концепции, хотя при этом кардинальных прорывов в решении обозначенных проблем пока не наблюдается. Проанализируем четыре наиболее важные, на наш взгляд, проблемы.

1. Пожалуй, к числу главных сложностей в исследовании социального интеллекта можно отнести *недостаточную разработанность существующих научных подходов*, раскрывающих его природу. В данном случае под недостаточностью понимаются прежде всего концептуальные ресурсы, не раскрытые авторами в полной мере, что не позволяет операционализировать понятие и эмпирически обосновать теоретические положения концепций социального интеллекта. Очевидно, путь повышения уровня разработанности концепций является долгим и трудным.

В области изучения социального интеллекта к наиболее теоретически обоснованным концепциям можно отнести лишь те, которые базируются на разработанных авторских представлениях о структуре интеллекта (Дж. Гилфорд, Д.В. Ушаков, Р. Стернберг).

Так, американский психолог Дж. Гилфорд со своими сотрудниками (в первую очередь, с руководителями проектных групп М. Салливан и М. Хендриксом) исследовал социальный интеллект в рамках базового подхода под названием «Кубическая модель структуры интеллекта Гилфорда (SOI)». В этой тройной модели социальному интеллекту, по замыслу ее автора, соответствовал поведенческий компонент. Социальный интеллект понимался как совокупность 30 способностей, реализуемых в поведенческих актах. Кроме того, были выделены способности, проявляемые в ситуациях с наличием нескольких решений. В результате обобщения они были названы *креативным социальным интеллектом*. Однако полученные в итоге большого исследования данные о способностях понимания других людей (М. Салливан) и способностях ладить с ними (М. Хендрикс) не могли быть интерпретированы в рамках модели интеллекта Дж. Гилфорда. И все же важнейшим результатом этого научного проекта стали доказательства того, что социальный интеллект является самостоятельным видом интеллекта [9, 16, 22].

Российский ученый Д.В. Ушаков, реализуя когнитивный подход в рамках авторской структурно-динамической концепции интеллекта, рассматривает социальный интеллект как *способность понимать людей и социальные си-*

туации [16]. Под его руководством в Институте психологии РАН (ИП РАН) был выполнен ряд интересных работ, раскрывающих различные аспекты изучения социального интеллекта, в частности сравнение методик его измерения [1]. Но целостная концепция социального интеллекта в рамках этого подхода пока не была представлена, хотя исследования общих способностей и общего интеллекта в ИП РАН и ранее велись, и в настоящее время ведутся весьма активно [2, 12, 13, 14, 17].

Американским исследователем Р. Стернбергом была разработана триархическая (трехкомпонентная) концепция интеллекта, включающая в себя следующие компоненты: аналитический, креативный и практический. По мнению разработчика, социальный интеллект входит в *практический компонент*, включающий в себя социокультурные и профессиональные контексты, содержащие «неявные знания» [21]. Основная критика этой концепции направлена на ее неконкретность, отделение контекстных факторов от способностей, не раскрываемый автором тип отношений индивида и среды.

Результаты изучения социального интеллекта, выполненные в рамках авторских концепций интеллекта, внесли серьезный вклад в научные представления о социальном интеллекте и осознание трудностей, с которыми сталкиваются его исследователи. К сожалению, всем трем рассмотренным исследовательским группам не удалось, причем по разным причинам, довести предлагаемые теоретические конструкты до создания валидных и надежных процедур измерения социального интеллекта. Это стало, на наш взгляд, одной из

причин того, что довольно часто исследователи социального интеллекта приходят к пониманию и переживанию тупика, не находя адекватных и принимаемых научным сообществом инструментов эмпирического измерения социального интеллекта.

2. В качестве второй проблемы, являющейся следствием первой, в научном поле исследования социального интеллекта можно выделить *ограниченность инструментальных средств для проведения эмпирических исследований*. Противоречие, существующее между запросами практики, бизнеса, ориентированных на получение результатов измерения социального интеллекта конкретных людей, и бедностью инструментария, инициировало формирование и распространение нескольких путей разрешения создавшейся ситуации. Некоторые из них представлены ниже.

- Современными исследователями в разных странах активно используется тест Дж. Гилфорда и М. Салливан «Диагностика социального интеллекта», разработанный в рамках проекта 1965–1969 гг. и адаптированный для российской выборки Е.С. Михайловой. По выраженности показателей четырех субтестов определяется в целом уровень развития социального интеллекта личности: низкий, средний или высокий. Анализ работ с использованием данного теста показывает, что авторы чаще всего изучают взаимосвязь и соотношение каких-либо характеристик (социально-демографических, личностных и др.) с уровнем социального интеллекта личности. Сам же социальный интеллект при этом не становится предме-

том анализа, а лишь фиксируется его итоговый результат.

Анализ содержания теста и опыт его применения позволяют усомниться в возможностях его использования в возрастном диапазоне от 9 до 70 лет, так и в признании его как «культурно свободного». Кроме того, получаемый итоговый показатель уровня социального интеллекта, на наш взгляд, не отражает разнообразия и широкого толкования авторами результатов выполнения отдельных заданий, входящих в данный тест.

- Значительное число исследователей пошло по пути включения в социальный интеллект самых разных способностей, компетенций и свойств личности, которые можно измерить существующими методиками. Они полагают, что таким образом измеряется социальный интеллект или какие-то его отдельные стороны. К сожалению, совокупность этих характеристик практически не получила теоретического обоснования.

Так, С. Гринспен и Дж. Дрискол включили социальный интеллект в адаптивный наряду с концептуальным и практическим видом интеллекта. Авторы выделили три компонента социального интеллекта: социальную чувствительность; социальную проницательность (способность формулировать моральные суждения); социальное взаимодействие (умение решать проблемы) [19].

- Другим направлением в получении эмпирического описания социального интеллекта без теоретического обоснования, но с высокой мотивацией выйти за рамки психометрического подхода стало использование в одном исследовании нескольких изме-

рительных процедур разного типа: тестов, опросников, самооценок, самоотчетов и практических заданий. Главной претензией критиков к этим работам была недопустимость одновременно использования принципиально разных методов сбора эмпирических данных. Нельзя не отметить и то, что исследование этой группы показывали противоречивые результаты. Такие выводы привели к постановке проблемы дополнительных измерений, направленных на изучение реального поведения индивида в различных ситуациях.

- Многие исследователи стали склоняться к необходимости изучения реального поведения человека, однако в инструментально-измерительном плане это намерение сталкивалось со многими сложностями. Еще М. Салливан, завершая работу в проекте Дж. Гилфорда, оценила как тупиковый путь поиска способов диагностики социального интеллекта в реальном поведении. Исследователями были потрачены не только большие усилия, но и километры пленки (кино-, фото- и ауди-), получено множество рисунков, но качественных диагностических инструментов так и не было создано [20].

Таким образом, проблема дефицита измерительных процедур для оценки социального интеллекта является актуальной для всех периодов его изучения, включая современный.

3. Третьей проблемой в исследовании социального интеллекта можно назвать сложности *выделения (извлечения) социального интеллекта как предмета исследования из повседневной жизни человека*. Мы предполагаем, что одним из главных ограничений в развитии научных представлений о со-

циальном интеллекте человека является его рассмотрение в отрыве от реального взаимодействия в конкретных социальных группах.

Данная трудность преодолевается исследователями чаще всего в соответствии с базовой парадигмой. Так, представители когнитивного направления измеряют социальные знания, запоминание лиц и имен, точность межличностного восприятия, способность к адекватным суждениям о другом человеке и социальной ситуации. Поведенческая психология ориентирована на диагностику социальных навыков, адаптивных действий, соблюдения человеком норм и правил социального поведения. Анализ содержания как указанных, так и многих других подходов возвращает нас к первой, рассмотренной выше, проблеме: необходимости обоснования феноменологического и онтологического содержания социального интеллекта в рамках используемых теоретических подходов.

Кроме указанного теоретического обоснования, существуют проблемы, непосредственно связанные с эмпирическими исследованиями. Например, внимание специалистов все больше привлекают интерактивные формы обучения, социально-психологический эксперимент, тренинги, которые позволяют моделировать ситуации, приближенные к реальной жизни (О.В. Лунева, У. Мишел, Е.В. Субботский и О.Б. Чеснокова, А.И. Савенков и др.). Современные и доступные технические средства (например, скрытая камера и др.) позволяют фиксировать поведение людей в различных жизненных обстоятельствах. Но в этом случае возникают проблемы этического и юридическо-

го характера. Ограничение на просмотр и анализ видеосюжетов, фотографий и т. п. обусловлено необходимостью соблюдения прав испытуемых и респондентов, включенных в эмпирические исследовательские фонды.

4. Четвертая из представленных проблем связана с отсутствием во многих исследованиях уточнения того, *какая личность является носителем социального интеллекта*. Поскольку социальный интеллект, по мнению многих авторов, связан с детерминацией и регуляцией поведения личности в социуме, представляется важной информация о том, какими социальными, демографическими и другими характеристиками обладает обследуемый, к каким социальным группам принадлежит, а также в какой среде, культуре, повседневной жизни социальный интеллект рассматривается? Подобные данные наиболее полно отражены в публикациях, посвященных представлениям о социальном интеллекте жителей разных регионов мира, культур и этносов [10, 17]. В большинстве опубликованных эмпирических исследований речь идет о социальном интеллекте отдельной личности, школьников и студентах от 14 до 23 лет.

Психологические характеристики мужчин и женщин с разным уровнем самооценки социального интеллекта

Нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление различий социально-психологических характеристик мужчин и женщин двух возрастных групп (18–23 и 35–40 лет; все-

го 4 подгруппы по 50 человек) с разным уровнем самооценки умения ладить с людьми, выстраивать с ними доброзелательные отношения. В группу социально-психологических характеристик вошли следующие: социально-психологическая адаптивность (компонентная оценка и структурные компоненты) измерялись с помощью методики О.Г. Посыпанова; уверенность в себе (общая и структурные компоненты) — методика В. Ромека; уровень самомониторинга личности (М. Снайдер); авторская шкала предпочтений/затруднений в общении. В исследовании был получен значительный массив эмпирических данных, описание которых не входит в формат данной публикации. Ниже остановимся лишь на решении двух задач данного исследования.

Одна из задач была направлена на определение для каждой из изучавшихся подгрупп, сформированных по критериям возраста и пола, наиболее предпочитаемых партнеров по общению, а также тех, с которыми они испытывают в общении наибольшие затруднения.

Предпочтения в общении распределились следующим образом:

- мужчины 35–40 лет предпочитают общаться со своими сверстниками-мужчинами (46%), ровесницами (22%), девушками (22%) и людьми старше 50 лет (10%);

- женщины 35–40 лет предпочитают общаться со своими сверстницами (47%), сверстниками-мужчинами (34%), остальная часть — с юношами, девушками и подростками (в сумме 19%);

- юноши 18–23 лет предпочитают общаться со своими сверстницами

(50%), сверстниками (40%), подростками (10%);

- девушки 18–23 лет предпочитают общаться со своими сверстницами (30%), с юношами (20%), женщинами 35–40 лет (20%), подростками (20%), мужчинами 35–40 лет (10%).

Установлено, что мужчины и женщины старшей группы испытывают наибольшие затруднения в общении с подростками (53 и 40% соответственно). В младшей группе (18–23 года) эта трудность существует только для 10% мужчин и женщин, а 70% юношей и девушек испытывают затруднения в общении с людьми старше 50 лет. Судя по полученным на данной выборке эмпирическим данным, подростки и люди старше 50 лет находятся на периферии предпочтений в качестве партнеров по общению. Наиболее активная часть общества в возрасте от 18 до 40 лет предпочитает общаться преимущественно между собой.

Вторая задача эмпирического исследования была посвящена различиям в умении ладить с людьми у респондентов с разным уровнем самооценки. Несмотря на то что использовался субъективный и косвенный показатель социального интеллекта, были установлены между группами с высоким и низким уровнями самооценки значимые различия (t -критерий Стьюдента, $p \leq 0,01$) по всем показателям социальных способностей, за исключением конкретной стратегии адаптации «конформность». Кроме того, выявлены различия (значения p — от 0,01 до 0,0000...) между мужчинами и женщинами на общей выборке по следующим характеристикам:

социально-психологическая адаптивность (конформность и креативность); уверенность в себе и социальная смелость. Обнаружилось, что мужчины и женщины старше 35 лет имеют более гармоничные профили социально-психологической адаптации (то есть успешное владение разными ее стратегиями), а также более высокие показатели уверенности в себе и навыков контроля за своим поведением в разных социальных группах.

Резюмируя представленные результаты в контексте 4-й проблемы, можно интерпретировать их как свидетельство того, что «трудные» для общения группы (подростки и люди старше 50 лет) недополучают так необходимого им внимания от социально активных групп общества. Развитые социальные способности, обнаруженные у мужчин (35–40 лет), реализуются ими в своем социальном окружении с возрастными характеристиками от 18 до 40 лет, но не используются в общении с подростками. В результате последние недополучают опыт формирования взаимопонимания со взрослыми мужчинами, недостаточно усваивают модели построения позитивных отношений в процессе совместной жизнедеятельности [11]. Таким образом, можно говорить о том, что сами по себе развитые социальные навыки и в целом социальный интеллект высокого уровня не являются универсальными гарантиями успешности взаимодействия в различных социальных, возрастных, гендерных и культурных контекстах.

Некоторые перспективные направления исследования социального интеллекта личности

Трудности изучения социального интеллекта, отраженные в перечисленных проблемах, направляют внимание исследователей на поиск феноменов, близких к нему по содержанию и функциям: социально-психологическая адаптивность и адаптация, социальная чувствительность, проницательность, социально-психологические и коммуникативные способности и др. Представляется, что наиболее онтологически близким к социальному интеллекту является *феномен социально-психологической зрелости* [8, 18]. Отечественный исследователь А.Л. Журавлев внес существенный вклад в определение социально-психологических составляющих этого феномена, обосновав выделение «социально-психологической зрелости» как относительно самостоятельного понятия. Автор подчеркивает важность характеристик этого феномена для включения личности в социум, в различные виды и формы отношений. Кроме того, он полагает, что основным вектором проявления социально-психологической зрелости является обращенность личности к другим людям, или ее общей ориентации на других людей. Именно характеристики этой обращенности и должны составлять, по мнению А.Л. Журавлева, основной спектр исследований данного феномена [8].

По существующим научным описаниям структур социально-психологической зрелости и социального интеллекта видно, что они являются частично пересекающимися понятиями.

Сопоставление их содержания может быть одним из продуктивных путей выделения общего и различного, что позволит более четко определить сущность социального интеллекта и его место среди социально-психологических понятий.

Еще одним конструктивным направлением решения проблем социального интеллекта может стать анализ социально-психологических методических приемов изучения. Так, проведенное автором сравнение определений и описаний социального интеллекта в научных публикациях позволило выделить *ключевые слова*, основными среди которых стали: способность, взаимодействие, поведение, личность.

Понятие «взаимодействие» широко трактуется в социальной психологии, отражая многообразие взглядов исследователей (Г.М. Андреева, Б.Ф. Ломов, А.Л. Журавлев, А.С. Чернышев и др.). Нами реализуется подход, согласно которому взаимодействие рассматривается как форма активности человека, в которой взаимодействие носит субъект-субъектный характер (Б.Ф. Ломов, А.Л. Журавлев и др.). А.Л. Журавлев отмечает, что в социальной психологии эта категория исследована недостаточно, поскольку не выделены социально-психологические характеристики, позволяющие описывать и оценивать практическое взаимодействие людей. Тем не менее автором подробно рассмотрены место и роль взаимодействия в процессах управленческой и в целом совместной деятельности [6, 7, 15].

Рассмотрение социального интеллекта как способности позволяет сравнивать людей между собой и оценивать

эффективность взаимодействия, в котором и реализуется социальный интеллект, придавая ему определенные свойства и качества. Оценивать социальный интеллект при таком его понимании могут эксперты. Подобную функцию могут выполнять только люди, давно знающие и наблюдающие личность — носителя социального интеллекта в процессе ее участия в совместной деятельности. *Малая группа* является той социальной общностью, в которой и осуществляется взаимодействие участников совместной деятельности и жизнедеятельности [5, 7].

Экспертные оценки стали распространенным способом получения качественной информации при недостатке объективных данных, поэтому на современном этапе развития научного знания о социальном интеллекте представляется правомерным использовать *метод экспертных групповых оценок*. Так, А.Л. Журавлев выделяет среди приемов оценки эффективности руководства экспертную оценку результатов деятельности руководителя как конкретный вариант групповой оценки. При этом подчеркивается роль самооценки руководителя и важность ее сопоставления с оценкой группы [3, 4].

Для иллюстрации приведем пример одного объемного исследования с использованием групповой оценки социального интеллекта в школьных и трудовых коллективах (167 человек). Его результаты показали отсутствие трудностей у обследуемых при оценке социального интеллекта, а также высокий уровень согласованности оценок в полярных зонах (частях) использованной шкалы, наличие значимых различий отношения к оцениваемому члену группы

и оценки его личностных качеств. Полученные результаты позволяют уверенно говорить о том, что в данном исследовании методом групповых экспертных оценок выявлялся именно социальный интеллект личности в группе. Таким образом, этот методический прием вполне можно использовать при изучении проявлений социального интеллекта личности в группе.

Рассмотренные в данной работе проблемы исследования социального интеллекта личности отражают прежде всего трудности его изучения. Однако, как представляется, осознание и анализ этих трудностей является этапом, на котором происходит не только их систематизация, но и формирование мотивации дальнейшего научного поиска.

Работы разных авторов, посвященные представлениям людей о социальном интеллекте, а также результаты эмпирических исследований показывают, что в быденном сознании не только отражаются общие характеристики взаимодействия человека с другими людьми, но и формируются оценки успешности этого процесса, поэтому понимание социального интеллекта личности как ее способности ладить с людьми, а также возможность его измерения через экспертную оценку группы могут стать ключом к поиску новых вариантов решения выделенных здесь проблем исследования социального интеллекта. Кроме того, реализация этого подхода позволяет конкретизировать уровень и пространство исследования социального интеллекта личности, рассматривая его в первую очередь как фактор взаимодействия в малой группе.

Литература

1. Белова С.С. Социальный интеллект: сравнительный анализ методик измерения // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследование. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004. С. 109–118.
2. Дружинин В.Н. Психология способностей : избр. труды / отв. ред. А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2007.
3. Журавлев А.Л. Методика экспертной оценки эффективности руководства коллективом // Методики социально-психологической диагностики личности и группы. М.: Ин-т психологии АН СССР, 1990. С. 45–68.
4. Журавлев А.Л. Методика экспертной оценки личностных качеств руководителя производственного коллектива // Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие. М.: Ин-т психологии АН СССР, 1990. С. 85–107.
5. Журавлев А.Л. Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 4–15.
6. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004.
7. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005.
8. Журавлев А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
9. Лунева О.В. Социальный интеллект: история изучения и основные модели. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009.
10. Лунева О.В. Представления о социальном интеллекте разных возрастных групп // ЗПУ-портал. 2009. № 2. Педагогика. Психология. / www.zpu-journal.ru/e — zpu/2009/2/ lunea/
11. Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
12. Психологические исследования интеллекта и творчества: материалы научной конференции. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2010.
13. Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2010.
14. Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований : материалы науч. конф. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005.

15. Совместная деятельность: методология, теория, практика. М.: Наука, 1988.

16. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004. С. 11–28.

17. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.

18. Феномен и категория зрелости в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2007.

19. Greenspan S., Driscoll J. The role of intelligence in a broad model of personal competence // Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues / D.P. Flanagan & J.L. Genshaft. New York: Guilford Press, 1997. P. 131–150.

20. Landy F. History, her history...APS Observer 2005. www.psychologicalscience.org/observer

21. Sternberg R.J. Successful intelligence. New York: Plume, 1997.

22. Guilford J.P. The nature of human intelligence. New York: McGraw-Hill, 1967.

К ВОПРОСУ О ПСИХОДИНАМИКЕ РЕАГИРОВАНИЯ НА ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА СЛУЖБУ (УЧЕБУ)

Д. В. Сочивко, Ю. В. Крымова

Аннотация: в статье представлен психодинамический подход к анализу состояния личности обследуемых в процессе тестирования на полиграфе при профотборе. Эмпирически показана и исследована типичная (напряженная) реакция испытуемого на вопросы о того или иного содержания, независимо о того, имеют они к нему отношение или нет, отвечает он правду или лжет. При этом существенно возрастает вероятность интерпретации ответов при такой реакции полиграфологом именно как реальной лжи, что может быть ошибкой.

Также в результате проведения многомерного статистического анализа данных показано, что вероятность лжи/правды при ответах на разные вопросы нагружает разные полюса факторов (нагрузки имеют разные знаки — плюс или минус). Из чего следует, что вероятность правдивого ответа на один из вопросов устойчиво коррелирует с вероятностью лживого ответа на какой-то другой вопрос. Однако, учитывая вероятностный характер показателя, мы склонны все-таки говорить не о правде и лжи, а о сомнениях испытуемого при ответе на тот или иной вопрос, сопряженного с психофизиологическим напряжением по ряду показателей

Показано, что напряженность при ответе на одни вопросы коррелирует с ее отсутствием при ответах на другие. Следовательно, каждый фактор представляет собой определенный психический тип реагирования современного абиту-

риента на те или иные вопросы. Полученная факторная структура, таким образом, есть сложная интрапсихическая вопросная предубежденность, которая существенно влияет на результаты полиграфического обследования. Эта предубежденность носит психодинамический (побудительный) характер относительно даваемых ответов, и ее действие **не зависит** от их правдивости или лживости.

Ключевые слова: полиграф, специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа, психофизиологическое состояние, психодинамика, психодинамический тип реагирования, вероятность правды или лжи, психодинамическая предубежденность, типичная напряженная реакция, факторы риска, экспертные решения, эффективность СПФИ.

Общепсихологические основания использования полиграфа в практической деятельности по составлению представлений о личности человека, некоторых существенных элементах содержания его внутреннего мира, в особенности тех, которые человек хочет скрыть, имеют давнюю историю и с позиций современной психологии не являются чем-то новым. Эпиграфом к полиграфической теории вполне можно предложить древнегреческое изречение: «Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав». Изменение реакции человека на ситуацию по пульсу активно практиковал в арабском мире Ави-

ценна. В Древнем Китае опытный врач по шести точкам на запястье для прощупывания пульса (в современной терминологии отведений) проводил сравнение показателей и составлял практически полную картину болезни. Одним из последних существенных теоретических достижений на этом пути был ассоциативный метод З. Фрейда, который оценивал задержки времени реакции на те или иные слова, что свидетельствовало об особой их эмоциональной окрашенности для испытуемых.

Современная концепция полиграфа формулируется приблизительно следующим образом. С.И. Журин пишет по этому поводу: «Наиболее ярко эмоции проявляются при угрозе, при внутреннем конфликте, т. е. когда блокируются жизненно важные мотивы субъекта, значимые для него потребности и интересы. Поэтому испытания на полиграфе базируются на гипотезе, состоящей в том, что предъявление субъекту определенных стимулов, имеющих отношение к важным для него событиям или явлениям его жизни, способно проявить у него соответствующее состояние чувства вины, тревоги, беспокойства» [1].

Косвенно полиграфологи признают, что исходное функциональное состояние, а также некоторые базовые свойства личности влияют на результат полиграфического обследования. Например, С.И. Журин пишет по этому поводу: «При проведении ОИП существуют ограничения, при наличии которых проводить ОИП нежелательно, **так как результаты будут неадекватны** (курсив наш. — Д.С., Ю.К.):

- физическое или психическое истощение (сильная усталость) — при та-

ком состоянии притупляются физиологические реакции;

- острая сердечная недостаточность — наличие боли в области сердца заглушит эмоциональную боль от вопросов;

- психическое расстройство;

- алкогольное опьянение, употребление наркотиков или сильно действующих лекарств;

- возраст не менее 16 лет — несовершеннолетние могут не понять как смысла, так и социальной значимости вопроса;

- умственная отсталость — нужен хороший полиграфолог, чтобы выявить слабовыраженные эмоции. Однако если критика поведения отсутствует, то такой подозреваемый сам расскажет все и полиграф в такой ситуации не нужен;

- женщины во второй половине беременности;

- острая боль;

- обострение психопатии, шизофрении, эпилепсии» [1].

В приведенном списке автор не ставит себе задачи выявить те психологические корреляты и их индивидуальную вариативность, которые соответствуют указанным органическим состояниям, хотя очевидно, что именно *психологические состояния*, сопровождающие психическое истощение, вторую половину беременности, сердечные болезни или алкогольное опьянение, делают результаты полиграфического обследования «неадекватными».

Более того, во многих исследованиях по клинической и медицинской психологии убедительно показано, что на одинаковые органические нарушения (болезни или неболезненные от-

клонения в биологическом развитии) у разных людей формируются различные типы психического и психосоматического реагирования [3]. Именно эти психологические особенности реагирования в ситуациях болезни или иных соматических нарушений и делают результаты применения полиграфа «неадекватными», говоря словами уважаемого полиграфолога.

Далее, с учетом изложенного очевидным образом напрашивается мысль о том, что и в относительно нормальном состоянии различные люди по-разному реагируют на внешние ситуации (в том числе на вопросы полиграфолога). Как нами было показано в многочисленных психодинамических исследованиях [3], существуют различные психодинамические типы реагирования человека на одни и те же ситуации. Следовательно, лица разных психодинамических типов поведения и личности будут по-разному реагировать на одни и те же вопросы полиграфолога в ситуации, например, приема на работу, учебу или службу в силовые структуры.

Тогда возникает вопрос, о чем свидетельствуют зафиксированные на полиграфе психофизиологические реакции индивида на различные стимулы (вопросы полиграфолога): о его психодинамическом типе реагирования (это означает, что он всегда реагирует похожим образом на подобные вопросы, независимо от того, отвечает он правдиво или нет), или о его психическом напряжении, вызванном желанием скрыть правдивый ответ и тем, что сам вопрос ему неприятен. Неприятный вопрос может быть связан и с тем, что он хочет скрыть правду или, напротив, хочет сообщить о себе, что он такой назло всем.

Таким образом, с психодинамических позиций формирование психической реакции на ту или иную полиграфическую ситуацию зависит от многих интрапсихических и интерпсихических факторов, а не только от того, отвечает ли испытуемый правду или нет.

Сразу оговоримся, что мы ни в коем случае не отрицаем эффективности полиграфических обследований и их практической значимости. Действительно, напоминание об эмоционально значимых для человека ситуациях изменяет его психофизиологическое состояние, и это можно зафиксировать. Этот факт не подлежит сомнению. Вопрос в том, как и какие выводы из этого следует делать. В данной статье мы предполагаем эмпирически доказать, что существуют разные психологические типы реагирования на ситуацию полиграфического опроса, которые, на наш взгляд, необходимо как-то учитывать при интерпретации полученных результатов, так как то, что как будто свидетельствует о психическом напряжении, сопряженном с ложью, может, согласно нашим данным, свидетельствовать лишь о типичной реакции испытуемого на подобного рода вопросы.

Нами была проведена статистическая обработка результатов полиграфического обследования, полученных при помощи «Автоматической оценки ChanceCalc»*, где результат отображает значимость каждого обработанного стимула по выбранным физиологи-

* Отсутствие данных по обработке психофизиологической информации в компьютерных полиграфических системах с т. з. качества вычисления и информативности связано с заинтересованностью фирм-разработчиков в сохранении тайны алгоритмов обработки и оценки правдивости (лжи) обследуемого субъекта.

Таблица 1

Факторные нагрузки обобщенного показателя психической напряженности (лжи) при ответах на вопросы полиграфолога

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
1.нейтральный	0,718569	-0,000524	0,086905	0,157662	0,008544	0,091392	0,042862
2.жертвенный	-0,031402	-0,081761	0,334290	-0,094557	-0,086699	-0,739043	-0,120732
3.нейтральный	0,175292	-0,136948	0,880013	-0,021516	0,057485	0,020169	0,049477
4.контрольный	0,463287	-0,014310	-0,546198	-0,157698	-0,093309	0,203650	0,443414
5.проверочный	0,027835	0,134668	-0,169703	-0,003965	-0,848833	-0,022031	-0,008114
6.проверочный	-0,066541	-0,787667	0,050535	0,041272	0,008954	0,204006	0,088730
7.проверочный	0,102096	-0,641514	0,117662	0,064470	0,117412	-0,302833	0,092018
8.контрольный	-0,161861	0,306923	0,006207	-0,617743	0,053482	-0,335511	-0,207570
9.проверочный	-0,498946	-0,253070	0,035923	0,202162	0,144112	0,436620	0,131214
10.проверочный	0,070971	0,044449	0,019460	-0,741902	0,000766	0,075118	0,039817
11.контрольный	0,101624	0,125751	-0,238225	-0,147707	0,595538	-0,063195	-0,475158
12.проверочный	-0,023019	0,019503	-0,266379	0,137934	0,123550	-0,667611	0,150985
13.проверочный	-0,040575	0,160924	0,048139	0,008498	-0,000998	0,097203	-0,851137
14.контрольный	-0,537897	0,114882	0,070483	0,153569	-0,052780	0,426527	0,493858
15.проверочный	-0,469602	0,009715	-0,288051	0,023815	0,062105	0,391404	-0,112012
16.проверочный	0,325015	0,379121	0,166319	0,462023	-0,377242	-0,051511	-0,184269
17.проверочный	-0,408792	0,354751	0,024822	0,413133	0,463329	-0,117161	0,162527
18.проверочный	0,446924	0,486550	-0,076499	-0,146822	0,339194	0,117255	-0,008373

Текст вопросов не приводится по соображениям тайны обследования при приеме на службу, но общее содержание будет понятно из дальнейшего изложения

ческим параметрам: кожная реакция, пульс, давление, дыхание (грудное и диафрагмальное) [7].

В опросе участвовали 54 испытуемых абитуриентов, поступающих в ведомственное высшее учебное заведение.

Из таблицы 1 можно видеть, что вероятность лжи/правды при ответах на разные вопросы нагружает разные полюса факторов (нагрузки имеют разные знаки — плюс или минус). Из этого следует, что вероятность правдивого ответа на один из вопросов устойчиво коррелирует с вероятностью лживого ответа на какой-то другой вопрос. Однако, учитывая вероятностный характер показателя, мы склонны все-таки говорить не о правде и лжи, а о сомнениях испытуемого при ответе на тот или иной вопрос, сопряженного с психофизиологическим напряжением по ряду показателей. Таким образом, ситуация может

быть расписана по полученным семи факторам следующим образом.

1-й фактор: либо сомневается, как его зовут (1), в своей честности (4) и есть ли у него незарегистрированное оружие (18); либо в том, состоит ли в запрещенных организациях (9), выпивал ли во время учебы (14), участвовал ли в незаконном обороте наркотиков (15) и играет ли на деньги (17);

2-й фактор: сомневается либо в том, что имел криминальные доходы (6) и совершал уголовно наказуемые деяния (7); либо в том, что имеет незарегистрированное оружие (18);

3-й фактор: сомневается либо в том, что родился в Рязани (3), либо в том, что он честный человек (4);

4-й фактор: сомневается либо в том, что будет покрывать плохих курсантов (8) и имеет связи с криминалом (10); либо в том, что имел неприятности из-за алкоголя (16) и играл на деньги (17);

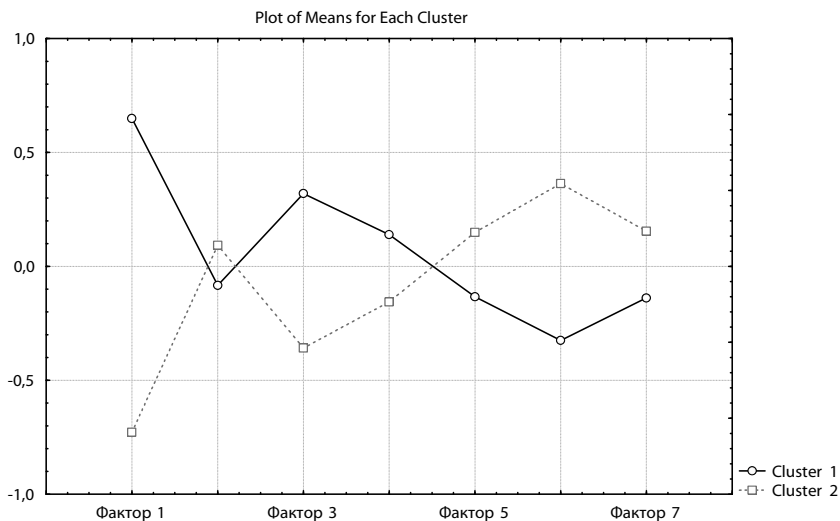


Рис. 1. Психодинамические типы реагирования на вопросы при обследовании на полиграфе. В первый кластер входят 28 испытуемых, во второй — 25

5-й фактор: сомневается либо в том, исказил ли он данные анкеты (5); либо в том, что признается в плохом поступке (11) и играет в азартные игры на деньги (17);

6-й фактор: сомневается либо в том, что будет правдиво отвечать на вопросы (2), и в том, что совершал в школе поступки, достойные серьезного наказания (12), либо в том, что состоит в запрещенных организациях (9) и во время учебы не откажется от спиртного (14);

7-й фактор: сомневается либо в том, что он честный человек (4) и согласится выпить спиртное во время учебы (14), либо в том, что сообщит о своем плохом поступке и в том, что имеет судимых родственников (13).

Полученные результаты достаточно трудно поддаются какой-либо разумной интерпретации. Возьмем, например, первый фактор. Если у испытуе-

мого растет напряжение при ответе на вопрос, как его зовут, то это, возможно, означает, что он опасается называть свое имя в связи с данным обследованием. Это согласуется и сомнениями в своей честности, и почему-то с наличием незарегистрированного оружия (а может, где и завалылось...). Напротив, если подтверждение собственного имени и своей честности не вызывает напряжения, то почему-то оно возникает при вопросах, о вхождении в запрещенные организации, участии в незаконном обороте наркотиков и азартных играх на деньги. Напомним, что речь здесь идет обо всей выборке обследованных, и просто невероятным является то, что ее существенная часть действительно причастна к такого рода деятельности. Следовательно, мы имеем дело с какой-то *типичной* (напряженной) реакцией молодого человека на вопро-

Таблица 2

Корреляционные связи коэффициента напряжения (лживости) при ответах на вопросы полиграфолога и некоторых психодиагностических методов

	Шкала лжи	Пессимистичность	Импульсивность	Социальная интроверсия
3н.	-0,17	0,33	0,36	0,24
8к.	-0,53	0,19	0,18	0,07
9п.	-0,24	0,38	-0,11	0,32
10п.	0,40	-0,01	0,17	-0,30
12п.	0,11	-0,44	0,16	-0,60

Жирным курсивом выделены статистически значимые показатели ($p \leq 0,05$).

сы того или иного содержания, независимо от того, имеют они к нему отношение или нет, отвечает он правду или лжет. При этом существенно возрастает вероятность интерпретации ответов при такой реакции полиграфологом именно как реальной лжи.

Аналогичная ситуация имеет место быть и по всем остальным факторам (табл. 1). Напряженность при ответе на одни вопросы коррелирует с ее отсутствием при ответах на другие. Следовательно, каждый фактор представляет собой определенный психический тип реагирования современного абитуриента на те или иные вопросы. Полученная факторная структура, таким образом, есть сложная интрапсихическая вопросная предубежденность, которая существенно влияет на результаты полиграфического обследования. Эта предубежденность носит психодинамический (побудительный) характер относительно даваемых ответов, и ее действие *не зависит* от их правдивости или лживости.

Далее, если кластеризовать полученное факторное решение по испытуемым, то можно получить два устойчивых типа психодинамической предубе-

новки к обследованию на полиграфе у испытуемых абитуриентов.

На рисунке представлены средние факторные оценки по двум группам (кластерам) испытуемых. Характерно, что эти две группы имеют полярно противоположные значения средних факторных оценок по всем семи факторам относительно нулевой отметки.

На рисунке ясно видно, что существует два устойчивых психодинамических типа испытуемых, которые противоположным образом реагируют на полиграфическое обследование. Так, первый тип (кластер 1) напряженно реагирует на вопросы факторов 1, 3 и 4, соответственно второй тип — противоположным образом. Второй тип напряженно реагирует на вопросы факторов 5, 6, 7, первый тип — соответственно противоположным образом. Таким образом, обобщенная реакция на вопросы полиграфолога, по нашим данным, в существенной мере (если не сказать — в большей степени) зависит от индивидуальных особенностей опрашиваемого, а именно от его психодинамического типа реагирования. Это же подтверждает и корреляционный анализ данных.

Таблица 3

Корреляционные связи коэффициента напряжения (лживости) при ответах на вопросы полиграфолога и показателей психодинамических коэффициентов Сочивко, рассчитанных относительно ряда цветопредпочтений Люшера

	1н.	3н.	4к.	6п.	7п.	8к.	9п.	10п.	11к.	12п.	13п.	14к.	16п.	18п.
4													0,36	
5								-0,43						
6								-0,36						
7								-0,40						
8								-0,45						
10								-0,40						
11								-0,37						
12								-0,42						
13								-0,43						
14								-0,42						
15								-0,39						
16								-0,52						
17								-0,35						
20								-0,41						
21								-0,44						
22								-0,40						
26									-0,39					
46					-0,39									
51					-0,38									
53					-0,44									
55					-0,36									
57					-0,37									
60					-0,35									
62					-0,39									
64					-0,37									
65								0,52						
66								0,55						
67								0,58						
68								0,52						
69								0,48						
70								0,51						
72								0,47						
73								0,50						
74								0,48						
75								0,39						
76								0,42						
77								0,44						
78								0,46						
79								0,28				-0,42		
80								0,50						
81								0,56						
82								0,50						
83								0,52						
84								0,50						
85								0,44						
89													-0,40	
90													-0,42	

Иная картина складывается при анализе корреляционной матрицы психодинамических коэффициентов Сочивко, рассчитанных по ряду цвето-предпочтений в тесте Люшера [3].

Как можно видеть из таблицы 3, количество значимых связей с функциональным состоянием испытуемого (даже не к моменту опроса, а в другой день тестирования и другим психологом) очень велико. Представлено большинство вопросов и психодинамических коэффициентов. Это означает, что напряженность при ответе на вопросы полиграфолога обусловлена в гораздо большей степени функциональным состоянием опрашиваемого, которое детерминировано вовсе не данным опросом или содержанием вопроса, а какими-то совсем другим личностным состоянием (другими «личностными сигналами», если повторить слова Макса Люшера). Можно представить себе такой простой пример. На вопрос о наличии у испытуемого незарегистрированного оружия он может сильно нервничать, что будет оценено как ложь. Но, возможно, он просто видел оружие у своего друга или родственника (любимого человека, с которым у него и есть личностная проблема) и не знает, зарегистрировано оно или нет.

В качестве общего вывода можно сказать, что влияние личностных свойств и особенно устойчивых функциональных состояний на ответы в полиграфическом исследовании очень существенно. Это не отрицает возможности проводить такие обследования и делать правдоподобные выводы, но совершенно необходимо предварительное обследование личности и нивелирование влияния не связанных с вопро-

сами психодинамических особенностей личности опрашиваемого.

Литература

1. Журин С.И. Практика и теория использования детекторов лжи. И-во: Горячая Линия — Телеком, 2004 г.
2. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.
3. Сочивко Д.В. Психодинамика. МПСИ. 2007
4. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема патологизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 30–41.
5. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. с. 6–21.
6. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.
7. Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Сравнение различных систем количественного анализа полиграмм с помощью алгоритма ChanceCalc // Вестник полиграфолога. — 2007. — № 1.
8. Ручные и смешанные методы комплексной оценки полиграмм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.antey-group.ru/chapter5subchapter5.html>.
9. Воронин Р.М., Ковачев О.В., Мачкасов А.И. Интернет-конференция «Пенитенциарная система: наука и практика» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 164–165.
10. Датий А.В., Воронин Р.М. Проблемы организации медицинского обеспечения осужденных и сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 155–156.
11. Датий А.В., Кожевникова Е.Н. Актуальные проблемы прикладной юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 165–166.
12. Кузнецова А.С., Полянин Н.А. Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.
13. Полянин Н.А., Пинтяшин Е.В., Майоров О.А. Научный журнал «Пенитенциарий» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 151–152.
14. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

15. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н. Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 145–149.

16. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Н. В. Дмитриева, Л. С. Качкина

Аннотация: в данной статье представлены результаты исследования осужденных, склонных к суициду, с помощью метода портретных выборов (тест Сонди). В ходе исследования были определены внутренние конфликты и личностные характеристики, которые определяют суицидальное поведение: внутриличностные конфликты; нарциссизм; иррациональные установки; невозможность сексуальной разрядки социально приемлемыми способами; депривация основных потребностей; склонность к употреблению алкоголя, наркотиков; неспособность предвидеть и прогнозировать последствия своих действий; психологическая защита, проявляющаяся в стремлении к избеганию, отрицанию проблем, моральный мазохизм.

Выявлены вероятностные ситуации возникновения суицидального поведения у обследованных:

1) в ситуациях, препятствующих удовлетворению потребностей, при отсутствии контакта с очень значимыми для осужденного людьми, находящимися вне мест изоляции (жена, ребенок, мать

и т. д.) при выраженном цеплянии за значимый объект;

2) при чрезмерном давлении норм на личность. В ситуации нахождения в рамках криминальной субкультуры используются паттерны поведения, характерные для данной среды.

На основании полученных данных исследования выявлены главные направления психологической работы, которые позволяют защитить заключенных-самоубийц от собственных деструктивных проявлений.

Для реализации поставленной цели следует своевременно информировать заинтересованных лиц из числа сотрудников учреждения о наличии у осужденных склонности к суициду, суицидальных намерениях и факторах, способных спровоцировать реализацию данного вида девиантного поведения. Нужно обращать особое внимание на реакцию осужденных при возникновении ситуации повышенного риска суицидального поведения, осуществлять систематический контроль за психоэмоциональным состоянием осужденных, склонных к су-

ициду и состоящих на профилактическом учете. Психокоррекционная работа с данной группой лиц должна быть направлена: на развитие самооценки и самозначимости, повышение ответственности за свою судьбу и жизнь, способности отстаивать свои убеждения, отделять их от мнения группы и в случае необходимости противостоять ее давлению; выработке способности к прогнозированию и предвидению последствий своих поступков; повышению стрессоустойчивости; психологическую поддержку в случае потери значимого близкого; коррекцию деструктивных неадаптивных психологических защит.

Ключевые слова: осужденные, суицид, суицидальное поведение, тест Сонди, исправительное учреждение, внутренний конфликт, психологическая работа, профилактический учет, профилактика.

Актуальность профилактики суицидальных проявлений у лиц, находящихся в местах лишения свободы, обусловлена необходимостью обеспечения конституционных прав подозреваемых, обвиняемых, осужденных на жизнь, достоинство личности, на личную безопасность, охрану здоровья, а также предусмотренных в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации прав этих лиц на психологическую помощь (ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации).

Профилактическая работа с осужденными, склонными к суициду, должна обезопасить личность от реализации аутодеструктивных действий. Реализации данной задачи требует изучения как характерологических осо-

бенностей этой категории осужденных, так и психологических причин, приводящих к возникновению описываемого исследуемого вида девиантного поведения [4, 8].

Одним из эффективных инструментов диагностики суицидальных склонностей является метод портретных выборов (тест Сонди). В контексте нашего исследования методика использовалась для диагностики характера и содержания типовых внутриличностных конфликтов осужденных, склонных к суицидальному поведению.

В исследовании приняли участие 83 осужденных, состоящих на профилактическом учете как склонные к самоубийству и отбывающих наказание в исправительных учреждениях Новосибирской, Иркутской областей, республик Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия и Алтайского края.

На основании полученных результатов была рассчитана сокращенная формула влечений. Манифестный фактор: $k(-) p(0)$. Латентный фактор: $h(+)$ $m(+)$.

К манифестным факторам мы отнесли симптоматические факторы, а к латентным — основополагающие коренные факторы, являющиеся источником психоэмоционального напряжения. Как известно, факторы латентного уровня не в состоянии обеспечить разрядку вовне накопленной отрицательной энергии. В реализации этой задачи им «помогают» факторы манифестного уровня [12].

Полученные данные позволили отнести к латентным факторам суицидального поведения $h(+)$ $m(+)$. Следовательно, причиной аутоагрессивного суицидального поведения являются внутриличностные конфликты, свя-

занные с невозможностью удовлетворить прямым способом сексуальную потребность. Данный конфликт осложняется выявленным у ряда обследованных нарциссическим личностным расстройством с наличием ложных, иррациональных установок, блокирующих возможность сексуальной разрядки социально приемлемыми способами (спорт, творчество, интенсивный труд).

Наряду с указанной иными причинами конфликтов являлись: депривация основных потребностей, склонность к употреблению алкоголя, наркотиков, неудовлетворенная потребность в развлечениях и отсутствие способности предвидеть и прогнозировать последствия своих действий.

Невозможность разрешения внутриличностных конфликтов приводит к проявлению симптомов, связанных с манифестными факторами: $k(-) p(O)$.

Следовательно, для осужденных, склонных к суициду и находящихся на профилактическом учете, характерен такой вид психологической защиты, как стремление к избеганию, отрицанию проблем, которые приводят к нарушению психофизической интегральности. У таких лиц сначала происходит негативная оценка реальной действительности (контакты с людьми, недоброжелательное отношение к окружающим), которая впоследствии отрицается и осуждается с помощью интеллектуальной переработки.

Обнаружено стремление обследованных производить внешнее впечатление сильной личности при внутренней слабой структуре личности и дезинтеграции идентичности. Демонстрация морального мазохизма и готов-

ность жертвовать собой способствуют появлению саморазрушительных тенденций, повышающих риск суицидальных реакций [11].

На следующем этапе исследования была составлена пропорция латентности. Реальная опасность: $C m(+)$ — 8, $Pe(+)$ — 6. Вентиль: Sch — 0.

Невозможность двух противоположных тенденций нейтрализовать и нивелировать друг друга приводит к дисбалансу и является угрозой психоэмоциональной стабильности. Так, согласно полученным нами данным, у респондентов к классу реальности относится $Cm(+)$ и $Pe(+)$.

Следовательно, вероятность возникновения суицидального поведения у обследованных повышается:

1) в ситуациях, препятствующих удовлетворению потребностей, при отсутствии контакта с очень значимыми для осужденного людьми, находящимися вне мест изоляции (жена, ребенок, мать) при выраженном цеплянии за значимый объект;

2) при чрезмерном давлении норм на личность. В ситуации нахождения в рамках криминальной субкультуры используются паттерны поведения, характерные для данной среды.

Таким образом, аутоагрессия как характерологический параметр является не только внутренним личностным фактором, но и внешним, связанным с давлением криминальной среды.

В качестве вентилей выступает наиболее сбалансированный вектор. Вентиль можно рассматривать и как психологический ресурс, который необходимо учитывать при планировании психокоррекционной работы. Вентиль Sch 0 свидетельствует о внутренней усталости

сти от конфликта между стремлением сохранить целостность «Я» и постоянным давлением групповых норм на личность. Следовательно, профилактическая работа должна строиться на обучении умению дистанцироваться от группы, укреплять личностные границы, повышать самооценку, самозначимость и формировать чувство ответственности за свою судьбу и жизнь.

Далее нами был проведен расчет дополнительных показателей. Коэффициент напряжения тенденции: $K_1 = \text{Сумма СНТ} \cdot 100\% / (8 \cdot n) = 36,27$

Выявленный процент симптоматических реакций, незначительно превышающий норму (36,27% при норме 20–30%), служит показателем того, что ресурс (вентиль) может не только позитивно влиять на результат, но и стать источником опасности, то есть конфликт между стремлением удовлетворить значимые потребности и требованиями субкультуры может привести к психоэмоциональному напряжению и стать причиной эмоционального срыва.

Квотient: $K_2 = \text{сумма «О»} / \text{сумма «+-»} = 1,53$

Так как квотient находится в пределах нормы (1,53 при норме 1–3), то можно считать, что потенциальный суицидент сам контролирует свое поведение. Обнаруженный феномен можно также рассматривать как ресурс, свидетельствующий о возможности психологического вмешательства на разных стадиях развития суицидального поведения, включая обучение методам саморегуляции.

Реализация метода пропорций позволила посчитать коэффициент «Мужественность-женственность» и индекс социальности.

Коэффициент «Мужественность-женственность»: $D : M = 188 : 129 = 1,46$.

Полученные результаты выявили амбивалентность, проявляющуюся, с одной стороны, в стремлении к сохранению цельности Я, автономности и агрессивности (маскулинность личности), а с другой — в податливости к требованиям окружения, сенситивности и мягкости (феминность личности).

Оценка индекса социальности: $(\text{СОЦ}+) \cdot 100\% / ((\text{СОЦ}+) + (\text{СОЦ}-)) = 38,11$. Данный показатель является несколько сниженным по отношению к норме (38,11% при норме 40%). На наш взгляд, это может указывать на наличие осознания того, что сам факт лишения себя жизни является осуждаемым и неодобряемым в социуме.

Таким образом, проведенное исследование позволило определить основные направления психологической работы с осужденными, склонными к суициду. Для обеспечения их личностной безопасности необходимы профилактические мероприятия, направленные на минимизацию влияния имеющих личностных деструкций (дефектов в структуре Я) на психофизическую интегральность и жизнь осужденных. Для реализации поставленной цели следует своевременно информировать заинтересованных лиц из числа сотрудников учреждения о наличии у осужденных склонности к суициду, суицидальных намерениях и факторах, способных спровоцировать реализацию данного вида девиантного поведения. Следует обращать особое внимание на реакцию осужденных при получении информации о разрыве с близкими, значимыми людьми (развод, смерть) и наличие конфликтов с другими осужденными [6].

В подготовленной психологом характеристике личности осужденного следует, помимо личностных особенностей, отражать рекомендации по специфике работы с ним [1, 2, 3, 5, 9, 10]. Необходим систематический контроль за психоэмоциональным состоянием осужденных, склонных к суициду и состоящих на профилактическом учете [7, 13, 14, 15].

Психокоррекционная работа с данной группой лиц должна быть направлена:

- на развитие самооценки и самозначимости, повышение ответственности за свою судьбу и жизнь, способность отстаивать свои убеждения, отделять их от мнения группы и в случае необходимости противостоять давлению группы;
- развитие способности к прогнозированию и предвидению последствий своих поступков;
- повышение стрессоустойчивости;
- психологическую поддержку в случае потери значимого близкого;
- коррекцию деструктивных неадаптивных психологических защит.

Литература

1. Актуальные проблемы современной пенициарной психологии : монография / О.А. Тоболевич [и др.] / под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1.
2. Воронин Р.М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
3. Датий А.В., Кожевникова Е.Н. Актуальные проблемы прикладной юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 165–166.

4. Дмитриева Н.В., Первозкина Ю.М., Козырева Т.С. Краткосрочная терапия в решении конфликта // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 228–231.

5. Землин Д.Н. Психологические особенности и меры профилактики демонстративно-шантажного поведения осужденных УИС России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 20–28.

6. Каллистратова Е.Е., Беркович Л.С. Научно-методические основы организации психологической работы с осужденными, состоящими на профилактическом учете как склонные к суициду. Новосибирск: ГУФСИН России по Новосибирской области, 2008. 32 с.

7. Комлев В.А. Социальный конфликт как основная детерминанта суицидального поведения осужденных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 4. С. 185–188.

8. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Емельяненко А.А. История самоубийств: анализ концепций // Международный научно-практический и методический журнал «Смальта». 2014. № 5. С. 75–78.

9. Купцов И.И. Современный подход к значимости воли в психическом и духовном мире // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 146–151.

10. Купцов И.И., Пивоварова Т.В. Рациональные пути исправления несовершеннолетних осужденных // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 26–34.

11. Николаев В.И. Тест Сонди. М.: Когито-Центр, 2007. 149 с.

12. Собчик Л.Н. Метод портретных выборов — модифицированный тест Сонди. М.: ИПП, 1998. 128 с.

13. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.

14. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.

15. Щелкушкина Е.А. Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 85–91.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ МАЛОЛЕТНИМИ ЖЕРТВАМИ ИНЦЕСТА

Е. В. Васкэ

Аннотация: неуклонный рост числа преступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних в современной России требует разработки новых подходов к процессу расследования данной категории преступлений, который традиционно вызывает особые трудности в части доказывания. Виктимное поведение несовершеннолетних потерпевших имеет широкий диапазон, носит специфичный характер, а механизмы его формирования обусловлены рядом внутренних и внешних факторов влияния на систему «жертва — преступник — криминальная ситуация». Работникам следственных органов бывает очень сложно понять не столько мотивы преступного поведения насильника, сколько мотивацию действий (бездействия) несовершеннолетней потерпевшей в той или иной юридически значимой ситуации. Например, в тех случаях, когда несовершеннолетние потерпевшие — жертвы пролонгированной инцестуальной связи не предпринимают даже попыток к оказанию сопротивления насильнику; когда малолетние дети, занимающиеся проституцией, сами настойчиво предлагают клиентам свои сексуальные услуги; когда несовершеннолетние потерпевшие выявляют признаки «псевдопровоцирующего» поведения, активно взаимодействуя с потенциальным преступником в предкриминальной ситуации, и т. д.

Наибольшую сложность не только для работников судебно-следственных

органов, но и для специалистов других областей знаний (педагогов, психологов, сотрудников социальных служб), так или иначе задействованных в период расследования, представляет осмысление ими фактов замалчивания эпизодов сексуального насилия, совершаемого в отношении ребенка (подростка) в семье, как им самим, так и членами его референтной группы. При этом понимание психологических механизмов переживания ребенком внутрисемейного сексуального насилия способствует конструктивному взаимодействию с ним в период проведения расследования, позволяя, с одной стороны, получить максимально полные сведения по ситуации деликта, а с другой — минимизировать вторичную психотравматизацию жертвы инцестуальной связи самой процедурой проведения отдельных следственных действий. В контексте указанной проблематики автором освещаются вопросы, связанные с внутрисемейным сексуальным насилием, совершаемым в отношении детей и подростков; анализируется поведение несовершеннолетних и малолетних жертв инцеста в юридически значимых ситуациях (предкриминальных, криминальных, посткриминальных, следственных). Представлен анализ трансформации эмоционального реагирования малолетних и несовершеннолетних жертв пролонгированной инцестуальной связи. Теоретические выкладки иллюстрируются примерами из экспертной практики автора.

Ключевые слова: *сексуальное насилие, виктимное поведение, мотивация, несовершеннолетние, малолетние, потерпевшие, инцест, преступник, криминальная ситуация.*

Многолетний практический опыт автора по психологическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений показывает, что в настоящий период особые трудности у работников следственных органов возникают при доказывании эпизода (эпизодов) совершения сексуального насилия в отношении малолетнего ребенка, причем на всех этапах расследования по уголовному делу — начиная с доследственной проверки до периода судебного следствия. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев (92% за период с 2013 г. по сентябрь 2014 г. по Нижегородской области и г. Нижнему Новгороду) речь идет о внутрисемейном насилии, когда развратные действия совершаются с ребенком в возрасте от 5 до 12 лет.

Как правило, материальные следы таких преступлений отсутствуют, а насильник категорически отрицает свою вину, в связи с чем основной объем информационной базы — это сведения, полученные непосредственно от ребенка. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что участились случаи, когда матери, являясь законными представителями своих детей, исходя из различных мотиваций (79% — материальная заинтересованность), активно препятствуют возбуждению уголовного дела, несмотря на ранее поданное ими заявление о совершении насилия, вынуждая ребенка признаться в оговоре насильника. Так, за указанный пе-

риод подобные прецеденты составили 68% от всех исследованных нами «сексуальных деликтов», совершенных в отношении детей и подростков.

Сексуальное насилие (coitus per or, coitus per rectum, coitus per vaginale), совершаемое в отношении малолетнего ребенка со стороны близких родственников, несет в себе самый мощный психотравмирующий потенциал: ребенок оказывается не просто незащищенным в единственно надежном для него месте — семье, но и подвергается сексуальным истязаниям со стороны людей, с которыми он находится ежедневно, а иногда и ежеминутно, не имея помощи и поддержки извне. В большинстве случаев сексуальное насилие в отношении малолетнего ребенка со стороны кровных или некровных родственников отличает многоэпизодность. Более того, насильственные действия могут продолжаться на протяжении нескольких месяцев и даже лет.

Так, в нашей экспертной практике был уникальный по своему трагизму прецедент, когда сексуальное насилие (coitus per vaginale, coitus per or) в отношении падчерицы систематически, до нескольких раз в неделю совершалось отчимом в течение 10 лет, начиная с восьмилетнего возраста девочки. При этом в квартире, кроме отчима и матери девочки, проживали родители насильника. По достижении совершеннолетия девушка заявила о содеянном в отношении нее в правоохранительные органы, преступник был осужден и понес законное наказание.

В связи с изложенным у работников следственных органов, как правило, возникает вопрос: почему на протяжении длительного промежутка време-

ни (неделя, месяц, год и т. д.) ребенок никому не говорит о происходящем, безропотно выполняя все требования насильника? Ответ на данный вопрос мы получили при исследовании личности и поведения 352 несовершеннолетних и малолетних потерпевших по преступлениям, предусмотренным ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ (эмпирический материал исследования составили 298 судебно-психологические экспертизы, проведенные автором в 1999–2013 гг.).

В результате проведенного исследования было выделено пять типологических групп несовершеннолетних (малолетних) потерпевших, условно обозначенных как «истинные» (90,2% от общего числа потерпевших)*, из которых жертвы инцестуальной связи (кластер «депривированные») составили 19,2% [4]. Было установлено, что виктимное поведение потерпевших данного типа обусловлено *мотивацией сохранения тайны*, которая быстро становилась устойчивой. Поскольку рамки данной статьи существенно ограничивают нас в подробном изложении полученных результатов исследования, коротко обозначим их.

При первом эпизоде сексуального насилия предкриминальная ситуация, как правило, характеризуется наличием у ребенка чувства доверия и привязанности к преступнику как к члену своей семьи. Криминальная же, являясь неожиданной, первоначально вызывает у ребенка эмоции растерянности. Действия преступника при внутрисемей-

ном насилии, как правило, стереотипны — мужчина (отец, отчим, сожитель матери), отличающийся агрессивным поведением в отношении членов своей семьи, начинает проявлять неожиданную заботу и внимание по отношению к ребенку, которая выражается в покупке сладостей, защите от упреков и наказаний матери и т. д. Малолетний ребенок, воспринимающий подобное поведение как проявление любви и нежности, охотно контактирует с потенциальным преступником, в том числе наедине, испытывая к нему чувство доверия [3].

После совершения первоначальных сексуальных действий, которые могут быть замаскированы под игру, насильник угрожает ребенку гневом (разной степени выраженности) со стороны матери в случае раскрытия «их общей тайны». Инфантильный ребенок, не способный в силу своего малолетнего возраста к осознанию биологического и социального смысла происшедшего, осознает лишь внешнюю сторону событий, понимая при этом, что произошло что-то «нехорошее, стыдное, за что мама будет ругать», испытывая эмоции страха по отношению к матери и первоначально не имея таковых к преступнику.

Так, в отношении малолетней Ф., восьми лет, в течение года неоднократно совершались насильственные сексуальные действия со стороны ее родного отца Ф. (coitus per or, coitus per vaginale), злоупотребляющего алкоголем, ранее неоднократно судимого, в том числе за изнасилование. Мать подэкспертной вынуждена была спать в одной кровати с младшим сыном, а потерпевшая, в силу стесненных жилищных условий, с отцом. Однако через 1,5 месяца девочка с младшим братом вдруг стали при-

* 9,8% от общего числа несовершеннолетних (малолетних) составили мнимые потерпевшие, оговаривающие своих реальных или вымышленных половых партнеров, исходя из различных мотиваций.

ездать на работу к матери, чтобы переночевать там. Потерпевшая пыталась говорить матери о том, что «отец стал плохим, с ним не нужно больше жить», но слова дочери не были восприняты матерью. Сама потерпевшая, пытаясь избежать контактов с отцом (уходила ночевать к матери на работу, старалась не оставаться с ним дома), боялась рассказать матери правду, буквально воспринимая его угрозы. («Меня отец заставлял стирать мои трусики от крови и говорил, что если мама об этом узнает, она меня убьет, а я знала, что мама всегда может накричать на меня и стукнуть, а уж если бы я ей об этом сказала, она меня точно бы убила», — говорил эксперту-психологу малолетний истерзанный ребенок). Несмотря на то что Ф. была способна к осознанию лишь внешней стороны юридически значимых событий, сведения, данные ею в процессе проведения следственных действий, отличала логичность и последовательность при детальном изложении всех нюансов происшедшего. Девочка говорила эксперту о том, что своего отца она ненавидит, все время хочется его стукнуть, а мать — боится, просила эксперта привести ее «на суд, чтобы я перед всем селом все о нем рассказала, о том, что он со мной делал, пусть все узнают какой он, пусть ему стыдно будет».

Безусловно, предкриминальные ситуации могут характеризоваться и изначально чрезвычайно жестоким и циничным поведением насильника по отношению к ребенку, без предварительной его подготовки демонстрацией «нежного, бережного» отношения. В подобных случаях совершение первоначального сексуального насилия происходит с применением грубой физи-

ческой силы со стороны преступника. Подобный механизм совершения насилия характерен для неблагополучных семей, где воспитание детей происходит по типу гипоопеки или даже жестокого обращения, в том числе со стороны матери.

Например, в отношении малолетней С., девяти лет, в течение трех лет совершались изнасилования и насильственные действия сексуального характера со стороны ранее судимого сожителя матери С-на. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, С-н позвал к себе малолетнюю дочь своей сожительницы, велел ей лечь с ним на кровать, после чего, сорвав с нее одежду, совершил половой акт в естественной форме (coitus per vaginale). Девочка, чувствуя сильную боль, кричала, звала на помощь, но мать, находясь в соседней комнате в состоянии алкогольного опьянения, спала и не пришла к ней на помощь. Опасаясь разоблачения, С-н сжег в печи окровавленные трусики девочки и простыню, запретив ей рассказывать о происшедшем, высказывая при этом угрозы убийством. Обвиняемому С-ну вменялось несколько эпизодов насилия (coitus per vaginale, coitus per or) в отношении малолетней С., каждый из которых сопровождался применением грубой физической силы и высказыванием малолетнему ребенку многочисленных угроз убийством. Во всех эпизодах преступлений мать испытуемой находилась в том же помещении (доме), однажды — на одной кровати с ребенком, как всегда, в состоянии алкогольного опьянения. После раскрытия преступления девочка была направлена в детский дом, куда мать приехала к ней единожды и опять

в состоянии алкогольного опьянения. С трудом сдерживая слезы, девочка рассказывала эксперту-психологу: «Мама приехала, меня только расстроила, я весь день проревела, думала, что хоть ко мне разок придет трезвой, а еще узнала, что она уронила сестренку мою маленькую на пол, когда была пьяная. В ходе проведения экспертизы девочка подробнейшим образом описывала все нюансы содеянного в отношении нее, утверждая, что очень боялась отчима, все угрозы убийством воспринимала реально, «когда стала понимать, что это такое, было очень стыдно, часто плакала по ночам под одеялом от обиды и стыда, очень обижалась на маму за то, что она, все зная, продолжала жить с отчимом и не хотела мне ничем помочь». Мать испытуемой в своих показаниях просила прекратить уголовное преследование в отношении С-на, мотивируя это тем, что она с детьми «собирается от него уйти». Обвиняемый С-н вину в содеянном не признавал, поясняя, что ему «сейчас трудно сосредоточиться и правильно опровергнуть предъявленное обвинение».

Рассмотрим трансформацию эмоционального и поведенческого реагирования психически здоровых несовершеннолетних после совершенного в отношении них сексуального насилия, носящего характер массивной и длительной психотравмы. В случае пролонгированной насильственной инцестуальной связи по мере накопления эпизодов механизм переживания ребенком внутрисемейного насилия закономерно приводит по типу «снежного кома» к деформации его личности, трансформации эмоционального, а затем и поведенческого реагирования. Эмоциональ-

ное реагирование потерпевшей (потерпевшего) меняется с течением времени поэтапно [8, 9, 10, 11, 12].

Возникшие у малолетнего ребенка под воздействием угроз насильника эмоции страха перед матерью в течение определенного промежутка времени (двух-трех месяцев) трансформируются в чувство вины по отношению к ней (как к матери, от которой ребенок скрывает их с насильником тайну и как к женщине, с которой живет насильник). Причем с каждым днем мотивация сохранения тайны у жертвы инцеста становится все более устойчивой — ребенок боится рассказать матери о происходящем («а вдруг мама скажет, почему же я раньше молчала») и тайна стремительно обрастает новыми детскими страхами, блокируя возможность получения помощи от матери.

Отношение к преступнику со стороны ребенка начинает носить характер ярко негативного при доминанте страха. Нередко дети, продолжая тщательно скрывать происходящее, пытаются найти защиту у взрослых, как правило посторонних людей (учителей, воспитателей, знакомых), говоря о плохом отношении к ним со стороны насильника (заставляет делать уроки, не пускает гулять, «дает подзатыльники» и т. п.). Однако подобные попытки жертвы насилия найти помощь в большинстве своем оказываются безрезультатными и мотивация сохранения тайны у ребенка становится еще более устойчивой.

Когда сексуальное насилие продолжается в течение нескольких лет и жертва инцеста вступает в пубертатный период, чувство вины по отношению к матери трансформируется в эмоции ненависти по отношению к ней как

к лицу, не замечающему происходящее и, следовательно, не оказывающему помощи (в нашей экспертной практике неоднократно встречались случаи, когда девочка немотивированно, по мнению матери, уговаривала ее расстаться с насильником — «ты его не знаешь», «он тебя не любит» и т. д.).

С течением времени в процессе онтогенеза (начиная с периода среднего пубертатного возраста) на фоне длительной психотравмирующей ситуации, связанной с систематически совершаемыми в отношении теперь уже подростка насильственными сексуальными действиями, устойчивыми индивидуально-психологическими особенностями личности потерпевших становятся следующие: высокий уровень тревожности и эмоциональной напряженности, резко заниженная самооценка, стойкий комплекс неполноценности, пониженный порог фрустрации, робость, боязливость и нерешительность. В старшем подростковом и в раннем юношеском возрасте потерпевшая (потерпевший), будучи уже способной к пониманию внутренней стороны происходящего, рефлексивирует свое поведение в предкриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациях по типу «умственной жвачки», не видя выхода из сложившейся ситуации и не имея в своем поведенческом репертуаре адекватных копинг-стратегий [7].

В связи с тем что пролонгированное инцестуальное сексуальное насилие носит характер «жизненной ситуации» (пред-, пост- и криминальные ситуации постоянно чередуются), у подростка существенно меняется Я-концепция и в рамках сформировавшегося к этому времени стойкому комплексу непол-

ноценности появляется чувство неприятия себя как личности, вплоть до возникновения устойчивых эмоций ненависти к себе, иногда сопряженных и с аутоагрессивными тенденциями.

Психотравмирующее воздействие криминальной ситуации на личность подростка происходит по типу «порочного круга»: полное отсутствие возможности свободного выбора действий, обусловленное сформировавшимися личностными особенностями подростка на фоне неизменно высокого уровня эмоционального напряжения (в структуре стресса), в длительной психотравмирующей ситуации (постоянное ожидание очередного эпизода сексуального насилия) неизбежно приводит к переживанию пролонгированной ситуации сексуального насилия по механизму «терпения», существенно облегчая совершение преступником очередного эпизода [1, 2].

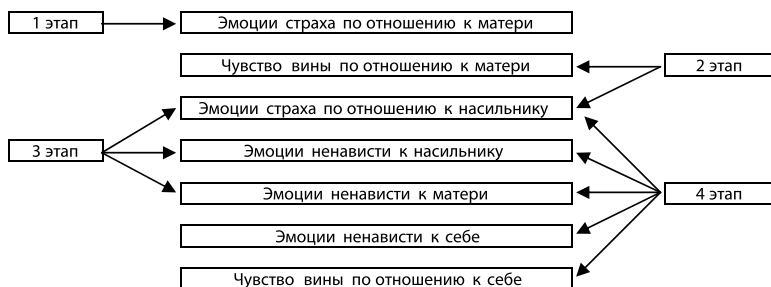
Поскольку к периоду старшего пубертатного, а тем более раннего юношеского возраста потерпевший (потерпевшая) полностью понимает и социальное значение совершаемых в отношении него действий (осознание инцеста как социально неприемлемой формы отношений), четко осознавая свое место в создавшейся ситуации, изменяется и его поведенческий репертуар — подросток замыкается в себе, «ликвидирует» подруг (друзей), оставаясь наедине со своей тайной. В поведении подростка в семье появляются нетипичные для его тревожной, боязливой, зависимой и неуверенной в себе личности внешне обвинительные формы реагирования при высоком уровне вербальной агрессии, направленной преимущественно на мать.

Необходимо отметить, что в тех случаях, когда преступление остается не раскрытым до указанного возрастного периода несовершеннолетнего, триадой доминирующих и сверхсильных эмоций подростка, редко имеющих выход наружу, являются ярко выраженные эмоции ненависти — по отношению к насильнику, матери и к себе самому. При этом чувство страха по отношению к насильнику остается неизменно сильным, а по отношению к себе у рефлексующего подростка появляется чувство вины, которое, как известно, становится базовым для возможного возникновения аутоагрессии.

Так, несовершеннолетняя потерпевшая Л., четырнадцати лет, в течение пяти лет подвергалась систематическому сексуальному насилию (*coitus per or*, *coitus per vaginale*) со стороны своего отчима Н. Когда девочке было около восьми лет, ее мать, работающая скотницей на ферме, вышла замуж за ранее судимого, злоупотребляющего алкоголем Н. Обвиняемый Н. вел асоциальный образ жизни, не работал, систематически алкоголизировался, устраивал в семье постоянные ссоры и драки. В десятилетнем возрасте Л. отчим впервые совершил в отношении нее сексуальное насилие (*coitus per or*), запретив рассказывать кому-либо о происшедшем, при этом угрожал «гневом» со стороны матери. Спустя несколько дней Н. вновь совершил насилие над малолетней Л. (*coitus per vaginale*) и в дальнейшем с периодичностью до нескольких раз в неделю совершал свои преступные действия. При беседе с экспертом-психологом Л. говорила о том, что сначала боялась мать, потом «стеснялась ее, потому что отчим при мне и целовал,

и обнимал мать». Девочка пыталась говорить матери о том, что отчим ее не любит, что с ним лучше расстаться, но в ответ получала лишь негативные эмоции матери, направленные на нее. К десяти с половиной годам девочка стала полностью понимать внутреннее содержание происходящих событий, отчима боялась и ненавидела. Вскоре стала ненавидеть и мать, потому что не заметила того, что происходило, было незаметно, «она же мать и должна была мне помочь, а она к нему лезла с поцелуями». К четырнадцати годам, когда Л. стала понимать и социальное значение совершаемых с ней действий, она практически осталась в эмоциональной изоляции: «всех вокруг ненавидела, с подружками вообще общаться не могла, говорить с ними было не о чем, каждый день ждала изнасилования, не знала, как в этот раз он сделает, матери ни о чем говорить уже не могла и не хотела, себя ненавидела, как и ее с ним». Мать испытываемой при беседе с экспертом говорила о том, что соседи неоднократно советовали ей «присмотреть за мужем и дочкой», намекали на их половую связь, но она не хотела в это верить, так как «очень любила мужа» и лишь после настоячивых уговоров соседки, «проследила за мужем, когда он повел дочку на сеновал, забралась за ними и сама все увидела». Обвиняемый Н. вину в содеянном не признал, был осужден и понес наказание.

Таким образом, в тех случаях, когда первый эпизод насилия совершается в отношении ребенка (жертвы пролонгированной инцестуальной связи) в малолетнем возрасте (4–10 лет), в процессе онтогенеза при развитии сексуального сознания и самосознания потерпевше-



Уровни понимания происходящих событий	Этапы			
	1 (6–8 лет)	2 (9–12 лет)	3 (13–14 лет)	4 (15–17 лет)
Внешняя сторона	+	+	+	+
Внутреннее содержание	-	+	+	+
Социальное значение	-	-	-	+

Трансформация эмоционального реагирования потерпевшей (потерпевшего) в ситуации длительного внутрисемейного сексуального насилия на разных этапах понимания происходящих событий

го трансформация его эмоционального реагирования закономерно проходит четыре этапа (рис.) [4].

При совершении первоначальных эпизодов сексуального насилия в отношении потерпевшей (потерпевшего) пубертатного возраста эмоции страха по отношению к матери отсутствуют, а доминируют эмоции страха перед насильником при наличии все той же мотивации поведения – сохранения тайны, которая становится устойчивой за короткий промежуток времени. Понятно, что в подобных случаях можно говорить о хронической фрустрации ведущих потребностей личности подростка (аффилиативной, потребности в безопасности, в самоуважении и уважении со стороны окружающих), которая с течением времени усиливается, приобретая характер острого переживания

на фоне длительной психотравмирующей ситуации, связанной с сексуальным насилием.

По мере нарастания психотравмирующей ситуации (неоднократного повторения эпизодов сексуального насилия) механизм переживаний подростка (как правило, лица мужского пола) и его поведенческого реагирования по механизму «терпения» может привести к возникновению различных эмоциональных состояний, на высоте которых возможно совершение убийства насильника жертвой (в нашей практике зафиксировано 7 аналогичных случаев). Хроническое состояние фрустрации, характеризующееся накоплением негативных эмоций при выраженной глубине переживаний и сопровождающееся постоянной внутренней напряженностью, оказывает дезорганизу-

ющее влияние на психику подростка, приводя к «катастрофическому поведению».

Приведем еще один пример. Несовершеннолетний У., пятнадцати лет, совершил убийство своего отца. В ходе проведения судебно-психологической экспертизы было установлено, что в течение трех последних лет отец подростка (участник боевых действий, майор в отставке) систематически совершал с ним насильственные действия сексуального характера (*coitus per or, coitus per rectum*). У. объяснял эксперту, что он ни с кем не мог поделиться «этим», «хотел уйти из дома, но идти было куда-то, ходил по вечерам один гулять, так и успокаивался, отец много пил, бил мать, все время ругался». Когда отец первый раз совершил с ним насильственные действия сексуального характера (*coitus per or*), подросток убежал на несколько дней из дома (два дня жил у друга), по приходу домой, отец просил у него прощения, плакал, обещал, что больше такого никогда не повторится. Но все повторялось, и отец «угрожал, что расправится с матерью, со мной, а потом совершит суицид, потому что ему терять нечего». Матери подросток говорил о ссорах с отцом, но о наличии сексуальных действий по отношению к нему со стороны отца даже не намекал. В день совершения деликта У. его отец в очередной раз совершил с ним насильственные действия сексуального характера, после чего подросток нанес множественные удары молотком и ножом по голове и телу отца. Экспертом-психологом сделан вывод о том, что в период совершения инкриминируемого ему деяния У. находился в состоянии выраженного эмоционального на-

пряжения, которое ограничило возможность осознания действий испытуемого, их контроль и регуляцию.

Как показало проведенное исследование, несовершеннолетние потерпевшие, первоначально подвергшиеся сексуальному внутрисемейному насилию в пубертатном возрасте, встречаются крайне редко (6,25%). Понятно, что в подобных случаях переживание психотравмы подростком отличает еще большая глубина, особенно если у несовершеннолетнего до содеянного проявились признаки психического расстройства невротического регистра [6].

Необходимо отметить, что малолетние потерпевшие с мотивацией сохранения тайны в следственных ситуациях ведут себя кардинально противоположно несовершеннолетним с той же мотивацией поведения. Малолетние дети (до десятилетнего возраста) достаточно легко вступают в контакт и независимо от присутствия того или иного законного представителя (матери, педагога, социального работника или психолога детского учреждения) подробно рассказывают о происшедшем, либо несколько смущаясь, либо достаточно эмоционально излагая необходимые сведения. Данный факт легко объясним — преступление раскрыто в малолетнем возрасте ребенка, когда трансформация его эмоционального и поведенческого реагирования не прошла все этапы, завершившись на эмоциях страха по отношению к насильнику и к матери, а также чувстве вины по отношению к ней. В связи с этим малолетний ребенок, неспособный в силу своего возраста осмыслить морально-нравственный урон, нанесенный его личности, избавившись от сексуальных истязаний и

получивший социальную защиту в лице взрослых людей, чувствует себя в безопасности и желает наказания виновному («пусть ему будет так же», «пусть он сядет в тюрьму», «пусть его убьют» и т. д.) [5].

Несмотря на недостаточную сформированность механизмов долговременной памяти малолетних детей, психотравмирующий, массивный и пролонгированный характер сексуального внутрисемейного насилия, эффекты замещения, вытеснения, слипания и расцветивания при воспроизведении внешней, юридически значимой стороны происшедших событий малолетними потерпевшими в период проведения допросов (не позднее двух недель от последнего эпизода) практически не обнаруживались. Безусловно, дети не могли самостоятельно обозначить точные календарные даты эпизодов насилия, поэтому их установлению способствовала привязка к личностно значимым для ребенка обстоятельствам, не связанным с ситуацией преступления.

В отличие от малолетних, несовершеннолетние потерпевшие с мотивацией сохранения тайны, будучи способными к полному пониманию характера и значения совершаемых с ними действий, при проведении следственных действий контактируют крайне неохотно, стараясь как можно скорее закончить общение, избегая детализации показаний («не помню», «уже забыла», «не хочу об этом говорить» и т. д.). При этом установление психологического контакта следователя с потерпевшей бывает сопряжено с определенными трудностями, к числу которых относилось и присутствие на допросе законного представителя подростка. Доста-

точно часто мать потерпевшей является основным раздражителем для подростка, даже в тех случаях, когда она занимает выраженную обвинительную позицию по отношению к преступнику.

Мы не случайно делаем оговорку «даже в тех случаях...». Все чаще встречаются случаи, когда матери несовершеннолетних потерпевших занимают агрессивно-обвинительную позицию по отношению к собственному ребенку, пытаясь представить дочь виновной в происшедшем («мой муж сам этого захотеть не мог, это она его соблазнила», «он не мог поступить по-другому, он же мужчина»). Полагаем, что данная проблематика требует обязательного осмысления с позиции возрождения нравственных и духовных начал в нашем обществе в такое сложное, противоречивое время.

Литература

1. Актуальные проблемы современной пени- тенциарной психологии : монография / О.А. Тоболевич [и др.] ; под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1.
2. Васкэ Е.В. Психологический анализ поведенческого реагирования в юридически значимых ситуациях несовершеннолетних потерпевших по половым преступлениям // Психологические исследования : науч. электрон. журнал. 2010. № 3 (11). 21 с. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n3-11/327-vaske11.html>
3. Васкэ Е.В. Анализ эмоционального реагирования несовершеннолетних потерпевших в ситуациях пролонгированной инцестуальной связи // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 3. С. 42–48.
4. Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия : монография. М.: Генезис, 2014. 312 с.
5. Васкэ Е.В. Использование в ходе допроса профессиональных психологических знаний при взаимодействии следователя с несовершеннолетними (малолетними), потерпевшими от сексуального насилия // Вестник Нижегородского государственного университета. 2011. № 6. Ч. 3. С. 25–31.

6. Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С. Психологическое взаимодействие работников следственных органов с несовершеннолетними допрашиваемыми: структурный анализ // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 23–30.

7. Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С. Психолого-правовая оценка беспомощного состояния несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия // Юридическая психология. 2009. № 3. С. 16–20.

8. Датий А.В., Кожевникова Е.Н. Актуальные проблемы прикладной юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 165–166.

9. Полянин Н.А., Пинтяшин Е.В., Майоров О.А. Научный журнал «Пенитенциарий» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 151–152.

10. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.

11. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.

12. Щелкушкина Е.А. Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 85–91.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИИ ЮНОШЕЙ — ДЕТЕЙ СОТРУДНИКОВ УИС

С. А. Красненкова, Л. Н. Гридьева

Аннотация: изучение и коррекция агрессии девиантных и делинквентных юношей является одним из наиболее широко исследуемых вопросов современной психологии. При этом проблема агрессии юношей — детей сотрудников УИС, среди которых встречаются лица, отличающиеся девиантным поведением, остается неисследованной. Актуальность указанного направления работы диктуется противоречием между необходимостью психологического сопровождения членов семей персонала УИС и недостаточной изученностью особенностей агрессии данного контингента. Новые возможности для изучения агрессии в юношеском возрасте дает учет гендерного подхода. Принятие во внимание гендерного фактора при анализе человеческой агрессивности представляется важнейшим принципом для совершенствования профилактической работы с агрессивными юношами. Ген-

дерный подход предполагает оценивание поведения с точки зрения существующих полоролевых норм.

Гендерные особенности агрессии юношей проявляются в следующем:

- юноши маскулинного типа будут демонстрировать более высокий уровень агрессии, чем юноши андрогинного и феминного гендерного типа;

- юноши феминного гендерного типа будут демонстрировать более низкий уровень проявления агрессии, чем юноши андрогинного и маскулинного гендерного типа.

Методы сбора эмпирической информации осуществлялись при помощи психодиагностических методик. Использовались методика С. Бэм «Полоролевая диагностика феминности — маскулинности»; методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко; методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина и П.А. Кова-

лева; опросник враждебности А. Басса — А. Дарки.

Методы обработки результатов исследования: качественный и количественный анализ, в том числе коэффициент корреляции χ^2 — критерия Пирсона.

В предлагаемой статье представлены результаты эмпирического исследования гендерных особенностей агрессии несовершеннолетних трех групп: детей сотрудников УИС, занимающихся в спортивных секциях, учащихся кадетской школы-интерната и осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии. Выбор респондентов для исследования объясняется особенностями условий жизни юношей данных групп, такими как установленный распорядок дня, необходимость ежедневного соблюдения правил и т. д., что, с нашей точки зрения, является одним из важных факторов, влияющих на уровень проявляемой агрессии.

Проведенное эмпирическое исследование позволило сделать вывод о том, что уровень агрессивности юношей в большей степени обусловлен именно гендерными характеристиками, а не особенностями той группы, в которую они входят. Выявленные отличия между маскулинными, андрогинными и феминными юношами имеют достоверные различия.

Надеемся, что статья будет интересна пенитенциарным психологам, педагогам, а также всем, кто интересуется проблемами агрессии юношей и гендерной психологии.

Ключевые слова: дети сотрудников УИС, агрессия юношей, гендерные особенности агрессии, девианты, несовершеннолетние осужденные.

Изучение и коррекция агрессии девиантных юношей относятся к перспективным направлениям исследовательской деятельности в современной психологии. При этом проблема агрессии юношей — детей сотрудников УИС, среди которых встречаются лица, отличающиеся девиантным поведением, остается неисследованной. Учащение агрессивных проявлений в юношеском возрасте — острая социально-психологическая проблема нашего общества. Агрессия, в какой бы форме она ни проявлялась, представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому индивиду.

Изучение и коррекция агрессии девиантных и делинквентных юношей относится к широко исследуемым психологами вопросам (И.С. Гашишина [1], Н.В. Чудова [2], А.Н. Воронин [3], С.А. Красненкова [4]). Учитывая, что девиантное поведение отражает социально-психологический статус личности на пути от социализации к дезадаптации, девиантное поведение несовершеннолетних целесообразно рассматривать с точки зрения таких основных концептуальных подходов, как психиатрический, психологический, социальный, возрастной, гендерный [4, с. 16].

Об актуальности проблемы изучения особенностей и психокоррекции агрессии юношей — детей сотрудников пенитенциарной системы свидетельствуют исследования, по данным которых, среди членов семей сотрудников УИС растет количество лиц, отличающихся агрессивностью, деструктивным поведением [5, с. 4].

Противоречие между необходимостью психологического сопровождения

детей персонала УИС и недостаточной изученностью особенностей агрессии данного контингента обусловило актуальность проведения нами эмпирического исследования. Новые возможности для изучения агрессии в юношеском возрасте дает гендерный подход. Учет гендерного фактора при анализе человеческой агрессивности представляется важнейшим принципом для совершенствования профилактической работы с агрессивными юношами.

Гендерные особенности современного общества отражены в работах Т.В. Бендас [6], Л.Н. Гридаевой [7], И.С. Клецина [8]. И.С. Клецина определяет гендер как социально-биологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии, и определяющий стиль жизни, образ мыслей, норм, предпочтений и т. д. [8].

Под маскулинность будем рассматривать комплекс аттитудов, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, которые традиционно приписываются мужскому полу и детерминируют социальную практику конкретных индивидов. Под фемининность — характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе. Под андрогинность — демонстрацию в поведении как маскулинных, так и феминных характеристик.

Современные исследования гендерного аспекта девиантного поведения представлены исследователями Д.В. Сочивко, О.А. Тоболевич [9]. В их работах сформулированы психокоррекционные стратегии работы с представителями различных гендерных типов. Учет

гендерной позиции при анализе человеческой агрессивности представляется важнейшим фактором для совершенствования профилактической работы с агрессивными юношами.

Цель исследования: выявить гендерные особенности проявления агрессии юношей. Объект исследования: проявление агрессии юношей. Предмет исследования: гендерные особенности проявления агрессии юношей.

Гипотеза: существуют гендерные особенности проявления агрессии юношей, а именно: мы предполагаем, что юноши маскулинного типа будут демонстрировать более высокий уровень агрессии, чем юноши андрогинного и феминного гендерного типа; юноши феминного гендерного типа будут демонстрировать более низкий уровень проявления агрессии, чем юноши андрогинного и маскулинного гендерного типа.

В исследовании приняли участие 60 юношей в возрасте от 15 до 17 лет. Среди испытуемых были выделены три группы:

1-я группа — спортсмены (20 человек) — дети сотрудников УИС Воронежской области, занимающиеся в спортивных секциях;

2-я группа — кадеты (20 человек) — учащиеся кадетской школы-интерната Воронежской области «Горожанский казачий кадетский корпус»;

3-я группа — осужденные, отбывающие наказание в Бобровской воспитательной колонии УФСИН России по Воронежской области (20 человек).

Выбор респондентов для исследования объясняется похожими характеристиками условий жизни юношей данных групп: для 1-й группы — необходи-

мостью соблюдать спортивный режим; для 2-й группы — соблюдать режим дня; для 3-й группы — соблюдать правила внутреннего распорядка пенитенциарного учреждения.

Сбор эмпирической информации осуществлялся при помощи следующих психодиагностических методик:

1) методика С. Бэм «Полоролевая диагностика феминности — маскулинности»;

2) методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко;

3) методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева;

4) опросник враждебности А. Басса — А. Дарки.

Методы обработки результатов исследования: качественный и количественный анализ, в том числе коэффициент корреляции χ^2 — критерия Пирсона.

По методике С. Бэм «Полоролевая диагностика феминности — маскулинности» было выявлено, что во всех трех группах преобладает андрогинный гендерный тип, при этом наибольший процент — у спортсменов и осужденных — по 80%. Следует отметить, что спортсменов маскулинного гендерного типа больше (20%), чем кадетов (10%) и осужденных (5%). Это отражает характеристики группы, члены которой в большей степени относительно других нацелены на достижение победы.

Методикой враждебности А. Басса — А. Дарки было выявлено, что у кадетов доминируют результаты по шкале «вербальная агрессия», у спортсменов — «физическая агрессия», а у осужденных — «негативизм» и «раздражительность». Во всех трех группах пара-

метр «чувство вины» имеет самые низкие показатели.

С точки зрения гендерных особенностей по методике А. Басса — А. Дарки было выявлено, что у юношей маскулинного гендерного типа преобладают шкалы «физическая и вербальная агрессия», у феминных юношей — «подозрительность», а у андрогинов — «вербальная агрессия» и «негативизм».

По методике «Диагностика коммуникативной установки» В.В. Бойко было выявлено, что во всех трех исследуемых группах доминируют показатели открытой жестокости. Однако у юношей маскулинного гендерного типа процент по данной шкале выше, чем у андрогинов и феминнов (38, 26 и 22% соответственно). Кроме того, у маскулинного гендерного типа высокие показатели результатов по шкале «завуалированная жестокость». Все три группы имеют низкие показатели результатов по шкале «обоснованный негативизм».

Проведенная статистическая обработка результатов методики «Коммуникативная установка» позволила говорить о достоверности полученных результатов.

Результаты методики «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева показали, что в группах спортсменов и кадетов более высокий такой показатель, как «напористость», а в группе осужденных доминирует «подозрительность». Таким образом, спортсмены и кадеты демонстрируют позитивную агрессивность. Анализ результатов указанной методики с учетом гендерного аспекта показал, что юноши с маскулинными характеристиками больше склонны к проявлению негативной агрессивности, что

соответствует особенностям данного гендерного типа. У андрогинных и феминных юношей доминирует показатель «конфликтность».

Гипотеза о том, что юноши маскулинного гендерного типа будут демонстрировать более высокие показатели уровня агрессии, чем юноши андрогинного гендерного типа, а юноши феминного гендерного типа — более низкие показатели, чем юноши маскулинного и андрогинного гендерного типа, нашла свое подтверждение. При этом уровень агрессивности юношей в большей степени обусловлен именно гендерными характеристиками, а не особенностями той группы, в которую они входят. Выявленные отличия между маскулинными, андрогинными и феминными юношами имеют достоверные различия.

Таким образом, проведенное исследование не выявило каких-либо особенностей агрессии юношей — детей сотрудников УИС. Полученные результаты позволяют предположить, что коррекционные и профилактические программы, направленные на преодоление и снижение агрессивности юношей, будут более эффективны, если разрабатываются с учетом гендерных характеристик контингента. Однако следует отметить, что данная проблема не исчерпывается рамками конкретной работы и требует дальнейших исследований с расширением выборки и батареи методик [10, 11, 12, 13, 14, 15].

Литература

1. Ганишина И. С., Жарких А. Л. Взаимосвязь уверенности в себе с эмоциональностью и агрессивностью // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 85–92.
2. Чудова Н. В. Исследование ценностных оснований агрессивности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 80–87.
3. Воронин А. Н., Лучинина Е. В. Влияние социальной микросреды на проявление агрессивности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 97–113.
4. Красненкова С. А. Развитие подростка и девиации подросткового кризиса : учеб.-метод. пособие для студентов очного и заочного отделений бакалавриата, обучающихся по направлению 050400.62 — Психолого-педагогическое образование, профиль «Психология образования». Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2012. 208 с.
5. Красненкова С. А. Гештальториентированная арт-коррекция психических состояний сотрудников пенитенциарной системы и членов их семей : дис. ... канд. психол. наук. Рязань: Академия ФСИН России, 2007. 199 с.
6. Бендас Т. В. Гендерная психология : учеб. пособие. СПб., 2007. 431 с.
7. Гридяева Л. Н. Когнитивный подход к изучению гендерной субкультуры женщин // Социальная политика и социология. 2009. № 9. С. 26–34.
8. Клецина И. С. От психологии пола к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 42–56.
9. Сочивко Д. В., Тоболевич О. А. Основы построения психокоррекционных и исправительных программ осужденных мужчин и женщин // Гуманитарный пенитенциарный вестник. 2008. № 3. С. 71–81.
10. Датиц А. В., Кожевникова Е. Н. Актуальные проблемы прикладной юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 165–166.
11. Кузнецова А. С., Полянин Н. А. Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.
12. Полянин Н. А., Пинтяшин Е. В., Майоров О. А. Научный журнал «Пенитенциарий» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 151–152.
13. Сочивко Д. В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.
14. Сочивко Д. В., Савченко Т. Н., Блиникова И. В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.
15. Щелкушкина Е. А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

МАРКЕРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ

А. В. Болдырев, Т. А. Болдырева, Л. В. Тхоржевская

Аннотация: Эмоциональное выгорание рассматривается как механизм развития профессиональных деструкций личности, обладающий сходной с общим адаптационным синдромом динамикой, но имеющей специфическую локализацию эффектов на уровне семантического пространства личности профессионала. Авторами были выделены специфические условия труда, в которых возрастает вероятность развития эмоционального выгорания. Эмпирическое исследование было реализовано посредством сравнительного метода. Сравнение проводилось между группами учителей средних общеобразовательных школ, специалистов центров социальной защиты населения и сотрудников уголовно-исполнительной системы. С использованием данных обследования по методикам В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» и Н.Е. Водопьяновой «Профессиональное выгорание» эмпирически были выделены по две группы сотрудников каждой профессии с признаками эмоционального выгорания и без таковых. У выделенных групп исследовались атрибутивный стиль (методика оценки атрибутивного стиля СТОУН-В), смыслжизненные ориентации, качественные характеристики агрессии, а также особенности семантического пространства. Цель сравнения состояла в выявлении таких признаков, которые были бы обязательными для сотрудников, демонстрирующих признаки эмоционального

выгорания, и не зависели от особенностей профессиональной деятельности. Наиболее универсальные признаки эмоционального выгорания были обнаружены на уровне семантического пространства. Они проявились прежде всего в особенностях коннотативного значения понятия, обозначающего предмет труда, и в семантической удаленности понятия «моя работа» от понятий «успех», «радость», «счастье», «надежда». В результате могут быть обозначены некоторые количественные признаки — синдромы эмоционального выгорания при оценке семантического пространства посредством методики семантический дифференциал. Проведенное исследование позволяет констатировать локализацию основных симптомов эмоционального выгорания на уровне смыслового пространства личности. Приведенные данные могут быть использованы в скрининговой диагностике эмоционального выгорания.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональное выгорание, семантическое пространство, семантический дифференциал, уголовно-исполнительная система, феномен недоверия, смыслжизненные ориентации, семантическая удаленность, коннотативное значение, предмет труда.

Подготовка и профессиональное становление специалиста, работающего с людьми, в среднем занимает 7–10 лет. В этот промежуток вклю-

чены как годы обучения в учреждении профессионального образования, так и первые годы работы по профессии, когда молодой специалист осваивает и основные профессиональные навыки, и усваивает главные профессиональные ценности. Сформулированный С.Л. Рубинштейном принцип развития психики человека в деятельности объясняет значимость полноценной трудовой деятельности в процессе становления специалиста, невозможности профессионального развития без реализации знаний, умений и навыков в реальных условиях работы.

Однако эмоционально насыщенное взаимодействие с людьми, выступающими в качестве предмета труда учителей, коррекционных педагогов, социальных работников, сотрудников уголовно-исполнительной системы, врачей, среднего медицинского персонала лечебных учреждений и других специалистов, работающих в системе «человек — человек» чревато развитием так называемого синдрома эмоционального выгорания, способного снизить эффективность трудовой деятельности, деформировать личность специалиста. В результате освоивший, казалось бы, умения, получивший навыки, узнавший структуру трудовой деятельности специалист оказывается непригодным профессионально, время и усилия, затраченные на его формирование, не оправдывают себя.

По разным источникам, эмоциональному выгоранию подвергаются от 20 до 80% специалистов социально-мических профессий. Так, по данным В.М. Лымаренко с соавторами, более 24% врачей скорой помощи в той или иной степени подвержены синдрому

эмоционального выгорания, А.А. Обознов и О.Н. Доценко констатируют, что у 48% учителей, включенных в проведенное ими исследование, продемонстрировали признаки синдрома эмоционального выгорания, по данным Т.В. Рединой, 29% педагогов коррекционных школ обнаруживают признаки синдрома эмоционального выгорания [3, 5, 7]. Столь широкая распространенность эмоционального выгорания обуславливает актуальность исследования данного явления, выделения четких и однозначных параметров ее описания, надежных диагностических признаков.

Обозначенная проблема многоаспектна, обилие публикаций по данной проблематике существенно осложняет выделение категориальной отнесенности эмоционального выгорания. Действительно, можно выделить, как минимум, два подхода к эмоциональному выгоранию.

С точки зрения медицинского подхода эмоциональное выгорание представляет собой обратимое состояние, спровоцированное трудовым стрессом, патологическое влияние которого может быть ослаблено рядом лечебных мероприятий. С точки зрения подхода сугубо психологического эмоциональное выгорание рассматривается как процесс неблагоприятных и сложных по своей структуре смысловых изменений личности, обладающих признаками необратимости и тенденцией к генерализации на все сферы социально-психологического функционирования субъекта [1, 2, 8].

Общим моментом в обозначенных подходах является признание стрессорной природы эмоционального вы-

горания. Однако место и роль стресса в эмоциональном выгорании остаются дискуссионным вопросом. Выступает ли стресс пусковым механизмом эмоционального выгорания, является ли сенсбилизирующим элементом деструктивного разрешения внутриличностных и нравственных конфликтов, возникающих в процессе трудовой деятельности, которые по сути своей также неизбежны и даже необходимы для личностного становления профессионала?

Конфликт и характер его разрешения оказываются наиболее значимыми для содержания самосознания личности профессионала. Последнее, в свою очередь, ставит вопрос о причинно-следственных связях эмоционального выгорания и профессиональных деструкций. Данная проблематика получила широкое освещение в работе О.А. Щербининой [9].

Наполнение самосознания теми или иными ценностями, приоритет установок не возникают у человека отдельно от преобразований общественного мнения. Разные attitudes общества в отношении социальной успешности человека, престижности профессии, личностной значимости и социальной полезности реализуемой трудовой деятельности могут формировать предпосылки для конфликта между возможностями личности и социально одобряемыми формами достижения желаемого социального статуса. С одной стороны, существует широкая вариативность форм и моделей достижения ожидаемого социального статуса, что связано с работой, профессией, трудовой деятельностью, с другой стороны, отмечается конфликт критериев социальной успешности че-

ловека в современном общественном сознании.

Как минимум, можно выделить два полярных критерия, которые могут восприниматься конкретной личностью как взаимоисключающие, — индивидуальное благополучие или социальную полезность. В работе Н.М. Мухамеджановой проанализированы проблемы и неразрешенные противоречия свободы и порядка в модернизирующихся обществах Запада и Востока [4]. Автор акцентирует внимание на побочном эффекте модернизации — искажении идентичности личности в обществе с пластичными, многовариативными устоями, а точнее, хаотичными, неупорядоченными общественными attitudes. Личность с искаженной и/или рассогласованной идентичностью в наибольшей мере подвержена генерации стрессовых стимулов. Будучи важнейшей сферой социального функционирования взрослого человека, трудовая деятельность становится основной плоскостью и проявления, и обретения смыслов собственного существования.

Е.Л. Солдатова и А.А. Шевченко проанализировали связь динамики эмоционального выгорания и кризисов эго-идентичности профессионалов. Утрата и рассогласование ценностной сферы приводят к усугублению проявлений эмоционального выгорания у представителей социэкономических профессий. Неблагоприятная самооценка, страх неуспешности распространяются с трудовой деятельностью на межличностные, семейные взаимоотношения [8]. Возникает, таким образом, эффект «замыкания» в искаженных смыслах и ценностях, расстроеной эго-идентичности человека, нарушения целостности лич-

ности, что не позволяет профессионалу овладеть стрессовыми, а нередко и экстремальными условиями профессиональной деятельности [6].

Сформированная неблагоприятная самооценка, сенсбилизированная повторяющимися ситуациями неуспехов в типичных трудовых ситуациях, заставляет человека переосмысливать систему критериев объективной оценки процесса и результатов своего труда. Следовательно, эмоциональное выгорание опосредует развитие профессиональных деструкций личности. Так, к числу специфических для уголовно-исполнительной системы профессиональных деструкций можно отнести феномен недоверия, характерные признаки которого в семантическом пространстве могут пониматься как базовый смысловой элемент образа мыслей, стратегии и тактики профессионального, а затем и бытового поведения пенитенциарных служащих.

Таким образом, эмоциональное выгорание может рассматриваться как фиксированный на уровне смысловых личностных структур эффект адаптации профессионала к стрессогенным условиям трудовой деятельности. В связи с этим можно предположить, что наиболее универсальные диагностические признаки эмоционального выгорания будут локализованы именно в сфере смысловой, на уровне семантического пространства личности. Изложим обобщенные результаты наших многолетних исследований в данном направлении.

Мы объединили данные исследования эмоционального выгорания, которые проводились нами на протяжении 7 лет, у учителей средних общеоб-

разовательных школ, педагогов интернатных учреждений, коррекционных педагогов в специальных коррекционных школах, сотрудников отделов безопасности, воспитательных отделов учреждений уголовно-исполнительной системы, специалистов учреждений социальной защиты населения. Подобного рода объединение представляется возможным по ряду причин.

Во-первых, речь идет о тех специалистах, в чьи функциональные обязанности входит непосредственное взаимодействие с людьми как с предметом профессиональной деятельности.

Во-вторых, их профессиональная деятельность протекает всегда в ситуации повышенной эмоциональной нагрузки.

В-третьих, с точки зрения статистического анализа (а именно в оценке достоверности различий по выборке с помощью критериев Стьюдента и Манна — Уитни) можно говорить о валидности подобных сравнений, так как существенных различий по параметрам отношения к предмету своего труда, собственной профессиональной деятельности между выборками специалистов не отмечалось. Генеральная выборка, таким образом, обладает достаточной гомогенностью.

В-четвертых, исследование проводили с помощью одних и тех же психодиагностических методик, с одним и тем же типом обработки данных.

В целом исследование проведено на генеральной выборке в количестве 632 человек, из них 341 — сотрудники уголовно-исполнительной системы, 217 — сотрудники образовательных учреждений и 64 человека — сотрудники учреждений социальной за-

щиты населения. В целом по выборке сотрудников с признаками эмоционального выгорания примерно равное распределение мужчин женщин: мужчин — 48% (245 человек) и 52% (305 человек). Все включенные в выборку специалисты проявляли признаки эмоционального выгорания по данным психодиагностических методик: В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» и Н.Е. Водопьяновой «Профессиональное выгорание». Включенные в генеральную выборку респонденты проявляли симптомы эмоционального выгорания как по первой, так и по второй методике.

Стаж работы в должности составлял от 3 до 8 лет, средний возраст по генеральной выборке — 37,5 года, у педагогов — 41,2, у специалистов учреждений социальной защиты населения — 36,1, у сотрудников уголовно-исполнительной системы — 35,4 года. Отметим, что значимых корреляционных связей с возрастом и стажем профессиональной деятельности ни у педагогов, ни у сотрудников уголовно-исполнительной системы нам обнаружить не удалось. У сотрудников учреждений социальной защиты населения выявлена обратная корреляционная связь на уровне $-0,512$ (коэффициент Спирмена) между возрастом и уровнем эмоционального выгорания по данным методики В.В. Бойко.

Семейное положение специалистов также не имеет значимых корреляционных связей с уровнем эмоционального выгорания.

Группу сравнения составили сотрудники без признаков эмоционального выгорания в количестве 821 человека, сотрудники уголовно-исполнительной

системы — 430 человек, педагоги в целом — 318 человек, сотрудники учреждений социальной защиты — 73 человека, из них мужчин — 409 (49,8%), женщин — 412 (50,2%). Различий с выборкой сотрудников с признаками эмоционального выгорания по параметрам стажа и возраста, семейного положения выгорания отмечено не было (по расчету t -критерия Стьюдента для оценки достоверности различий по выборке).

У сотрудников, вошедших в группы сравнения, измерялись поведенческие и эмоционально-смысловые компоненты. Оценивались уровень агрессии и агрессивности, эмоциональное состояние, смысложизненные ориентации, атрибутивный стиль и семантическое пространство. Различия оценивались как между группами сотрудников с признаками эмоционального выгорания и без таковых, так и между сотрудниками с признаками эмоционального выгорания, работающими в разных сферах и имеющих разный уровень эмоционального выгорания.

Агрессия и агрессивность различаются по типам своего проявления у респондентов в зависимости от уровня эмоционального выгорания, по отношению к каждой сфере трудовой деятельности можно выделить специфические закономерности трансформации поведенческих проявлений агрессии и уровня агрессивности по мере развития эмоционального выгорания, общим является не столько повышение общего уровня агрессивности, сколько смена одних форм агрессии на другие, часто менее конструктивные в конкретных ситуациях профессионального взаимодействия.

Таблица 1

Средний диапазон значений по факторам оценки, силы и активности у специалистов с признаками эмоционального выгорания и без таковых коннотативного значения понятия, обозначающего предмет труда

Фактор	Группа специалистов с признаками эмоционального выгорания	Группа сотрудников без признаков эмоционального выгорания
Оценка	$-2 \pm 2,4$	$4 \pm 3,9$
Сила	$-1 \pm 3,1$	$3 \pm 2,7$
Активность	$6 \pm 2,9$	$1 \pm 4,6$

В области оценки эмоционального состояния можно отметить сравнительное снижение настроения, однако дисфорический фон также нельзя выделить как универсальный признак эмоционального выгорания.

В отношении атрибутивного стиля обращает на себя внимание невыраженность какой-то общей тенденции в отношении объяснения собственных успехов и неудач, хотя обязательным является снижение общего показателя оптимизма (по данным теста СТОУН-В).

Наиболее ярко выраженными общими тенденциями для всех категорий специалистов с признаками эмоционального выгорания оказались в семантическом пространстве.

Семантическое пространство исследовали посредством метода семантического дифференциала. Был использован вариант семантического дифференциала, включающий в себя 12 шкал (гладкое — шершавое, женственное — мужественное, горячее — холодное, смутное — ясное, сильное — слабое, тихое — громкое, хорошее — плохое, маленькое — большое, острое — тупое, кислое — сладкое, сложное — простое, пассивное — активное), которые объединены в три типовых фактора оценки, силы и активности. Каждый фактор мо-

жет быть оценен от +12 до — 12 баллов.

Для оценивания респондентам были предложены понятия, которые составляют актуальную профессиональную ситуацию. Среди прочих были понятия, обозначающие предмет труда — то есть людей, с которыми непосредственно работают специалисты. Для сотрудников УИС — это «осужденный», для педагогов — «мои ученики», «мои воспитанники», для сотрудников учреждений социальной защиты было выбрано понятие «мои подопечные». Обнаружилась интересная закономерность: на уровне значений факторов оценки, силы и активности сотрудники с признаками эмоционального выгорания по сравнению с сотрудниками без признаков такового демонстрируют существенные различия в коннотативном значении соответствующих понятий.

Для сотрудников с признаками эмоционального выгорания предмет труда обладает низкой оценкой, часто выходящей в диапазон отрицательных значений, отрицательной или невысокой силой и высоким уровнем значений по фактору активности.

У сотрудников без признаков эмоционального выгорания чаще по факторам оценки и силы предмет труда обладает значениями, не выходящим за

диапазон положительных, по фактору активности отмечен большой разброс возможных значений по выборке.

В таблице представлены наиболее характерные значения по факторам оценки, силы и активности с учетом стандартного отклонения у респондентов с эмоциональным выгоранием и без признаков такового. Примечательно, что эти значения обладают сравнительно небольшим разбросом по выборке респондентов с признаками эмоционального выгорания, в отношении респондентов из группы сравнения можно отметить, что при довольно большом разнообразии значений по выборке по факторам в отношении предмета труда по факторам оценки и активности отмечается низкий разброс по фактору силы.

Иными словами, можно говорить о том, что при формировании синдрома эмоционального выгорания трансформируется прежде всего отношение к предмету труда. На уровне коннотативного значения оно, судя по полученным нами данным, приобретает выраженное своеобразие, отраженное в снижении оценки и силы понятия, обозначающего предмет труда. Предмет труда теряет свою привлекательность для специалиста, обладает либо нейтральной, либо отрицательной эмоциональной окраской, воспринимается в подавляющем большинстве случаев как явление неприятное, нередко угрожающее, одновременно с этим значимость, ценность человека или людей, выступающих в качестве предмета труда, также снижается. Модификация поведения специалиста как бы становится независимой от свойств личности ученика, подопечного, осужденного, от харак-

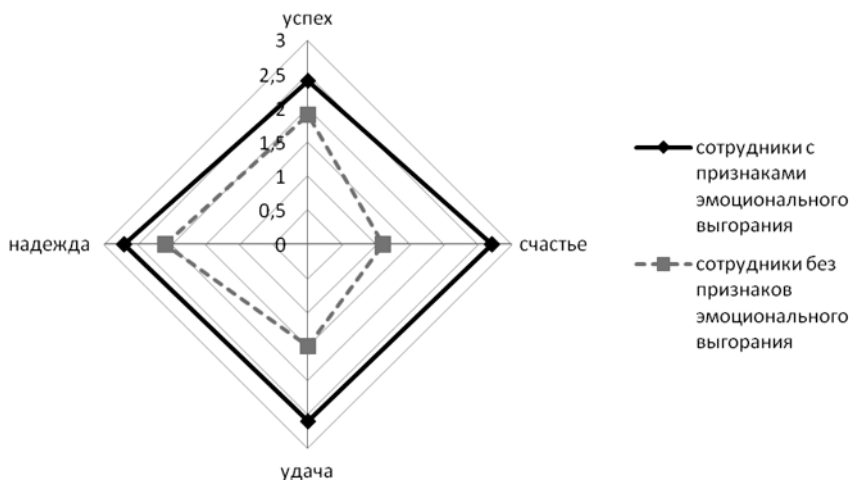
тера отношений, которые складываются в процессе профессионального взаимодействия между ними.

Еще одним признаком, общим для всех специалистов с эмоциональным выгоранием, выступает семантическая удаленность понятия «моя работа» и понятий, обозначающих позитивные эмоции и состояния. Можно сказать, что это понятия, которые символизируют качество жизни человека: «успех», «счастье», «радость».

Семантическая удаленность — это условное расстояние от одного объекта семантического пространства до другого. В качестве объектов семантического пространства при этом выступают предложенные к оцениванию методом семантического дифференциала понятия, система координат задается факторами оценки, силы и активности. Поскольку семантическое пространство каждого человека обладает индивидуальными характеристиками, в том числе разнообразием интервалов пространства, мы приводим схематическое изображение, в котором выделены три интервала. Для большей наглядности семантическое расстояние представлено тремя интервалами: понятия могут быть семантически близкими, среднеудаленными и семантически удаленными.

На гистограмме в сравнительном аспекте представлена семантическая удаленность понятия «моя работа» от других, предложенных к оцениванию.

Данные, представленные на ней, показывают, что понятие «работа» у сотрудников с признаками эмоционального выгорания располагается в большей семантической удаленности от понятий «успех», «счастье», «надежда», «удача»,



Семантическая удаленность понятий «успех», «надежда», «счастье», «удача» от понятия «моя работа» (в координате 0 — понятие «моя работа»)

чем у сотрудников без признаков эмоционального выгорания.

Можно констатировать, что понятие «работа» не связывается у сотрудников, переживающих эмоциональное выгорание, с достижениями, смысловые категории, свидетельствующие о благополучии, находятся в иной плоскости семантического пространства личности. Значит, работа не выступает для сотрудников, подверженных эмоциональному выгоранию, условием собственного благополучия, тем не менее она не столько вызывает негативную оценку или неприятные эмоции, сколько выделена в отдельный контекст жизненного пространства. Личное счастье, эмоциональный комфорт как бы вынесены за скобки работы, профессии, несмотря на то что эти сферы для взрослого человека являются наиболее затратными с точки зрения как времени, так и признаков социального статуса,

которые именно работа, занимаемая должность обеспечивают.

Выделенные признаки в семантическом пространстве сочетаются с рядом установок, на вербальном уровне фиксирующих разобщенность эмоционального благополучия и результатов, эффекта от реализуемой профессиональной деятельности. Установки чаще всего носят специфический для отдельных профессий характер и вербальное оформление, однако в наиболее обобщенном виде они могут быть сформулированы так:

- «профессиональные проблемы со мной не связаны, я ничего не могу поменять на работе»;
- «работа — это лишь способ материального обеспечения жизни»;
- «нравственное и моральное удовлетворение получают не от работы».

Таким образом, эмоциональное выгорание действительно фиксирует не-

которые элементы рассогласованности эго-идентичности профессионала на уровне семантического пространства. Приведенные маркеры имеют количественные характеристики, что может быть использовано для скрининговой диагностики.

Литература

1. *Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С.* Синдром выгорания : учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 336 с.

2. *Китаев-Смык Л.А.* Выгорание персонала, выгорание личности, выгорание души // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2. С. 43–50.

3. Исследования хронического профессионального стресса у врачей скорой медицинской помощи Невского района Санкт-Петербурга / В.М. Лымаренко [и др.] // Вестник Российской военной медицинской академии. 2012. № 3. С. 39–45.

4. *Мухамеджанова Н.М.* Проблема свободы и порядка в модернизирующихся обществах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7. С. 53–59.

5. *Обознов А.А., Доценко О.Н.* Эмоциональная направленность учителей как личностный ресурс их устойчивости к выгоранию // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 5. С. 227–237.

6. *Посохова С.Т.* Личностный адаптационный синдром в экстремальных условиях профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 7–13.

7. *Редина Т.В.* Эмоциональное выгорание педагогов коррекционных образовательных учреждений // Знание Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 222–227.

8. *Солдатова Е.Л., Шевченко А.А.* Взаимосвязь психического выгорания и показателей статусов эго-идентичности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 13–16.

9. *Щербинина О.А.* Асоциальная личность как объект исследования современной психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4. С. 281–285.

ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН, УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ НАРУШЕНИЙ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

А. С. Душкин, Е. А. Щелкушкина

Аннотация: в статье представлены психологические аспекты нарушений служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел. Приводятся психологические характеристики сотрудников полиции, склонных к нарушению служебной дисциплины и законности. Описаны факторы, влияющие на нарушение сотрудниками полиции служебной дисциплины и законности (обусловленные спецификой полицейской

деятельности; личностного свойства; социально-психологического характера).

Ключевые слова: сотрудник полиции, состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел, профессиональная деформация.

В условиях реформирования органов внутренних дел Российской Федерации и реализации на практике основ-

ных положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1], Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], Указа Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» [3], Постановления Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [4] в «Дорожной карте» дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации определены основные параметры работы с кадрами, отвечающие требованиям сегодняшнего дня [12]. Их значимость и важность объясняются тем, что от уровня профессионализма, дисциплинированности и компетентности сотрудников полиции, их профессиональной мотивации, готовности и способности стоять на страже закона, в решающей степени зависят укрепление государственности, общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [6, 14, 16, 19].

Проводимая в настоящее время реформа органов внутренних дел Российской Федерации направлена прежде всего на то, чтобы в органах внутренних дел остались наиболее подготовленные и дисциплинированные сотрудники полиции, выполняющие свои должностные обязанности, руководствуясь принципами законности и уважения прав и свобод человека и гражданина.

Однако приходится констатировать, что, к сожалению, на сегодняшний момент еще не полностью решены проблемы в сфере соблюдения сотрудниками полиции служебной дисциплины и законности. Состояние служебной дисциплины и законности не только во многом обуславливает результативность оперативно-служебной деятельности по защите конституционных прав и законных интересов граждан, обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, но и непосредственно влияет на авторитет органов внутренних дел в обществе [18, 20].

Анализ обзоров состояния служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел вызывает серьезную обеспокоенность ростом правонарушений со стороны личного состава [23, 34]. Участие сотрудников полиции в совершении преступлений и административных правонарушений, превышение ими должностных полномочий, неисполнение либо ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, утрата табельного оружия и служебных документов, совершение дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями, недостойное поведение в быту, как правило, имеют широкий общественный резонанс, увеличивая степень недоверия граждан к органам внутренних дел в целом [7, 10, 32].

Исследование проблемы служебной дисциплины и законности сотрудников полиции предполагает анализ различных аспектов проблемы, в том числе психолого-правовых. Существенным элементом системного исследования, на наш взгляд, является определение причин, условий и факторов, вызывающих действия и бездействие сотруд-

ников полиции, которые противоречат требованиям нормативных правовых актов и правомочных руководителей и отнесены по учетам МВД России к нарушениям служебной дисциплины и законности [18, 27, 29].

О причинах нарушения служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции можно судить, исходя из оценки дисциплинарной практики в итоговых документах по результатам оперативно-служебной деятельности МВД России за 2014 г. и предыдущие годы, выступлений и публикаций руководителей министерства, департаментов и служб, обзоров работы по укреплению служебной дисциплины и законности, публикаций ведомственных и независимых средств массовой информации, специально проведенных исследований и опросов сотрудников полиции. В официальных документах и выступлениях руководителей (начальников), как правило, указываются виды и масштабы нарушений служебной дисциплины и законности, но не анализируются причины и факторы этих негативных явлений.

Для полного понимания сущности нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции необходимо разобраться в причинах и условиях, способствующих данным нарушениям, к числу которых можно отнести:

- низкий уровень правовой культуры сотрудников, в том числе слабое знание личным составом действующего законодательства, нормативных правовых актов, регламентирующих служебную деятельность;

- низкие нравственные и профессиональные качества сотрудников поли-

ции, среди которых корыстные устремления, неуважение прав граждан, безразличие к интересам службы, профессиональная деформация личности;

- нечеткое определение должностных обязанностей каждого сотрудника;

- недостаточная профессиональная подготовленность сотрудников подразделений по работе с личным составом к индивидуально-воспитательной работе с сотрудниками полиции;

- искажение показателей работы с целью достижения высоких результатов отчетности, постановка нереальных задач подчиненным, что толкает их на сокрытие заявлений и сообщений о преступлениях, искажение статистики;

- формализм и невнимание при рассмотрении обращений граждан;

- недооценка руководителями (начальниками) важности организации воспитания подчиненных, их самоотстранение от данного вида работы;

- недостаточный контроль над профессиональным психологическим отбором кандидатов на службу в органы внутренних дел и учебу в образовательные организации МВД России со стороны руководства и сотрудников кадровых подразделений;

- недостойное поведение руководителей (начальников) различных уровней, подающих отрицательный пример подчиненным;

- формальное проведение служебных проверок, влекущее за собой неадекватное наказание виновных;

- низкий уровень правовой защищенности сотрудников полиции.

Еще одна причина, которую надо устранить в первую очередь, – слабое взаимодействие кадровых подразделений, подразделений по работе с лич-

ным составом, инспекций по личному составу с подразделениями собственной безопасности, что влияет на процесс сбора, анализа и обобщения точной, объективной, достоверной информации о реальном состоянии служебной дисциплины и законности в системе МВД России.

Необходимо отметить, что причины нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции определяются субъективными и объективными факторами: юридическими, политическими, экономическими, психолого-педагогическими [30, с. 35].

Среди причин можно выделить следующие:

1. Слишком широкое понимание законности.

2. Недостаточная связь науки с практикой, неиспользование апробированных и подтвержденных результатов исследований.

3. Отсутствие правовой защищенности сотрудников полиции.

4. Халатность при выполнении должностных обязанностей либо отсутствие соответствующего образования и необходимых практических навыков.

5. Недостаточно отлаженная государственная и внутриведомственная система контроля за законностью в сфере управления.

6. Слабая профессиональная подготовленность определенной части личного состава, особенно в вопросах применения мер принуждения, профессиональной этики и морали.

Служебная деятельность сотрудников полиции имеет свои отличительные характеристики. Выполнение должностных обязанностей сопряжено с самостоятельностью принятия и

реализации юридически значимых решений, повышенной ответственности сотрудников за свои действия [17, 28]. Кроме того, несение ими службы нередко сопряжено с наличием опасных ситуаций, характеризуется недостаточной определенностью ролевых функций, психическими и физическими перегрузками, необходимостью общаться с антиобщественным контингентом граждан, что требует от сотрудника решительных действий и способности пойти на риск [13, 29]. Эти специфические особенности служебной деятельности в совокупности с социальными и семейно-бытовыми проблемами способны оказывать негативное влияние на личностные характеристики сотрудников полиции, содействуя развитию у них комплекса неудовлетворенности своим положением в обществе, оказывая в итоге отрицательное влияние на состояние служебной дисциплины и законности [35].

Следствием развития данных качеств могут быть поведенческие проявления со стороны сотрудников полиции, которые, вступая в противоречие с профессиональной этикой, влекут за собой нежелательные оценки граждан.

Анализ литературы, материалов исследований и статистических данных позволяет классифицировать факторы объективной реальности, в той или иной мере оказывающие воздействие на изучаемую проблему [8, 9, 10, 21].

Немаловажным в системе рассматриваемого причинного комплекса является низкий уровень правосознания сотрудников полиции, что нередко объясняется слабой профессиональной подготовленностью и изначально

искаженными ценностными ориентациями [6, 11, 27].

Ценностные ориентации большинства сотрудников полиции оказывают самое непосредственное влияние на формирование личностной идеологии, профессиональной ментальности, а также их правосознания. Д.А. Рясков справедливо отмечает, что значение ценностных ориентаций в исследовании субъективных факторов личности сотрудника полиции невозможно преувеличить, особенно если в деятельности такого сотрудника преобладает антиобщественная направленность, как правило, его ценностные ориентации являются очень важным (иногда завершающим) звеном в процессе нарушения служебной дисциплины и законности [31]. Представляется, что в формировании личности сотрудника полиции ценностные ориентации способны играть многоплановую роль.

Во-первых, они могут стимулировать сложившиеся мотивы поведения и укреплять социальную или антисоциальную линию поведения сотрудника полиции. Так, если материальные потребности возникли у сотрудника, которому присуща корыстная ценностная ориентация, то можно предполагать с большой долей вероятности формирование устойчивого корыстного мотива, который, в свою очередь, будет реализован в его преступной деятельности.

Во-вторых, ценностные ориентации в иных случаях могут служить сдерживающим фактором в формировании антисоциальных потребностей и блокировать образование антиобщественного мотива поведения сотрудника полиции. Материальные потребности у сотрудника полиции с другой, законопослушной

ценностной ориентацией будут направлены не на преступное извлечение выгод имущественного характера, а, например, на законный заработок необходимых ему средств.

В-третьих, ценностные ориентации могут стать и самостоятельным мотивом поведения, например по политическим и нравственным причинам.

По данным проведенного Е.В. Сопневой, В.В. Сергеевым, Д.А. Рясковым опроса сотрудников различных служб и подразделений органов внутренних дел, очевидно, что одной из главных причин нарушения служебной дисциплины и законности, по мнению 78,4% сотрудников, является низкий уровень самодисциплины нарушителей, 54,3% участников опроса высказали мнение о том, что к нарушителям относятся лица с низким уровнем общей культуры [33, с. 75].

Такие результаты подкрепляет мнение П.И. Новгородцева, который утверждает, что «сущность и содержание правоохранительной деятельности органов внутренних дел предполагают обязательное сочетание нравственного и правового элемента устойчивости ее субъекта» [22, с. 105]. Другими словами, для сотрудника атрибутивным качеством должна быть высокая правовая культура. Принятие правильного решения и твердость в его исполнении предполагают, что субъект правильно осознает свои права и обязанности, берет на себя ответственность за последствия своих поступков.

К иной группе причинного комплекса, носящего индивидуально-личностный характер, относятся обстоятельства, связанные с характеристиками среды (служебного коллекти-

ва), в которой осуществляют свою профессиональную деятельность сотрудники полиции.

Одним из подходов к изучению проблемы соблюдения служебной дисциплины и законности является анализ групповых норм, социальных детерминант поведения. Во взаимодействии с социальной группой, служебным коллективом сотрудник усваивает групповые нормы поведения, и от того, как он их усвоил, зависит последующее поведение:

- конформное внешнее — выражение согласия с правилами группы при внутреннем противлении;
- конформное внутреннее — принятие ценностных ориентаций группы;
- неконформное — непринятие установок группы, противостояние групповым мнениям, целям.

К выделенной группе причин внутреннего свойства относится совокупность процессов, происходящих в сознании должностных лиц полиции и основанных на корпоративном характере взаимоотношений в коллективе того или иного подразделения. Формирующаяся субкультура, воспитанная на корпоративных интересах, в первую очередь связанных со стремлением повысить раскрываемость преступлений, подталкивает сотрудников к нивелированию официальных данных о зарегистрированных преступлениях и их раскрываемости [21, 27].

Таким образом, наличие указанных объективных обстоятельств обуславливает возникновение следующей группы причин и условий, выделенных в качестве причинного комплекса, носящего личностный характер, которые, в свою очередь, могут

быть обусловлены как психологическими качествами и недостатками самих сотрудников полиции, так и факторами, зависящими от воздействия среды, в которой им приходится осуществлять свои служебные функции. В группе психологического комплекса могут входить не только слабость общечеловеческих качеств, необходимых для сотрудника полиции, но и недостаточность или полное отсутствие сугубо деловых свойств (профессиональное мастерство, высокий уровень профессиональной культуры) и наличие профессиональной деформации.

Проведенное нами исследование сотрудников полиции, допустивших нарушения служебной дисциплины и законности, позволяет заключить, что для них характерны следующие особенности [18]:

- профессиональное образование получено в гражданских образовательных организациях, в связи с этим отмечается низкая профессиональная адаптация к службе в органах внутренних дел;
- не сформированы мотивы служебной деятельности, нет стремления к повышению уровня образования, выстраивания служебной карьеры, приобретению новых знаний и профессиональных навыков;
- узко утилитарные (материальные) ценности в сторону личного обогащения, перенос ответственности за свои действия на несовершенство нормативных правовых актов, руководителей, кадровую политику системы МВД России, на некомплект кадров в подразделении, на негативный пример других сотрудников, без оценки анализа (рефлексии) собственного поведения);

– отсутствие стремления к самовоспитанию и самосовершенствованию, а также нежелание обсуждать проблемы своего поведения на собрании служебного коллектива.

Другую группу факторов, негативно влияющих на служебную дисциплину и законность, можно представить в виде профессиональных стереотипов и установок, представляющих собой определенный уровень достигнутого мастерства и проявляющихся в знаниях, автоматизированных умениях и навыках, подсознательных установках, не загружающих сознание. Отрицательное влияние стереотипов обычно реализуется в упрощенном подходе к решению проблем: в ошибочном представлении, что имеющийся уровень знаний, умений, навыков и компетенций гарантированно обеспечивает успешность деятельности. Для сотрудников полиции данные стереотипы и установки очень опасны.

В психолого-правовой литературе указанные факторы дифференцируют по различным основаниям, например: факторы, обусловленные спецификой полицейской деятельности; факторы личностного свойства; факторы социально-психологического характера.

К факторам, обусловленным спецификой полицейской деятельности, относят [15, 17, 28]:

– излишне детальную правовую регламентацию поведения, способную привести к формализации деятельности и бюрократизму;

– пробелы в правовом регулировании властных полномочий, приводящие к злоупотреблениям и необоснованному их использованию сотрудниками полиции;

– корпоративность деятельности, которая может быть причиной возникновения психологической изоляции сотрудников полиции и отчуждения их от общества;

– повышенная ответственность за результаты работы, сопряженная с возможной оооййойоо неоднозначной их оценкой в перспективе;

– психические и физические перегрузки, связанные с нестабильным графиком работы, отсутствием достаточного времени для отдыха и восстановления физических и психических ресурсов личности;

– экстремальность (необходимость выполнения оперативно-служебных задач в опасных для жизни и здоровья ситуациях, риск, непредсказуемость развития событий, неопределенность информации о деятельности криминальных элементов, угрозы со стороны преступников и др.);

– контакт с правонарушителями, способный привести к усвоению элементов криминальной субкультуры (использование уголовного жаргона и т. п.).

К факторам, отражающим особенности личностных свойств сотрудников полиции, относят:

– неадекватный персональным возможностям уровень притязаний и завышенные личностные ожидания;

– недостаточную профессиональную и морально-психологическую подготовленность;

– специфическую связь между некоторыми профессионально значимыми качествами личности сотрудника полиции (так, решительность в сочетании с пониженным самоконтролем может развиваться в чрезмерную самоуверенность и т. п.);

– профессиональные установки и шаблоны (например, восприятие действий других людей как возможных нарушителей закона может привести к обвинительному уклону в деятельности, чрезмерной подозрительности и др.);

– особенности социально-психологической дезадаптации личности сотрудников полиции, приводящие к проявлению агрессивности, склонности к насилию, жестокости в обращении с гражданами;

– изменение мотивации профессиональной деятельности (потеря интереса к профессиональной деятельности, разочарование в профессии и пр.).

Факторами социально-психологического характера являются [7, 11]:

– неадекватный и грубый стиль руководства подчиненными;

– неблагоприятное влияние ближайшего социального окружения вне службы;

– недостаточная общественная оценка деятельности полиции, ведущая к осознанию сотрудниками безысходности, возникновению профессионального бессилия и ощущения неуверенности в необходимости и значимости своей профессии.

Лояльно-снисходительное отношение к указанным факторам рано или поздно оборачивается нарастанием атмосферы напряженности в коллективе, индуцированием среди сотрудников негативистических установок, росту меркантилизации при исполнении служебных обязанностей вплоть до слияния с криминальными элементами. С.Г. Беспалая в своем исследовании подчеркивает, что источником негативных явлений в подразделениях нередко являются сотрудники, которые до посту-

пления на службу отличались дефектами нравственно-этического развития, низкой культурой и несформированной профессиональной мотивацией [5, с. 67].

В научной литературе подобное нередко относят к профессиональной деформации, проявляющейся не только в противоправных действиях сотрудников полиции и нарушениях ими служебной дисциплины, но и характерных личностных изменениях в виде развития жестких профессиональных стереотипов, подозрительности, переноса профессиональной роли в сферу внеслужебных отношений. Развитие проявлений рассматриваемого феномена объясняется действием разнообразных факторов, связанных не только со спецификой служебной деятельности, но и с недостаточным уровнем профессиональных знаний, умений, навыков, компетенций сотрудников полиции, особенностями процесса их социализации [15, 19]. Личностные метаморфозы, происходящие с сотрудниками полиции, требуют повышенного внимания, поскольку они накапливаются постепенно, оставаясь в течение долгого времени не заметными, завершаясь психологическим срывом конфликтов, чрезвычайным происшествием [36].

Особенности личности профессионально деформированного сотрудника проявляются по-разному и во многих сочетаниях, но в итоге их развитие приводит к профессиональной бесполезности данного сотрудника или (в худшем случае) к нарушению им служебной дисциплины и законности или аморальным действиям.

Личностные изменения, обуславливающие нарушения служебной дис-

циплины и законности, можно определить в процессе наблюдения за поведением сотрудника полиции на основе анализа совершаемых им поступков и действий. Механизм их возникновения имеет сложную динамику. Первоначально неблагоприятные условия труда вызывают негативные изменения в профессиональной деятельности сотрудника, в его поведении. Затем, по мере повторения трудных ситуаций, эти отрицательные изменения могут накапливаться и в его личности сотрудника, приводя к ее перестройке, что позднее проявляется уже в повседневном поведении. Установлено, что сначала возникают временные негативные психические состояния и установки, а затем начинают исчезать положительные качества, на смену которым приходят негативные психические свойства, изменяющие психологический портрет сотрудника.

Таким образом, в основе причин, условий и факторов, влияющих на нарушение сотрудниками полиции служебной дисциплины и законности, лежат как те или иные дефекты их личности, так и причины объективного характера:

- социально-экономические проблемы, недостатки в организационно-управленческой деятельности, в первую очередь отсутствие должного ведомственного контроля;
- несовершенство критериев оценки правоохранительной деятельности;
- рассогласованность ведомственной практики и положений закона;
- недостатки в профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу, формализм в организации вхождения в должность;

- правовой нигилизм и профессиональная деформация сотрудников.

В современных условиях важную роль в обеспечении должного уровня служебной дисциплины и законности играют пересмотренные в связи с реформой органов внутренних дел Российской Федерации нормы, регламентирующие обязанности и права должностных лиц: повышенный контроль за исполнением принятых решений и персональной ответственностью за их исполнение, успешностью профессиональной деятельности подчиненных, за обстановкой в служебных коллективах и уровнем морально-психологического состояния личного состава.

Литература

1. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 702.
3. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 43. Ст. 5808.
4. Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7075.
5. *Беспалая С.Г.* Психологический прогноз склонности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 232 с.
6. *Витольник Г.А., Душкин А.С.* Педагогические основы воспитательной работы в органах внутренних дел: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 2014. 126 с.
7. *Гаврилова Т.В.* Акмеологические условия профилактики нарушений служебной дисциплины сотрудниками органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. наук. М., 2012. 28 с.

8. Гаврина Е.Е. Психологические особенности проявления деструктивных отклонений в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 87–95.

9. Гаврина Е.Е. Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 51–59.

10. Гаврина Е.Е. Специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 64–69.

11. Гушина Е.Н. Психологические аспекты причин нарушения служебной дисциплины в коллективе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 1 (15). С. 79–81.

12. «Дорожная карта» дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Профессионал. 2013. № 1. С. 4–17.

13. Душкин А.С. Компетентностный подход в кадровой политике полицейских структур зарубежных стран // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 132–143.

14. Душкин А.С. Об отдельных вопросах реализации компетентностного подхода в подготовке полицейских в системе МВД России // Инновации и современные технологии в системе образования: материалы III Междунар. науч.-практ. конференции. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosfera-CZ», 2013. С. 236–238.

15. Душкин А.С. Особенности профессионального психологического отбора в полицейских структурах зарубежных стран // Психологическое обеспечение деятельности силовых структур в современной России: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. специалистов ведомственных психологических служб. Т. I. СПб.: С.-Петербург. им. В.Б. Бобкова ф-л РТА, 2012. С. 102–109.

16. Душкин А.С. Особенности профессиональной деятельности психологов полиции России // Образование в условиях модернизационных процессов современного общества: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 20-летию факультета психологии КГУ им. К.Э. Циолковского). Калуга: КГУ, 2013. С. 418–426.

17. Душкин А.С. Психологические аспекты повышения эффективности профилактической деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 132–143.

18. Душкин А.С. Психопрофилактика нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции // Актуальные проблемы пси-

хологической работы в органах внутренних дел: материалы межвуз. науч.-практ. круглого стола. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2014. С. 88–91.

19. Душкин А.С., Зуева Е.Г. Психологическое сопровождение профилактической деятельности сотрудников органов внутренних дел: монография. М.: ДГСК МВД России, 2014. 122 с.

20. Душкин А.С., Щелкушкина Е.А. Профессиографическое изучение деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 106–117.

21. Кожевникова Н.В. Проблемы нарушений служебной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 4 (31). С. 22–24.

22. Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 103–113.

23. О состоянии кадрового обеспечения в органах внутренних дел Российской Федерации: иллюстр.-справ. материалы. М.: ДГСК МВД России, 2013. 94 с.

24. Организация работы по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел, противодействию коррупции: курс лекций. М.: ДГСК МВД России, 2012. 152 с.

25. Основы работы по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел: учеб. пособие / под общ. ред. В.Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2008. 80 с.

26. Павленко К.А. Служебная дисциплина в системе правоохранительной службы Российской Федерации: монография / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Научная книга, 2012. 174 с.

27. Папкин А.И. Причины формирования мотивов девиантного поведения у сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 135–146.

28. Пряхина М.В., Душкин А.С., Мартиросова Н.В. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2012. 136 с.

29. Пряхина М.В., Душкин А.С. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России: учеб.-метод. пособие. М.: ДГСК МВД России, 2013. 112 с.

30. Ряпухина И.А. Правовые основы обеспечения законности и дисциплины в органах внутренних дел: науч.-практ. пособие. Белгород: Белгор. юрид. ин-т МВД России, 2009. 48 с.

31. Рясков Д.А. Преступность сотрудников органов внутренних дел: монография. М.: Илекса, 2009. 152 с.

32. Служебная дисциплина и законность в органах внутренних дел Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. С.Н. Бочарова. М.: ДГСК МВД России, 2013. 88 с.

33. *Сопнева Е.В., Сергеев В.В., Рясов Д.А.* Антикоррупционная деятельность в органах внутренних дел. Ставрополь: Ставро. ф-л Краснодар. ун-та МВД России, 2009. 131 с.

34. Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2011 год: сб. аналит. и информ. материалов. М.: ДГСК МВД России, 2012. 83 с.

35. *Щелкушкина Е.А.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

36. *Юренкова В.А., Душкин А.С., Кораблев С.Е.* Психология конфликта: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та МВД России, 2014. 128 с.

К ВОПРОСУ О «ПОЗИТИВНОСТИ» Я-КОНЦЕПЦИИ ДЕТЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТРАВМУ

М. Ю. Краева

Аннотация: в статье обсуждается проблема позитивной Я- концепции, ее влиянии на жизненное благополучие личности. В связи с тем что наличие в опыте человека травматической ситуации нередко приводит к негативным изменениям его Я-концепции и не осознается личностью, этот вопрос является центральным при оказании ему психологической помощи. При этом проблема позитивной Я-концепции часто подменяется проблемой высокой самооценки. Автор рассматривает некоторые характеристики позитивной Я-концепции, определяющие психологическую стабильность и чувство субъективной удовлетворенности личности. Особое значение эти вопросы приобретают при оказании психологической помощи детям, пережившим психологическую травму.

Тяжелые условия в детстве или экстремальная жизненная ситуация оказывают мощным негативным влиянием на личность ребенка, превышают его возможности самостоятельно справиться с последствиями этих переживаний. Это приводит к сужению социального поля активности, искажению психического склада личности, различным нарушениям в эмоциональной сфере ребенка. Психологическая помощь / сопровождение детей, переживших травму, должно строиться с учетом особенностей самовосприятия такого ребенка и носить комплексный характер. В систему оказания помощи детям должны быть включены различные специали-

сты, а также значимые взрослые, на попечении которых они находятся. В статье предлагается пошаговая модель психологической помощи детям, пережившим психологическую травму.

Ключевые слова: Я-концепция, самооценка, аутентичность, дезадаптация, травматический опыт, позитивное самоотношение, компоненты детской Я-концепции, психологическое сопровождение ребенка, психологическая безопасность, чувство вины, гнев, агрессия.

На протяжении всей истории человечества к детям относились, как к миниатюрным, неполноценным людям, что нашло отражение, например, в художественной литературе, изобразительном искусстве. Философы, за исключением, пожалуй, Ж. Ж. Руссо, не касались вопросов детского мышления.

Эта точка зрения существовала вплоть до начала XX в. Внутренний мир ребенка и его проблемы не являлись предметом отдельного изучения: например, в области психотерапии не существовало специального направления, посвященного детям. Любое отклонение объяснялось с помощью терминов «дурные наклонности» или «недостатки воспитания». З. Фрейд был первым ученым, указавшим обществу на психологическую глубину и важность переживаний ребенка. Так, в работе «Два случая детской лжи» он прямо называет защитной амнезией склонность взрослых вытеснять память о глубине и травматичности собственного детско-

го эмоционального опыта. Именно поэтому взрослые часто игнорируют детское страдание, если считают, что причина его — «несерьезная», хотя на самом деле мальчик, плачущий о сломанной машинке, заслуживает куда большего внимания, чем мужчина, повредивший свой автомобиль: у ребенка гораздо меньше возможностей выбора, и он знает о способах замещения страдания куда меньше, чем взрослые. Дети, являясь, бесспорно, самой незащищенной и уязвимой частью населения, полностью зависят от взрослых, и при этом они так же, как и взрослые, достаточно часто оказываются в зоне техногенных и природных катастроф, свидетелями военных действий, становятся заложниками, а также жертвами физического, сексуального и эмоционального насилия. Травматическими ситуациями для детей можно считать и длительные или повторяющиеся госпитализации.

Пережившие испуг или травмированные дети (особенно маленькие) выражают свои чувства, связанные с пережитым, через поведение. Такой ответ на травму связан с тем, что детям недостает социальной, физиологической и психологической зрелости для достаточного понимания произошедшего с ними. В большинстве случаев поведенческие изменения происходят в срок от двух до шести недель. Очень важно, чтобы это не осталось незамеченным взрослыми, которые должны рассматривать поведенческие изменения как детский способ сказать о захваченности чем-то ужасным.

В программах психологической помощи детям, пережившим психологическую травму, хорошо разработаны диагностика травматических пережи-

ваний ребенка, работа с его негативными, часто подавленными и неосознанными, эмоциональными состояниями и обучение новым моделям поведения. Но этих мер не всегда достаточно для формирования здоровой и адекватной Я-концепции ребенка, а упрощенное понимание позитивной Я-концепции приводит к сохранению долгосрочных личностных проблем.

Я-концепция — это системное образование, имеющее структуру, в которую входит множество компонентов, сложным образом взаимодействующих друг с другом. В связи с этим мы полагаем, что следует определить, какими должны быть характеристики позитивной Я-концепции.

Существуют совершенно различные интерпретации тех или иных эмпирических данных, касающихся развития каких-либо аспектов Я-концепции ребенка. Ярким примером таких противоречивых толкований являются различные мнения о роли завышенной самооценки в психическом развитии детей дошкольного возраста. Первая точка зрения на эту проблему была высказана Е.В. Кучеровой [6]. Изучая особенности самооценки детей старшего дошкольного возраста, она обращает особое внимание на проблему адекватности — неадекватности их самооценки. В ходе этого исследования ею было установлено, что у дошкольников преобладает завышенная самооценка, но на ее фоне уже у старших дошкольников начинает складываться более критичная оценка себя, своих качеств. Пройдя кризис 7 лет, дети начинают оценивать себя дифференцированно, как деятелей, допуская успех или неуспех в той или иной деятельности. Таким образом,

можно утверждать, что основным новообразованием Я-концепции ребенка младшего школьного возраста является критическое самоотношение, основанное на расхождении Я-реального и Я-идеального.

Существует и другая точка зрения. Так, Г.Б. Тагиева изучая особенности становления самооценки старших дошкольников [12], пришла к выводу о том, что завышенная самооценка старших дошкольников является явно негативным фактором, мешающим их дальнейшему полноценному развитию.

Другие аспекты детской Я-концепции, свидетельствующие о ее позитивности, были исследованы Т.В. Архиреевой [3], которая выделила 5 основных областей ее содержания: описание силы характера, активности как характеристики темперамента, моральных качеств, школьной компетентности и инфантильной привлекательности. В результате изучения данного вопроса она сформировала 6 типов Я-концепции ребенка младшего школьного возраста:

1-й тип — средний уровень критичности самоотношения и средние показатели удовлетворенности — критичности во всех пяти областях содержания;

2-й тип — средний уровень критичности самоотношения, достигаемый за счет того, что ребенок в большей мере недоволен уровнем твердости своего характера при высокой оценке им собственной активности и инфантильной привлекательности;

3-й тип — умеренно повышенная критичность самоотношения в сочетании с равномерно увеличенными показателями критичности в отдельных областях содержания;

4-й тип — пониженная критичность самоотношения и некоторое снижение критичности к себе во всех областях ее содержания в равной степени;

5-й тип — крайне высокий уровень критичности самоотношения, одновременно повышенная критичность относительно всех областей содержания, но особенно высокая неудовлетворенность обнаруживается относительно фактора инфантильной привлекательности: видимо, ребенок не ощущает своей ценности, привлекательности в глазах других;

6-й тип — отсутствие критичности по отношению к себе: дети показывают почти полное совпадение своего Я-реального и Я-идеального во всех областях содержания Я-концепции [3].

Хочется отметить, что в перечисленных работах рассмотрена динамика развития самооценки ребенка дошкольного возраста, но не показана связь этих особенностей с благополучием. Искажения Я-образа при этом (или его неконгруэнтность) являются причиной невозможности формирования аутентичности Я-концепции. Искажения касаются всех ее структурных компонентов: эмоционального, когнитивного и поведенческого. Если допустить, что эмоциональный компонент (то есть эмоциональное самовосприятие себя) начинает формироваться на самых ранних этапах развития и тесно связан с развитием привязанности у ребенка, то становится понятным, что в последующем самоотношение начинает носить характер бессознательной установки, которая накладывает отпечаток и на появляющиеся новообразования Я-концепции. В случае неблагоприятных социально-психологических

условий у ребенка формируется стойкая бессознательная эмоциональная установка Я со знаком «-» (минус).

Базовое чувство незащищенности, ненужности, отверженности формирует у него отношение к себе как «плохому». Защита Я проявляется в искажениях получаемого опыта и отрицании собственных нежелательных характеристик. Так, ребенок с негативным самоотношением никогда не скажет, к примеру, «я опоздал, потому что проспал», он объяснит свое опоздание различными причинами, не зависящими от него. У ребенка, который способен признать, что его опоздание связано с тем, что он проспал, есть шанс, что в какой-то момент он признает свою неорганизованность, а значит, у него появится шанс исправить это качество, то есть возможность для личностного развития. В первом случае эта возможность затруднена, потому что исправлять нечего, ребенок не может признать у себя этой негативной характеристики. Подобные деформации в самоотношении являются частью деформаций в эмоциональной сфере. Нарушения в эмоциональной сфере всегда влекут за собой нарушения в когнитивной и поведенческой сферах. Негативная Я-концепция будет проявляться в этом случае на когнитивном уровне как нежелание учиться, представление у ребенка о себе как неспособном («все равно у меня не получится»), отсутствие познавательной мотивации. На поведенческом уровне такие дети как будто оправдывают ожидания взрослых: частые пропуски школы, агрессивность, неухоженность, употребление алкоголя и наркотических веществ — все это подкрепляет плохую репутацию такого ребенка.

Проведенные в русле психоаналитической педагогики исследования (К. Бютнер, Э. Джил, М. Ледер и др.) показали, что оскорбления, жестокость, отсутствие эмоционального тепла могут оказать фатальное влияние на жизнь ребенка [9].

Рассмотрим структурные компоненты негативной Я-концепции детей, у которых наличие травматического опыта привело к серьезным искажениям их представления о себе и других.

Эмоциональный компонент — отношение к себе и к другим. Прежде всего они ощущают себя не такими, как другие, недостойными любви, плохими, «грязными», бесполезными, имеют крайне слабый контакт со своим телом и собственными подлинными чувствами. В свое время жертвы насилия для того чтобы выжить, были вынуждены подавить или вытеснить свои самые сильные чувства. Результатом такого подавления часто становится диссоциация, то есть расщепленность, разделенность Я [1, 7].

Наиболее частая форма проявления диссоциации — расщепленность телесных ощущений и осознания. Когда-то, в момент жестокого обращения, диссоциация помогла ребенку выжить, справиться с невыносимой физической и/или душевной болью. Ребенок представляет, что это произошло не с ним, а с кем-то другим, научается разъединять свои эмоциональные реакции и реакции тела. Например, исполняя роль «сильного парня», он как бы замораживает боль, каменеет, немеет, чтобы ничего не чувствовать и выжить. Затем он нередко пытается восстановить утраченную интенсивность чувств, прибегая к алкоголю или наркотикам. Подобное

в своей практике отмечали Н.В. Новикова [7] и другие психотерапевты, работавшие с отверженными или претерпевшими физическое насилие людьми. По словам одного социального работника, «эти люди стремятся к обретению чего-то, ими утерянного; они даже могут не знать, чего именно им не хватает, но абсолютно уверены в том, что они чего-то лишены и в этом нуждаются». Нередко это сочетается с представлением о себе как о маленьком, слабом и не способном изменить свою жизненную ситуацию. Ребенок испытывает неуверенность в своих силах и способностях, бессилие и беспомощность (позиция жертвы), уверен в неуспехе — *когнитивный компонент*.

Поведенческий компонент. Часто бывает так, что подросток внешне кажется «сильным парнем» или «крутой девчонкой», но за этой броней скрываются глубинный страх и то же чувство беспомощности, осложненное отчуждением от людей, голодом по любви и теплу. Отметим, что вся активность такого ребенка направлена на собственную защиту и идет в разных направлениях. Во-первых, это может быть отчуждение от людей и агрессивная активность, нацеленная на преодоление препятствия любой ценой. Во-вторых, отчуждение от себя и своих ресурсов, поиск того, кто разрешит ситуацию (возможностей прилепиться к сильному, к тому, «кто защитит»). В-третьих, пассивное, обороняющееся поведение (уход). Они никому не доверяют (и прежде всего взрослым). Дети — жертвы насилия, как правило, боятся людей, особенно взрослых, считают их опасными, враждебными и отрицают саму возможность обращения к ним за помощью [9]. Часто

их девизом становятся слова: «Никому не верь, ни на что не надейся, никого ни о чем не проси». Нередко они стремятся спрятаться за спиной более сильного. Наконец, у таких детей происходит нарушение границ личностного пространства: они становятся либо излишне жесткими, либо, наоборот, нечеткими, спутанными.

Дети, имеющие данный тип Я-концепции, нуждаются в психологической помощи. Цели и технологии психологической помощи детям с психологической травмой (прежде всего жертвам насилия) должны определяться их личностными особенностями. Дети, которые пережили жестокое обращение, вырастают мнительными, ранимыми. У них искажено отношение к себе и к другим, они не способны к доверию, слишком часто не в ладу с собственными чувствами, склонны к жестокости, как бы вновь и вновь мстя окружающим за свой опыт унижений. Эти характеристики очень важны для организации психологической помощи. Успешной можно считать такую психореабилитационную программу, которая переводит негативную Я-концепцию ребенка в позитивную, изменяя его искаженные представления о себе и других, установку Я «-» на Я «+», учитывая все компоненты структуры.

Травматический опыт ребенка не только становится причиной возникновения у него психологических трудностей, но и оказывает серьезное деформирующее воздействие на все дальнейшее развитие личности. Необходимо понимать, что с проблемой насилия над ребенком можно столкнуться, работая даже в области, прямо не связанной с социальными вопросами [5]. Дети, пе-

режившие насилие в семье, или взрослые, прошедшие через это в детстве, могут испытывать серьезные психологические затруднения и нуждаться в профессиональной помощи.

Психологическое сопровождение ребенка необходимо рассматривать через пошаговое решение отдельных психологических задач, главная из которых — обеспечение психологической безопасности ребенка не только через систему юридических гарантий, но и на уровне самоощущений жертвы насилия.

Шаг 1. Установление первичного контакта с ребенком.

Шаг 2. Установление психологического единства с ребенком.

Ребенок сам не обращается за психологической помощью, что делает его зависимым от взрослых людей, прежде всего членов семьи. Соппротивление и неготовность к контактам со специалистом могут быть обусловлены восстановлением в памяти негативных чувств и переживаний.

Шаг 3. Развитие у ребенка способности проявлять доверие. У детей и подростков, переживших различные формы насилия, формируется чувство недоверия к окружающим, в первую очередь ко взрослым, которое переносится на взаимоотношения с консультантом и любимым другим специалистом. Это одно из тяжелых последствий травмы.

Ребенок подвергает проверке доброжелательность, надежность, честность и истинные намерения консультанта. Очень часто уровень подозрительности у него столь велик, что становится препятствием для начала осуществления психологической помощи и консультирования.

В процессе психологического сопровождения консультант совместно с ребенком, пережившим травму, должен исследовать его базовые потребности в психологической безопасности, любви, принадлежности к группе, выяснить специфические особенности мыслей и чувств, которые возникли у него, когда он утратил доверие ко взрослым.

Шаг 4. Преодоление страхов ребенка. Страх быть наказанным, отвергнутым и покинутым должен прорабатываться в течение длительного времени, вплоть до того момента, когда ребенок может начать находить способы контроля своих страхов и в повседневной жизни заручиться поддержкой надежных взрослых, которые обеспечат ему безопасность и уверенность в себе.

Шаг 5. Проявления чувства утраты и вины. Чувство вины проявляется по-разному: вызывать поведение самодеструктивного характера с причинением себе вреда, агрессию, способствующую формированию вызывающего поведения дома и в школе и условий возникновения делинквентности [2].

Шаг 6. Выражение чувств вербально и невербально. Многие дети, пережившие травму, сталкиваются с трудностями выражения своих чувств словами или действиями. Иногда скрытые чувства и потребности получают выражение в недифференцированной агрессии, которую ребенок не может осознать и выразить словами. Иногда это можно объяснить тем, что он вырос в среде, где эта сторона его личности не получила стимула к развитию [11]. В процессе консультирования важно показать ребенку, что чувства не могут быть плохими или хорошими. Наилучшим способом для

отреагирования амбивалентных чувств является песочная терапия.

Шаг 7. Выражение и контроль агрессии. Дети, пережившие насилие, испытывают трудности в регулировании своих сильных аффектов, особенно гнева. Самым доступным для них является агрессивный способ реагирования на возникающие межличностные конфликты.

Однако регулирование эмоций связано с двумя проблемами. С одной стороны, дети и подростки еще не обладают достаточной способностью регулировать свои эмоциональные проявления, но, с другой стороны, проблемы в поведении нередко возникают как следствие чрезмерного контроля над своими агрессивными побуждениями.

Шаг 8. Рассказ о травме. В процессе оказания психологической помощи ребенку центральным моментом является его рассказ о случившемся с ним. К сожалению, очень часто ближайшее окружение (родители, родственники, приемная семья) поощряют его не думать, не обсуждать и забыть факт случившегося насилия.

Важно, чтобы ребенок смог выразить свои переживания и чувства, связанные с травматическими переживаниями. Речь может идти, например, о чувстве страха, печали, покинутости.

Шаг 9. Хорошие и плохие тайны. Важным этапом психологического сопровождения является создание условий для рассказа о том, как тайны были инициированы и как они могли сохраняться. В результате этой психологической работы ребенок должен научиться дифференцировать характер различной информации и научиться рассказывать о ней близким людям.

Шаг 10. Независимость, уверенность в себе и чувство собственного достоинства. Важным этапом психологического сопровождения является работа с Я-концепцией ребенка, которая часто формулируется как «Я — плохой». В результате насилия дети были лишены чувства контроля над своей психологической сферой безопасности, поэтому у них возникает чувство бессилия от невозможности защитить свое личное пространство. Эту фазу психологического сопровождения называют «забота о самом себе». Она позволяет достичь следующих результатов: укрепление самостоятельности ребенка, повышение уверенности в себе и приобретение им чувства собственного достоинства [7]. После отреагирования травматического опыта или позитивной переориентации основной проблемы у ребенка освобождается достаточно сил, которые следует направлять на повышение самооценки, доверия к себе, уверенности в своих силах и формировании новых способов поведения и решения конфликтов, выработки активного участия в борьбе со злом. Важно, чтобы у ребенка появилась уверенность в том, что защитники есть, но он сам может выработать и отработать те модели поведения, которые ему необходимы [12, 13, 14, 15].

Большое количество жертв насилия по разным причинам никогда открыто не обращаются за помощью [5]. Особенно редко самостоятельно за помощью обращаются дети, переживающие насилие в семье, но тем не менее она им нужна. Следовательно, специалисты самого широкого профессионального диапазона (работающие с детьми в школах, детских садах, поли-

клиниках и больницах), должны знать о существовании фактов насилия в семье, возможных диагностических признаках психологической травмы у детей и о способах оказания им помощи.

Только такой подход может способствовать формированию у детей с психологической травмой субъективного переживания благополучия и психологической стабильности.

Литература

1. Актуальные проблемы современной пени-тенциарной психологии : монография / О. А. Тоболевич [и др.] ; под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1.

2. Андреева Е.Н. Противоречия в самоотношении и проблемные переживания в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007.

3. Архиреева Т.В. Самосознание и Я-концепция ребенка // Психологическое консультирование и психотерапия: на стыке наук, времен и культур: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007. 404 с.

4. Березин С.В., Евдокимова Ю.Б. Социальное сиротство: дети и родители : материалы к курсу «Педагогическая психология». Самара: Универс-групп, 2011. 52 с.

5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

6. Кучерова Е.В. Проблема развития самосознания в дошкольном возрасте // Особенности обучения и воспитания детей дошкольного возраста : сб. науч. тр. М., 2009.

7. Новикова М.В. Психологическая помощь ребенку в кризисной ситуации. М.: Генезис, 2009.

8. Прихожан А.М. Психологическая природа и возрастная динамика тревожности (личностный аспект): автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1995.

9. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007. 416 с.

10. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Колесникова Г.И. Социальная безопасность : учеб. пособие для вузов. М.: Дашков и К° ; Наука-Спектр, 2012. 360 с.

11. Синягина Н.Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. М.: Владос, 2001.

12. Сочивко Д.В. Духовные ориентиры в практике психологического консультирования (осужденных), постановка проблемы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 23–31.

13. Сочивко Д.В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.

14. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

15. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ» УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Е. Н. Кожевникова

Аннотация: в статье отмечается, что современное общество заинтересовано в получении «исправленных» право-послушных граждан, погасивших судимость и овладевших способностью самостоятельно мыслить и действовать. Фор-

мирование жизненной стратегии условно осужденных несовершеннолетних, по нашему мнению, будет способствовать решению психолого-педагогических задач, поставленных перед сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций,

главной из которых является повышение качества процесса исправления. В психологическом словаре понятие «жизненная стратегия» определяется формой целенаправленной организации человеком собственной жизни, включая его отношение к собственным возможностям и ресурсам, их актуализации и реализации.

В психологической науке термин «жизненная стратегия» в основном рассматривается в рамках общей теории личности и тесно взаимосвязана с такими понятиями, как «жизненные сценарии», «цель жизни», «жизненный путь», «жизненные планы», «временная перспектива», «образ будущего» и другие. В содержании жизненной стратегии личности в той или иной степени заложены отдельные компоненты данных понятий, что позволяет говорить о высокой значимости осознанного формирования и управления жизненной стратегией самой личностью. Анализ отечественных и зарубежных исследований жизненных стратегий позволил автору определить, что жизненная стратегия несовершеннолетнего условно осужденного представляет собой центральную линию развития его личности, определяемую осознанным, целенаправленным, активным и ответственным отношением к собственной жизни, опирающимся на систему норм, ценностей, целей, представлений о своем будущем и проявляющуюся в поведении и деятельности в настоящем.

Ключевые слова: несовершеннолетний условно осужденный, подросток, стратегия, жизненная стратегия, жизненный путь, цель жизни, сценарий жизни.

Современный этап развития и совершенствования уголовно-исполнительной системы отличается повышением внимания к вопросам исправления осужденных и профилактики преступного поведения [4, 5, 9, 10, 11]. Практикой доказано, что отбывание уголовного наказания в виде «изолированного» исполнения обязанностей, возложенных на осужденного судом, не всегда гарантирует качественный процесс его исправления и адаптации в социуме по окончании отбывания срока наказания [12]. Сегодня перед сотрудниками уголовно-исполнительной системы наряду с выполнением основной деятельности по контролю за исполнением приговора суда в отношении несовершеннолетних ставятся психолого-педагогические задачи, направленные: на формирование и развитие у них осознанного и ответственного отношения к общественным нормам, ценностям; обучение стратегическому планированию и организации собственной жизни; умению варьировать способы достижения профессиональных, семейных и личных целей и многое другое [3, 13].

Современное общество заинтересовано в получении правопослушных самостоятельно мыслящих и действующих, «исправленных» граждан. Работа по формированию жизненной стратегии осужденных, на наш взгляд, может способствовать решению поставленных психолого-педагогических задач, а значит, следует более качественно подходить к вопросу исправления условно осужденных несовершеннолетних.

Этимология термина «стратегия», с ее древнегреческими корнями *stratus* — «войско» и *agein* — «вести», тысячелетиями определяла его исполь-

зование лишь в военной лексике. Сегодня этот термин широко распространен и нашел свое применение в различных отраслях наук.

В психологическом словаре понятие «жизненная стратегия» трактуется как форма целенаправленной организации человеком собственной жизни, включая его отношение к собственным возможностям и ресурсам, их актуализации и реализации [6]. В психологической науке оно в основном рассматривается в рамках общей теории личности и тесно переплетается с такими понятиями, как «жизненный стиль», «жизненные сценарии», «цель жизни», «жизненный путь», «жизненные планы», «временная перспектива», «образ будущего» и другие. Определяя понятие «жизненная стратегия условно осужденного несовершеннолетнего», рассмотрим близкие к его значению понятия. Так, представитель психоаналитического направления А. Адлер в своих исследованиях придерживался понятия «жизненный стиль». Он полагал, что именно в детстве формируется интегрированная стратегия приспособления к жизни человека, или стиль жизни. Цели, поставленные в детстве, по его мнению, приобретали компенсаторный характер при совладании с чувством неполноценности и неуверенности, беспомощности и дезадаптации в мире взрослых. По Адлеру, любовь, дружба и работа являются основными жизненными целями, которые позволяют поддерживать оптимальное развитие личности.

Представитель транзакционного анализа Э. Берн, придерживаясь сценарного подхода в изучении жизненно-го пути личности, определил жизненный

сценарий как некий план жизни, на который человек бессознательно опирается и который повседневно реализует. Он указывал на такие встречающиеся у людей сценарии, как «никогда», «всегда», «снова и снова».

Развивая положения концепции транзакционного анализа, Е.П. Варламова и С.Ю. Степанова предположили стихийность формирования активности личности в детстве, которая с течением времени несколько угасает и припоминается лишь в зрелом возрасте, активизируя творческий потенциал личности и определяя его осознанный выбор целей.

Другой представитель сценарного подхода — Э. Фромм в рамках социально-психологической теории предпринял попытку осмыслить целостную жизнь человека. Говоря о негативном влиянии рыночной экономики на психическое здоровье и развитие личности, он выделил два основных жизненных сценария, или существования, человека: «обладание» и «бытие». В выборе «обладать», в том числе материальными благами, или «быть» — развивать в себе заложенные природой способности и силы, человек (нередко в ущерб личностному развитию или под давлением общественных норм) предпочитает выбирать сценарий «обладания». Интересной, на наш взгляд, является идея основы «обладания», где, по мнению Э. Фромма, лежит тенденция завоевывать и именно она детерминирует преступное поведение. В то же время Э. Фромм наряду с В. Франклом и К. Хорни придерживался мнения о том, что человек, обладающий осознанным, ответственным отношением и активным творческим подходом в ре-

ализации своих планов, избирает сценарий «бытия» и способен к противостоянию неблагоприятным условиям и факторам.

Проблема целеопределения, целеполагания и влияния целей на стратегическое поведение личности и эффективность ее жизнедеятельности достаточно широко исследовалась зарубежными и отечественными психологами. В большинстве исследований зарубежных авторов цель определялась как некий эмоциональный образ, способный направлять активность и обладать наряду с когнитивной аффективной составляющей. В когнитивно-поведенческой психологии «цель жизни» как психологический конструкт занимает ведущее место в исследовании личности [8]. В отечественной психологической науке проблемам целеполагания и целеопределения также уделено большое внимание. Примерами современных исследований в этой области являются: причинно-целевая концепция А.А. Кроника и Е.И. Головахи и диссертационное исследование

И.Ф. Смирновой, посвященное процессу определения целей в жизни старшеклассников. На наш взгляд, цель является одним из ведущих компонентов жизненной стратегии личности, поскольку выбор адекватных жизненных целей способен активизировать ресурсы личности, а достижение целей способствует моральному удовлетворению и укреплению позитивного самоотношения.

Можно отметить, что в отечественной психологической науке длительное время анализировалось более широкое, по нашему мнению, чем «жизненная стратегия», понятие «жизненный

путь». Одним из первых, кто обратился к концепции жизненного пути и дал ее стратегическое определение, был С.Л. Рубинштейн. Проанализировав работы Ш. Бюллер, посвященные историческому анализу жизненного пути человека, он определил, что жизненный путь — это движение к совершенству (эстетическому, социальному, психологическому), выделил субъективную картину жизни, подчеркнул необходимость учета способности человека реально изменить собственную жизнь. В 60-х годах XX столетия Б.Г. Ананьевым было сделано заключение о том, что жизненный путь — это история индивидуального развития человека в различных возрастных периодах, с его познанием, деятельностью, общением, через которые и проявляется сама личность.

Следует отметить, что результаты изучения проблемы жизненного пути личности С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева послужили методологической основой многих современных исследований. В числе их последователей можно отметить отечественных пениitenciарных психологов: В.Г. Деева, И.И. Соколова, Ю.Р. Саара и А.В. Наприса, посвятивших свои исследования изучению жизненных планов осужденных. Так, В.Г. Деев определил понятие «жизненные планы» как высший уровень направленности личности, обусловливающий избирательное отношение осужденных к обществу, людям, труду, учебе, самим себе, определяющий цели деятельности, мотивацию и активность личности. Ю.Р. Саар в своем исследовании жизненных планов несовершеннолетних правонарушителей акцентировал внимание на возможности их построения во временной

перспективе и разделил на близкие и дальние. А.В. Наприс, вслед за В.Г. Деевым и Ю.Р. Сааром, определил жизненные планы как последовательную совокупность целей, включенных в жизненную перспективу личности осужденного.

Образ целостного представления будущего как ориентир поведения в настоящем исследовала Н.Ф. Наумова. В ее работах образ «Я» представляет обобщенный механизм целеполагания, лежащий в основе жизненного планирования и определения перспектив жизни. Образ «Я», выступающий в виде перспективной жизненной цели, по мнению С.Л. Рубинштейна, становится мерилем, обуславливающим субъективную оценку и определяющим смысл жизненных ситуаций. Образ желанной, осознаваемой и возможной своей будущей жизни при условии достижения определенных целей К.К. Платонов назвал перспективой. По мнению Н.А. Девой и Л.Ф. Козловой, осознанная перспектива вызывает деятельность человека в случае, когда она становится ее целью. Осознание собственной временной перспективы, на наш взгляд, подразумевает определение и постановку целей по времени их реализации, что является одним из важных компонентов формирования жизненной стратегии условно осужденных несовершеннолетних.

В содержании жизненной стратегии личности, по нашему представлению, в той или иной степени заложены отдельные компоненты рассмотренных понятий, что позволяет говорить о высокой значимости осознанного формирования и управления жизненной стратегией самой личностью.

Наиболее полно, на наш взгляд, изучила и дала определение понятия жизненной стратегии К.А. Абульханова-Славская [1]. Придерживаясь комплексного подхода, она определила жизненную стратегию как поиск, становление и реализацию личности в жизни, в ее способности к соединению внешних жизненных условий и требований с внутренними ценностями, активностью, развитием и самоутверждением. К.А. Абульханова-Славская заключила, что в зависимости от личностной активности (внутренний фактор) и типа временной организации (внешний фактор) каждая личность способна строить стратегию жизни с учетом своих возможностей. Вслед за ней Ю.М. и Т.Е. Резник определили жизненную стратегию как систему долговременного ориентирования будущей жизни человека с целью ее преобразования в определенной социальной среде, реализуемой в поведении и деятельности с учетом имеющихся способностей и возможностей личности.

Как определенный способ бытия рассматривали стратегию жизни О.С. Васильева и Е.А. Демченко, а в качестве основных характеристик жизненных стратегий они выделили: принятие ответственности за жизнь, ее осмысленность, наличие закономерной системы ценностей и целей [7]. Мы разделяем позиции авторов, соглашаясь с тем, что ответственность личности за свою жизнь, поступки и действия, наличие системы ценностей и целей — одни из главных компонентов жизненной стратегии.

Психолого-педагогические исследования жизненных стратегий личности отличаются направленностью на изуче-

ние профессионально-личностного самоопределения и самосовершенствование. В публикациях Л.И. Божович, И.С. Кона, Д.И. Фельдштейна, Г.И. Аксеновой и других ученых прослеживается общая позиция комплексного изучения личности и подчеркивается необходимость учета современных требований и норм жизни. Так, Д.И. Фельдштейн акцентирует внимание на необходимости проведения фундаментальных исследований, раскрывающих внутренний мир растущего человека, его переживаний, стремлений, сомнений, нравственных установок. Г.И. Аксенова подчеркивает значимость развития субъектных характеристик личности с учетом современных психолого-педагогических условий их формирования [2].

Анализируя опыт отечественных и зарубежных исследований жизненных стратегий, мы заключили, что жизненная стратегия несовершеннолетнего условно осужденного представляет собой центральную линию развития его личности, определяемую осознанным, целенаправленным, активным и ответственным отношением к будущему, опирающуюся на систему норм, ценностей, целей, представлений о своем будущем и проявляющуюся в поведении и деятельности в настоящем.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что проблема определения понятия жизненной стратегии в отечественной и зарубежной науке имеет свою историю, отраженную в многочисленных исследованиях, но остается актуальной, что подтверждается публикациями современных исследователей.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Аксенова Г.И., Аксенова П.Ю. Проблема адаптации личности в отечественной психологии // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 28–36.
3. Аксенова Г.И., Кожевникова Е.Н. Теоретические подходы к проблеме жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 39–47.
4. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии: монография / О.А. Тоболевич; под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1.
5. Блишников И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.
6. Большой психологический словарь / подред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: Феникс, 2009. 672 с.
7. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 74–85.
8. Воронин Р.М., Ковачев О.В., Мачкасов И.А. Интернет-конференция «Пенитенциарная система: наука и практика» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 164–165.
9. Датий А.В., Кожевникова Е.Н. Актуальные проблемы прикладной юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 165–166.
10. Жарких А.А. Особенности мотивационно-смысловой сферы наркозависимых осужденных в рамках теории ведущих тенденций // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 49–58.
11. Поздняков В.М. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 15–37.
12. Полянин Н.А., Марков А.Ю. Некоторые особенности личности осужденного-иностранца // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 101–106.
13. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Психоклинический профиль личности осужденных в местах лишения свободы (не состоящих на медицинском и профилактическом учете) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 51–57.

СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

М. И. Марьин, А. А. Бочкова

Аннотация: низкий уровень индивидуального правосознания сотрудников правоохранительных органов приводит к использованию ими служебного положения в личных, неслужебных целях, пренебрежению нормами морали, к нарушениям норм закона. В связи с этим особый интерес представляет изучение особенностей правосознания сотрудников, выявление их ценностных детерминант, обуславливающих характер и направленность личности. Результаты исследования, возможно, помогут прояснить причины противоправного поведения сотрудников полиции. В статье проанализированы подходы к пониманию природы ценностей личности, особенно их смыслообразующей составляющей, поэтому в ней отражено изучение ценностных ориентаций сотрудников ОВД управленческого звена в рамках смысловой регуляции их служебной деятельности.

В исследовании принял участие 321 сотрудник полиции (руководители служб и подразделений территориальных органов внутренних дел). Для выявления у руководителей территориальных органов внутренних дел (ОВД) признаков противоправного поведения, в том числе преступлений коррупционной направленности, была использована методика экспертной оценки «Мониторинг». На основе полученных результатов осуществлено ранжирование обследованных руководителей по уровню их индивидуального правосознания. Таким образом, были выделены две группы сотрудни-

ков, склонных и не склонных к противоправному поведению. Особенности в структурах их ценностных ориентаций изучались с помощью модифицированных под задачи исследования теста ценностных ориентаций М. Рокича и цветового теста отношений А.М. Эткинда. Полученные экспериментальные данные были обработаны с помощью кластерного анализа (иерархический агломеративный метод). Данный метод позволил рассмотреть смысловые связи понятий и отношение к ним испытуемых на разных уровнях сходства.

Таким образом, результаты кластеризации экспериментальных данных в двух группах отличия в структурах ценностных ориентаций руководителей выявили качественные различия смысловых отношений между понятиями. Для группы сотрудников, не склонных к противоправному поведению, характерна однозначность осмысления и принятия норм права в собственную систему ценностей; нормы права и ценности личности образуют единое смысловое поле, в котором деятельность личности осуществляется в установленных законом рамках. Для группы сотрудников, склонных к противоправному поведению, присуще более дифференцированное отношение к соблюдению норм, неоднозначное эмоционально-смысловое отношение к нормам закона, где приоритетами становятся значимость и ценность материального фактора и возможности, предоставляемые их социальным статусом.

Применение предлагаемого подхо-

да позволит использовать его для анализа и оценки индивидуальной системы ценностей руководителей органов внутренних дел, в том числе при формировании резерва кадров на вышестоящие должности, определения общей направленности ценностей отдельного коллектива сотрудников, что, безусловно, позволит выделять группы риска, откроет дополнительные возможности своевременной диагностики и действенной профилактики противоправного поведения среди сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: *сотрудники правоохранительных органов, правосознание, индивидуальное правосознание, противоправное поведение, ценности, ценностные ориентации, система ценностей, смысл, смысловое пространство, смысловая регуляция служебной деятельности.*

Проблема правосознания и нравственной регуляции деятельности сотрудников органов внутренних дел стала особенно актуальна на этапе становления новой структуры МВД России. Низкий уровень индивидуального правосознания приводит к использованию сотрудниками служебного положения в личных, неслужебных целях, пренебрежению нормами морали и нравственности, в ряде случаев к нарушениям норм закона. Согласно аналитическим данным значительное число сотрудников привлечены к уголовной ответственности за взяточничество и служебный подлог, превышение должностных полномочий. Несмотря на некоторую положительную динамику нарушений законности среди личного состава подразделений полиции, проблема профилакти-

ки преступлений, совершаемых сотрудниками, остается актуальной, поскольку усилия по формированию нового облика полиции, повышению доверия общества к правоохранительным органам будут сведены к минимуму при процветании этого явления в новой структуре [5, с. 52–55; 9, с. 61–64]. В связи с этим особый интерес представляют результаты исследований особенностей правосознания сотрудников правоохранительных органов, выявления их ценностных детерминант, обуславливающих характер и направленность личности, которые, возможно, помогут прояснить причины противоправного поведения сотрудников полиции.

Д.А. Леонтьев, анализируя подходы к пониманию природы индивидуальных ценностей, выделяет три основных варианта понимания их психологической природы. Первый подход определяет ценности посредством понятий «мнение», «представление», «убеждение» (М. Рокич, А.А. Ручка, В. Брожик), при этом они не обладают самостоятельной побудительной силой. Второй подход трактует ценности как «социальные установки», «социальные отношения» (Э. Спрангер, Ч. Моррис), которые обладают направляющей или структурирующей функцией. Третий подход отмечает близость ценностей с понятиями «потребность», «мотив», наделяя ценности побудительной силой (А. Маслоу, Ю.М. Жуков, Г.Г. Дилигенский, Ф.Е. Васильюк). С точки зрения функциональной направленности, личностные ценности и потребности оказываются, таким образом, неразличимы [7, с. 225]. Ряд авторов (О.И. Генисаретский, А.Н. Леонтьев), говоря об основах личностной организации, указывают на существо-

вание своеобразных «узлов» или «ценностных образований», соединяющих различные виды деятельности в целостные личностные структуры.

Как правило, для ведущих ценностей личности характерна их высокая осознанность, они отражаются в сознании в виде ценностных ориентаций и служат важным фактором регуляции социальных взаимоотношений и поведения сотрудников. Ценности являются «основными составляющими внутреннего мира человека, присущими только ему, вытекающими из его уникального личностного опыта, отражающими его отношение к последним» [7, с. 144]. Как сложная иерархическая система, занимающая место на пересечении мотивационно-потребностной сферы личности и мировоззренческих структур сознания, ценности выполняют функции регулятора активности человека. Они становятся также смыслообразующим фактором, тем более что ряд авторов указывает на смысловую природу ценностей (Ю.М. Жуков, Б.С. Братусь, Ю.П. Зинченко). Ценности можно отнести к устойчивым образованиям, поскольку какие-либо изменения в системе ценностных ориентаций представляют собой чрезвычайное, кризисное событие в жизни.

Исследованиями смысловой регуляции деятельности (психология субъективной психосемантики) занимались Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и др. По данным Е.Ю. Артемьевой, «смысл предмета для субъекта является следом деятельностиной предыстории отношений между ними, который зафиксирован в отношении к предмету» [1, с. 29]. В своих исследованиях она показала, что при оценива-

нии объектов решающим является семантический код, так как в основе этого процесса лежит недифференцированное целостное семантическое оценивание, а не перцептивные признаки, а также указала на то, что «оценка объектов человеком в условиях свободных инструкций осуществляется не в модальном, а в семантическом коде, едином для объектов различных модальностей» [1, с. 78]. Под семантическим кодом понимается набор оценок по шкалам семантического дифференциала, которым пользовалась Е.Ю. Артемьева в своих исследованиях. Данное направление исследований базируется на стыке психосемантики и теории образа мира, разработанной А.Н. Леонтьевым.

Изучение противоправного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы показывает, что «речь идет об искажениях личностно-смысловой сферы, спровоцированных типичными условиями профессиональной деятельности, проявляющимися в относительно устойчивых (часто повторяющихся) поведенческих актах, которые не соответствуют официально установленным нормативно-правовым требованиям» [2, с. 75].

Настоящее исследование направлено на изучение ценностных ориентаций у сотрудников ОВД управленческого звена, смысловой регуляции их служебной деятельности.

Методика проведения исследования. В исследовании принял участие 321 сотрудник полиции (руководители служб и подразделений территориальных органов внутренних дел) [3, с. 43]. Для выявления у руководителей территориальных ОВД признаков противоправного поведения, в том числе пре-

ступлений коррупционной направленности, то есть для установления лиц, обладающих негативным статусом относительно выбранной категории экспертной оценки — склонности к совершению преступлений, была использована методика экспертной оценки «Мониторинг» [11].

Методика базируется на системе межличностного выбора на основании деятельностного, ценностного характера межличностных взаимоотношений. Вопросы, используемые в программе «Мониторинг», подобраны с учетом специфики профессиональной деятельности руководителей среднего звена ОВД, так как «главным носителем общих ценностей и целей, олицетворяя их своей деятельностью, выступают руководитель органа и созданная им подструктура управления» [12, с. 152].

В процессе экспертного опроса являются руководители, лидеры в служебных коллективах сотрудников по отношению к нормам «оценочного отношения к праву» (ОО) — насколько они готовы воспринимать существующие нормы и правила служебного поведения; к «практике применения правовых норм» (ПП) — насколько они готовы соблюдать существующие нормы и правила служебного поведения; «правовых установок и ценностных ориентаций», указывающих на общий уровень готовности сотрудников действовать в рамках правовых норм, добросовестность и примерность их соблюдения на службе.

Таким образом, на основании результатов социально-психологического мониторинга в работе было осуществлено ранжирование обследованных руководителей по уровню индивидуального правосознания, числовые значе-

ния которых могли меняться от 0 до 1. Программа «Мониторинг» создана в среде FoxPro 2.5 для Windows и представляет собой несколько баз данных, процедуры обработки и графической интерпретации результатов тестирования. Предлагаемая модификация теста основывается на кластеризации результатов обследования [6, с. 87–88].

Для изучения ценностных ориентаций обследованных сотрудников полиции были использованы модифицированные под задачи исследования тест ценностных ориентаций М. Рокича [13, с. 25–29] и цветовой тест отношений (ЦТО) А.М. Эткинды [1987] [14, с. 221–227].

ЦТО А.М. Эткинды основан на процедуре косвенного шкалирования изучаемого объекта посредством сопоставления его с цветом, атрибутированным с этим объектам, и с местом этого цвета в ранге по предпочтению набора из восьми цветов методики Люшера. Предложенная методика характеризуется рядом особенностей и преимуществ: представленные ценности ранжируются не напрямую, а опосредованно, через цветовые предпочтения; перцептивные признаки не являются ключевыми; понятия, обозначенные одним цветом, имеют субъективный показатель эмоциональной близости и сходства семантического кода; методика определяет отношение к представленным ценностям, структуру ценностных ориентаций, мотивов деятельности.

В исследовании сотрудникам были представлены 15 ценностей, выбранные экспертами-руководителями из 45 ценностей как наиболее важные показатели служебной деятельности. По аналогии с ЦТО они ранжировались по

предпочтению набора из восьми цветов методики М. Люшера (косвенное ранжирование):

1. Независимость в принятии решений.
2. Материальная обеспеченность.
3. Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина).
4. Непримируемость к недостаткам в работе.
5. Принципиальность.
6. Умение направить на соблюдение нравственных ценностей.
7. Использование своих властных полномочий.
8. Требовательность к сотрудникам.
9. Эффективность работы.
10. Исполнительность.
11. Искренность в выражении своих взглядов, мнений.
12. Учет интересов сотрудников.
13. Карьерный рост.
14. Новаторство.
15. Осторожность, обдуманность решений.

Полученные экспериментальные данные были обработаны с помощью кластерного анализа (иерархический агломеративный метод). Классификация осуществлялась путем последовательного объединения объектов в группы (кластеры), оказывающиеся иерархически организованными. Данный метод позволил рассмотреть смысловые связи понятий и отношение к ним испытуемых на разных уровнях сходства [1, с. 37–38; 8, с. 132]. Используемые понятия (ценности) в каждой из групп образуют различные смысловые связи.

Результаты исследования позволили разграничить выборку руководи-

телей среднего звена органов внутренних дел на группы с высоким и низким уровнем статусов в служебном коллективе относительно показателей «оценочное отношение к праву» и «практика применения правовых норм». Руководители, получившие негативные оценки по показателю «оценочное отношение к праву», имели соответствующие уровни оценок и по показателю «практика применения правовых норм». Данные две категории оценок (оценочное отношение и практика применения) качественно и количественно не отличаются по вошедшим в их состав руководителям.

Таким образом, при помощи методики экспертной оценки «Мониторинг» были определены две группы сотрудников, склонных и не склонных к нарушению правовых, нравственно-этических норм служебного поведения.

В группе сотрудников, не склонных к противоправному поведению (группа 2), понятие «эффективность работы» имеет смысловое объединение с понятием «искренность в выражении взглядов, мнений», что говорит о важной составляющей открытости и доверия в процессе служебной деятельности. Эффективность управленческой деятельности, безусловно, зависит от искреннего отношения к своим обязанностям, открытости перед сотрудниками, четкости, подразумевает отсутствие двойных стандартов в собственной позиции руководителя при постановке задач подчиненным.

Понятие «материальная обеспеченность» имеет смысловое объединение с понятием «учет интересов сотрудников», которые являются близкими по смыслу с понятием «эффектив-

ность работы». Это свидетельствует о том, что по своему коннотативному (эмоционально-ассоциативному) значению понятия «материальное благополучие» и «эффективность управленческой деятельности» для обследованных руководителей среднего звена органов внутренних дел находятся в одном близком смысловом поле, взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Указанные ценности («эффективность работы», «учет интересов сотрудников», «искренность в выражении взглядов, мнений», «материальная обеспеченность») в сознании обследованных руководителей обнаруживают смысловую близость с позитивными служебно-значимыми понятиями, такими, как «требовательность к сотрудникам», «исполнительность», «принципиальность» и «самоконтроль».

Понятие «материальная обеспеченность» для этих руководителей не обнаруживает близкого смыслового объединения, то есть не имеет высокого уровня сходства со многими исследованными понятиями, такими как «новаторство», «осторожность, обдуманность решений», «карьерный рост», «непримиримость к недостаткам в работе», «умение направлять на соблюдение нравственных ценностей», а значит, не является ведущей, интегративной ценностью в осуществляемой ими управленческой деятельности.

В иерархии дерева ценностей этой группы руководителей происходит постепенное объединение всех понятий в единое смысловое поле, которое имеет определенный эмоционально-смысловой, эмоционально-нравственный спектр отношений. Об эмоциональной, нравственной составляющей

в смысловом поле говорит более низкий уровень сходства ценностей, на котором происходит объединение понятий, непосредственно включенных в деятельность сферу испытуемых. Таким образом, можно говорить о том, что руководители данной группы признают предъявленные ценности в системе собственных ценностных ориентаций и руководствуются ими как нравственными ориентирами, ведущими ценностями в повседневной управленческой деятельности.

На основе показателей классификационного дерева ценностей руководителей, склонных к противоправному поведению (группа 1), можно констатировать близкое объединение у них в сознании в одно смысловое поле таких понятий, как «самоконтроль» и «осторожность, обдуманность решений». Смысловое объединение данных ценностей свидетельствует о высоком контроле своего поведения и эмоциональных реакций, об осмыслении и точности каждого управленческого действия.

Для испытуемых этой группы руководителей понятие «материальная обеспеченность» является объединяющим в одно смысловое поле подавляющего большинства исследованных ценностей. Вместе с тем ценность «материальная обеспеченность» не включена в близкое смысловое поле с понятиями, отражающими профессиональную, деятельностьную сферу руководителей, то есть не входит в одно близкое смысловое поле с такими понятиями, как «требовательность к сотрудникам», «независимость в принятии решений», «учет интересов сотрудников», «исполнительность», «принципиальность», «искренность в выражении взглядов, мнений».

Это может свидетельствовать о том, что указанные ценности, несмотря на их активное декларирование данными руководителями, не входят в число ведущих позитивных личностных ценностей.

Публичное реагирование на вопросы материального характера, указание на предпочтительность той или иной ценности, связанной с собственным материальным благополучием, даже методом косвенного шкалирования с помощью методики цветового предпочтения, вызывает у этих руководителей естественную защитную реакцию, как и реагирование на вопрос, касающийся эффективности управленческой деятельности.

Высокий уровень сходства и смысловую близость показали понятия «умение направить на соблюдение нравственных ценностей» и «новаторство». Это можно объяснить тем, что в последние годы в органах внутренних дел особое внимание уделяется вопросам нравственности сотрудников, в определенной степени новым для многих руководителей, так как они и ранее не входили в структуры их ценностных ориентаций. Ценности по своей природе, безусловно, являются достаточно устойчивыми и внеситуативными образованиями. Реалии сегодняшнего дня заставляют большинство руководителей искать новые пути и средства в достижении желаемых результатов, подстраиваться под ситуацию, соответствуя своему социальному статусу, что не может так быстро приводить к смене ценностных ориентаций личности.

Руководители данной категории, декларируя высокие образцы законопослушного поведения, ориентируя окружающих на нравственный критерий в

профессиональной деятельности, сами не в полной мере придерживаются данных ценностных ориентиров и тем самым демонстрируют гибкость в поступках, декларируют социально желаемые ценности, нужные образцы поведения, оптимально подстраиваясь под ситуацию, что свидетельствует о наличии двойных стандартов.

Таким образом, особенности в структурах ценностных ориентаций обследуемых групп говорят о различной окраске в смысловых конструктах сотрудников, склонных и не склонных к противоправному поведению. Руководители первой группы обнаружили единое смысловое поле в системе ценностных ориентаций понятий «эффективность работы» и «материальная обеспеченность», тогда как у руководителей второй группы эти понятия в их сознании находятся не в одном, а в разных смысловых пространствах, допускающая возможность противоправного поведения относительно своих служебных обязанностях с ориентацией на материальную выгоду.

Можно предположить, что структура ценностных ориентаций второй группы формирует психологический механизм возможного противоправного поведения руководителей, который позволяет им искать новые возможности для достижения цели и одновременно принимать обдуманные, осторожные решения, декларировать высокие образцы законопослушного поведения и придерживаться гибкой, лабильной системы двойных стандартов. Эта категория руководителей отличается рациональностью в оценке ситуаций, четкостью принятия досконально продуманных решений; варьированием вектора пове-

дения от сложившейся ситуации и личной выгоды.

Таким образом, результаты кластеризации экспериментальных данных в двух группах относительно структур ценностных ориентаций руководителей выявили качественные различия смысловых отношений между понятиями. Для первой группы сотрудников присуще более дифференцированное отношение к соблюдению норм, неоднозначное эмоционально-смысловое отношение к нормам закона, где приоритетами становятся значимость и ценность материального фактора и возможности, предоставляемые их социальным статусом. Для второй группы характерна однозначность осмысления и принятия норм права в собственную систему ценностей; нормы права и ценности личности образуют единое смысловое поле, в котором деятельность личности осуществляется в законе установленных рамках.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999.
2. Болдырев А.В. Диагностика профессиональных деструкций личности: психосемантический

подход // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3.

3. Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2012. № 4.

4. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура. Общая теория государства и права. М., 2001.

5. Касперович Ю.Г. Особенности личности сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности // Психопедагогика правоохранительных органах. 2013. № 1 (52).

6. Кузнецова О.В. Влияние гендерного состава на социально-психологический климат служебных коллективов органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52).

7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.

8. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд.-М.: Эксмо, 2010.

9. Петров В.Е. Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестник ВИПК МВД России. 2011. № 2 (18).

10. Психология субъективной семантики: истоки и развитие / под ред. И.Б. Ханиной, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.

11. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013613249.

12. Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология. М.: Юнити-Дана, 2008.

13. Тест ценностных ориентаций (М. Рокича). Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина. Т.1. М., 2000.

14. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ И УСЛОВИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОВД НА ИСКАЖЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ СЛУЖЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Н. В. Ефимкина

Аннотация: статья посвящена исследованию проблем искажения служебной информации в профессиональной деятельности сотрудников органов

внутренних дел. Представлены материалы опроса выборки сотрудников из трех регионов Российской Федерации. Разработана специальная анкета, состоя-

щая из блоков вопросов, направленных на установление частоты случаев искажения служебной информации в деятельности органов внутренних дел, отношения руководителей территориальных органов внутренних дел к этому явлению, определение структурных подразделений, в которых чаще всего имеет место искажение служебной информации, влияния условий профессиональной деятельности и особенностей управления органами и подразделениями внутренних дел.

По результатам проведенного исследования подтверждается наличие факта искажения служебной информации в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. На данный факт оказывают влияние как условия профессиональной деятельности, специфика службы, управленческие качества руководителя, так и личностные особенности сотрудника органов внутренних дел, что обуславливает необходимость углубленного исследования связанных с искажением информации индивидуальных установок, ценностно-смысловых и личностных особенностей сотрудников органов внутренних дел.

Наиболее значимыми показателями среди условий и особенностей профессиональной деятельности, способствующими искажению служебной информации, являются такие, как высокий документооборот, «палочная» система оценки деятельности, уровень профессиональной подготовленности сотрудников, нечеткая постановка задач руководителем, необъективная оценка результатов работы, неэффективный стиль управления. Степень искажения служебной информации оказалась также связанной

с уровнем мотивации к службе, страхом наказания, небрежным отношением к выполняемой работе и уверенностью сотрудников в том, что искажение информации служит интересам службы.

Определены направления для изучения личностных особенностей сотрудников органов внутренних дел, склонных к искажению служебной информации.

Ключевые слова: служебная информация, искажение служебной информации, профессиональная деятельность, сотрудники органов внутренних дел, юридическая психология.

Проблема искажения информации во все времена интересовала исследователей разных областей и оставалась актуальной на протяжении развития всего человечества. Вопросами искажения информации занимались философы, психологи, юристы, представители точных наук, деятели культуры и искусства.

Термин «искажение информации» можно встретить как в научной литературе, нормативных правовых актах Российской Федерации, так и в повседневной жизни, под ним понимается широкий спектр определений: обман, упущение, вранье, ложь, мошенничество, шарлатанство, надувательство, липа, извращение, неправда, измышление, брехня, дезинформация, небылица, домысел, лицемерие и др.).

Вопросы искажения информации, соотношение истинности и ложности, а также проблемы субъективности каждой личности при восприятии предметов и явлений раскрывались в трудах философов (Б. Спиноза, Г. Гегель, И. Гегель, Ж.-П. Жуари, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др.).

Результаты исследования феномена искажения информации в зарубежной и отечественной психологии представлены в трудах Г. Адлера, Э. Берна, Ж. Годфруа, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна, А. и Б. Пиза, Р. Дейва, П. Экмана, В.В. Знакова, Л.Д. Столяренко, А.Н. Тарасова, Ю.В. Щербатых и др.

В юридической науке проблема ложности показаний, искажения информации также актуальна, и главной задачей, например, в уголовном процессе является установление объективной истины по уголовному делу (А.Ф. Кони, И.Г. Щегловитов, Ю.В. Чуфаровский, Н.И. Архипцев, Н.С. Алексеев, Н.Н. Полянский, И.Л. Петрухин, В.В. Кальницкий и др.) [1, 7, 15].

Правоохранительная деятельность сотрудников органов внутренних дел (ОВД), безусловно, основана на гуманистических принципах, и такие основные их положения, как соблюдение и уважение прав и свобод человека, объективность, открытость, публичность и другие, обеспечивают главенство закона над различными антисоциальными и преступными проявлениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности [1, 2, 3, 4, 5]. Именно сотрудники ОВД первыми приходят на помощь к гражданам при возникновении разнообразных жизненных ситуаций независимо от сферы их проявления (профессиональные, семейные, бытовые, технические). При этом особенности профессиональной деятельности в ОВД и личности сотрудников могут стать факторами, связанными с проблемой искажения информации, порождать определенные упущения в работе, искаженное отношение к объективной действительности, влиять в конечном итоге на

эффективное выполнение служебных задач. Вследствие этого изучение феномена, связанного с искажением служебной информации, является актуальным, требующим комплексного внимания современной юридической психологии, социальной психологии и психологии личности.

В результате изучения литературных источников [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16], обратившихся к данной проблеме, нормативно-правовых актов РФ и ведомственных приказов предложены рабочие определения терминов «служебная информация» и «искажение служебной информации».

Под служебной информацией предлагается понимать информацию, представляющую собой совокупность сведений, используемых в профессиональной деятельности сотрудников ОВД в целях выполнения служебных обязанностей в процессе внутриведомственного взаимодействия и взаимодействия с внешней средой в рамках должностного регламента и в соответствии с установленными профессионально-этическими нормами и правилами.

Искажение служебной информации — это наложение индивидуально-личностных особенностей восприятия человека на объективно существующие аспекты познаваемой реальности; сознательное либо неосознанное изменение смысла, формы и содержания этой реальности при ее передаче в виде информации так, что она в дальнейшем не может представлять изучаемый объект в полном объеме и быть достоверной [6].

Таким образом, настоящая работа посвящена исследованию проблем ис-

кажения служебной информации в деятельности сотрудников ОВД с целью выявления ее профессиональных и психологических механизмов.

Результаты исследования. Для достижения поставленной цели была разработана специальная анкета, состоящая из блоков вопросов, направленных на установление частоты случаев искажения служебной информации в деятельности ОВД, отношения руководителей территориальных ОВД к этому явлению, определение структурных подразделений, в которых чаще всего имеет место искажение служебной информации, влияния условий профессиональной деятельности и особенностей управления органами и подразделениями внутренних дел. В анкете были представлены также вопросы, касающиеся изучения влияния на искажение служебной информации социально-психологических особенностей сотрудников, их потребностей, управленческих качеств руководителей, способствующих его снижению.

Проведено анкетирование 438 сотрудников ОВД из разных субъектов Российской Федерации, имеющих стаж службы в ОВД более 3 лет.

Статистическая обработка полученных данных показала, что около 82% респондентов согласны с тем, что в их служебной деятельности имеет место искажение служебной информации, 19% из них отметили, что такие случаи происходят часто; 38% — иногда; 25% — редко. Значительная часть сотрудников (76%) сталкивались с данным фактом в своей служебной деятельности, а 20% — нет.

Установлено, что больше всего случаев искажения служебной информа-

ции допускается в подразделениях уголовного розыска (11%), участковых уполномоченных полиции (9%), следствия (9%), материально-технического обеспечения (8%), ГИБДД (8%), в учетно-регистрационных (7%) и информационно-аналитических подразделениях (6%). С учетом специфики деятельности эти структуры являются основными для ОВД. Например, искажение информации в подразделениях уголовного розыска не способствует более эффективному выполнению служебных задач, в том числе оперативно-му выполнению повседневных служебных заданий и поручений. Реже всего искажение служебной информации допускается в подразделениях дежурных частей, ОМПО и ОДиР (по 1%).

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что на искажение служебной информации в наибольшей степени оказывают влияние высокий документооборот (47%), «палочная система» оценки деятельности (55%) и недостаточный уровень профессиональной подготовленности сотрудников ОВД (26%). По мнению опрошенных, среднее по силе влияние на искажение служебной информации оказывают такие показатели, как несовершенство нормативно-правовой базы (48%), физические и психические перегрузки (44%), широкий круг обязанностей сотрудников (44%), ограниченность времени на выполнение задачи (42%).

В то же время, как указали респонденты, показатели, характеризующие повышенный риск потери здоровья и жизни, стаж службы, возможность повышения квалификации и сложность служебных заданий, на искажение слу-

жебной информации влияния не оказывают.

Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что 48% опрошенных отмечают отрицательное отношение непосредственных и вышестоящих руководителей к искажению информации в служебной деятельности. Вместе с тем около 20% подчеркивают положительное отношение руководителей к данному явлению, если искажение информации помогает своевременному решению оперативно-служебных задач.

Изучение особенностей управленческой деятельности, влияющих на искажение служебной информации, выявило существенную роль таких характеристик, как нечеткая (невнятная) постановка задач руководителем (35%), необъективная оценка результатов работы (33%), стиль управления служебным коллективом (33%), непонимание руководителем подчиненного, и наоборот (30%), а также принятие неэффективных управленческих решений (30%). В свою очередь, влияние в средней степени оказывают ситуативные требования руководителя (52%), его установки и слабый контроль за исполнением поставленных задач (41%).

Исходя из личного опыта, респонденты определили профессионально-психологические качества руководителя, способствующие снижению уровня искажения информации в деятельности ОВД, к которым относятся профессиональная компетентность (15%), порядочность и честность (12%), умение работать с людьми (10%) и уровень индивидуального правосознания (7%).

В результате опроса было установлено влияние на искажение служебной

информации отдельных стадий принятия и реализации управленческого решения. Большая часть опрошенных (22%) сталкиваются с проблемой искажения информации на этапе сбора и обработки первичной информации, 20% — на стадии обнаружения проблем, возникающих в деятельности, 16% — при документальном оформлении принятого решения, 13% — при анализе информации и оценке ситуации. Респонденты подчеркнули, что искажение служебной информации чаще всего (в 31% случаев) происходит при осуществлении анализа деятельности ОВД в отчетном периоде (квартал, полугодие, год).

Было изучено мнение респондентов об оценке влияния социально-психологических особенностей сотрудников на искажение служебной информации. Установлено, что на искажение информации в сильной степени оказывает влияние отсутствие у сотрудников мотивации к службе (36%), страх наказания за несвоевременное выполнение задания (34%), небрежное отношение к выполняемой работе (31%) и уверенность в том, что искажение информации служит интересам службы (29%). По мнению респондентов, влияние в средней степени на уровень искажения служебной информации оказывают невнимательность и неосторожность сотрудников (48%), отсутствие установки на приоритетность интересов службы (42%) и личная заинтересованность сотрудника в ущерб интересам службы (42%).

Результаты исследования показали, что наряду с приведенными данными на искажение служебной информации влияют потребности человека, на-

пример в безопасности и уверенности в будущем (39%), в сохранении своего социального статуса (23%) и уважения со стороны окружающих (16%).

Итак, среди условий и особенностей профессиональной деятельности наиболее значимыми по влиянию на искажение служебной информации являются такие показатели, как высокий документооборот, «палочная» система оценки деятельности, уровень профессиональной подготовленности сотрудников, нечеткая постановка задач руководителем, необъективная оценка результатов работы, стиль управления. Уровень искажения информации оказался также связанным с уровнем мотивации к службе, страхом наказания, небрежным отношением к выполняемой работе и уверенностью сотрудника в том, что искажение информации отвечает интересам службы.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что в своей профессиональной деятельности значительное число сотрудников ОВД сталкивается с фактом искажения служебной информации. На данный факт оказывают влияние как условия профессиональной деятельности, специфика службы, управленческие качества руководителя, так и личностные особенности самого сотрудника ОВД, что обуславливает необходимость углубленного исследования связанных с искажением информации индивидуальных установок, ценностно-смысловых и личностных особенностей сотрудников ОВД.

Литература

1. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии: монография / О.А. Тоболевич; под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1.
2. Воронин Р.М., Ковачев О.В., Мачкасов И.А. Интернет-конференция «Пенитенциарная система: наука и практика» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 164–165.
3. Гаврина Е.Е. Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование должностной позиции сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 27–39.
4. Датый А.В., Кожевникова Е.Н. Актуальные проблемы прикладной юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 165–166.
5. Душкин А.С., Щелкушкина Е.А. Профессиографическое изучение деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 106–117.
6. Ефимкина Н.В. К вопросу об искажении информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 16–18.
7. Пискун О.А. Истина в уголовном судопроизводстве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 24 с.
8. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.
9. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 24–40.
10. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.
11. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.
12. Сочивко Д.В., Чубяк В.Э. Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 59–68.
13. Тарасов А.Н. Психология лжи. М.: Книжный мир, 2005. С. 327.
14. Удалова Е.А. Искажения соционического типа. Быть или казаться. М. 2009. С. 191.
15. Щегловитов И.Г. Непроизвольные искажения истины в свидетельских показаниях по новейшим наблюдениям. — СПб.: Печ. дела Е. Евдокимов, 1902. 33 с.
16. Щербатых Ю.В. Психология лжи и обмана. Ростов н/Д.: Феникс, 2011. С. 284.

КРИТЕРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ОЦЕНИВАНИЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРАВСТВЕННЫХ И ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Т. В. Пивоварова

Аннотация: в статье рассматриваются современные тенденции преступности несовершеннолетних осужденных, приводятся статистические данные с официального сайта ФСИН России, в том числе в отношении несовершеннолетних осужденных женского пола. Автор описывает исследование нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных женского пола в воспитательных колониях УФСИН России по Рязанской и Белгородской областям. На основании предложенной нами типологии несовершеннолетних осужденных и диагностического инструментария приводится критериальный аппарат оценивания сформированности нравственных и волевых качеств у несовершеннолетних осужденных. Кроме того, была разработана психолого-педагогическая программа по формированию нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных женского пола, включающая два комплексных взаимосвязанных блока в учебное (в рамках изучения литературы) и во внеучебное время.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, нравственные и волевые качества, критериальный аппарат, типология, методы исследования, показатели, коррекционное воздействие.

Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации продолжает

не только оставаться серьезной социальной проблемой, но и приобретает новое качественное содержание. По состоянию на 1 июля 2014 г. в 45 воспитательных колониях для несовершеннолетних содержалось 1860 осужденных, в том числе 105 несовершеннолетних женского пола [12]. Численность лиц, содержащихся в воспитательных колониях, уменьшилась на 22,67% (с 2808 до 2289) за период 2011–2012 гг. (по состоянию на 01.01.2013) [9]. По данным современных криминологических исследований, преступность несовершеннолетних в России в основном носит групповой характер, что сопровождается употреблением алкоголя, наркотиков и токсических веществ. Характерными чертами совершенных ими преступлений становятся насилие и жестокость. Подростки продолжают составлять наиболее криминально активную часть населения страны. Наблюдается тенденция омоложения преступности несовершеннолетних, повышения криминальной активности детей младших возрастов, значительно растет преступность несовершеннолетних женского пола. Повышается процент рецидивной преступности несовершеннолетних, и бывшие подростки пополняют ряды исправительных учреждений для взрослых [1, 7].

В воспитательных колониях концентрируются наиболее социально дезадаптированные подростки [2, 3, 4, 5, 6,

13, 14, 15]. По данным судебной статистики, к реальному лишению свободы осуждается лишь четвертая часть несовершеннолетних. Суды не спешат применять к ним самое суровое наказание, прибегая прежде всего к условному осуждению к лишению свободы или другим видам наказания. Особенно это касается девочек: к лишению свободы осуждается только 16% из них. Меняется возрастной состав воспитанников за счет увеличения доли лиц, достигших 18-летнего возраста (до 20%).

Данная тенденция осложняет реализацию исполнения наказания, организованную с учетом подросткового возраста контингента, и ставит вопрос об изменении типологии и организационной структуры учреждений. Большая часть преступных групп несовершеннолетних совершают корыстные и корыстно-насильственные преступления. Увеличивается число подростков, имевших до осуждения опыт взаимодействия с системой правосудия: более половины впервые отбывающих наказание ранее были осуждены к лишению свободы условно, состояли на учете в комиссии по делам несовершеннолетних [11]. В связи с этим проблема противодействия преступности несовершеннолетних в современной России является особенно важной, так как от ее решения в значительной степени зависит успех проводимых в стране реформ, социальное и нравственное здоровье подрастающего поколения, которое определяет будущее Российского государства и общества.

Нами было проведено обследование 190 несовершеннолетних осужденных женского пола в возрасте от 14 до 18 лет, отбывающих наказание в воспи-

тательных колониях УФСИН России по Рязанской (с. Льгово) и Белгородской (г. Новый Оскол) областям.

С помощью комплекса методов (методика «Волевой самоконтроль личности» (А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман); методика «Сила воли» (Р.С. Немов); методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич); тест-опросник «Волевые качества личности» (Ю.Л. Еремкин, И.И. Купцов); авторская методика «Уровень развития нравственных качеств личности» (Т.В. Пивоварова, И.И. Купцов); авторская анкета; «Самооценка личности» С.А. Будасси в авторской модификации (изучение нравственных и волевых качеств личности; сочинения) проводилась диагностика уровня развития нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных женского пола (высокий, средний, низкий); обработка полученных эмпирических данных проведена с помощью методов математической статистики.

Для решения задачи опытно-экспериментальной работы — обоснования классификации несовершеннолетних осужденных по критерию уровня развития нравственных и волевых качеств — нами был проведен кластерный анализ полученных в ходе эмпирического этапа эксперимента данных и определены 4 группы, которые после тщательного анализа и в соответствии с разработанной психолого-педагогической моделью позволили выделить следующую типологию сформированности нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных [10]:

1) оптимальный (высокий уровень воли и средний уровень нравственности) — 14,2%;

Критериальный аппарат оценивания сформированности нравственных и волевых качеств у несовершеннолетних осужденных

Критерий	Методы исследования	Типы	Показатели
Осознание вины и принятие ответственности за совершенное преступление	Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), методика «УРНКЛ» (Т.В. Пивоварова, И.И. Купцов), «Самооценка личности», предложенная С.А. Будасси, в авторской модификации, авторская анкета, обобщение независимых характеристик, беседа	1	Критическое отношение к совершенному преступлению, раскаяние в нем; полное осознание вины и последствий причиненного вреда; относительно положительная направленность деятельности; принятие обязательств по заглаживанию вреда перед пострадавшей стороной; прочие и разносторонние связи с внешней социальной средой
		2	Не всегда критическое отношение к совершенному преступлению; в некоторых ситуациях склонность к перекалыванию ответственности за совершенное преступление; частичное осознание вины и последствий причиненного вреда; неоднозначное отношение к пострадавшей стороне преступления
		3	Достаточно частое отрицание своей ответственности в совершении преступления; формальное осознание вины; отношение к пострадавшей стороне преступления неоднозначное; преобладание узколичных интересов и потребностей; практически отсутствие связи с внешней социальной средой
		4	Полное отрицание своей ответственности в совершении преступления; некритическое отношение к совершенному преступлению; отсутствие стремления к осознанию своей вины и последствий причиненного вреда; наказание считают несправедливым; проявление моральной невоспитанности к пострадавшей стороне; социальные связи не поддерживаются
Соблюдение требований режима содержания	Методика «Сила воли» (Р.С. Немов); тест-опросник «Волевые качества личности» (Ю.П. Еремкин, И.И. Купцов), анкета, обобщение независимых характеристик, беседа	1	Отсутствие нарушений Правил внутреннего распорядка; активное включение в производственную деятельность, обучение; правильная реакция на меры воспитательного воздействия; добросовестное выполнение требований режима; стремление к досрочному освобождению
		2	Эгоцентрическая направленность мотивации личности; правильная реакция на меры воспитательного воздействия, однако слабость волевого развития не всегда гарантирует поведение, отвечающее нравственным и правовым нормам
		3	Возможность срывов в отношениях с другими осужденными и администрацией, периодические нарушения дисциплины; неоднозначная реакция на меры воспитательного воздействия
		4	Нарушение Правил внутреннего распорядка; слабая внутренняя система самоконтроля и регуляции; импульсивность действий в общественно опасных деяниях

2) допустимый (средний уровень воли и средний уровень нравственности) — 30%;

3) критический (средний уровень воли и низкий уровень нравственности) — 28,4%;

4) криминальный (низкий уровень

воли и низкий уровень нравственности) — 27,4%.

Критериальный аппарат оценивания сформированности нравственных и волевых качеств у несовершеннолетних осужденных приведен в таблице.

Способность к преодолению трудностей	Методика «ВСК» (А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман), методика «Сила воли» (Р.С. Немов); авторская анкета, обобщение независимых характеристик, беседа	1	Способность с помощью волевого усилия преодолевать внешние и внутренние трудности; высокий уровень произвольного самоуправления, самоконтроля, самообладания и настойчивости
		2	Умение сознательно и разумно управлять своим поведением и деятельностью в зависимости от значимости ситуации; в большинстве ситуаций присутствует способность руководить собственным поведением в эмоционально сложной ситуации
		3	Не всегда есть готовность к преодолению трудностей; низкий уровень самоконтроля, самообладания и настойчивости, бессистемное и фрагментарное их проявление
		4	Низкая способность к проявлению упорства в преодолении преград; ослабление внутренней системы самоконтроля и регуляции; низкий уровень способности руководить собственным поведением в эмоционально сложной ситуации
Наличие перспектив и целей после отбытия наказания	Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), авторская анкета, обобщение независимых характеристик, беседа	1	Наличие просоциальных ценностей; наличие близких, средних и дальних перспектив и целей на право послушное поведение; настойчивость в достижении целей; умение планировать, прогнозировать и реализовывать задуманное
		2	В основном поведение подчинено требованиям текущего момента, а не дальним перспективам и целям; настойчивость в достижении значимых для себя целей
		3	Жизненные планы неустойчивы, пассивность; в ряде ситуаций не хватает настойчивости в достижении поставленной цели; отказ от конечной цели, если для ее реализации необходимы большие (по субъективной оценке) затраты сил; не склонны к постановке и достижению далеко идущих и глобальных целей
		4	Отсутствие планирования (живут одним днем); при столкновении с трудностями могут отказаться от реализации поставленной цели; переменчивые интересы; мотивация избегания неудач
Сформированность нравственных понятий	Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), методика «УРНКП» (Т.В. Пивоварова, И.И. Купцов), «Самооценка личности», предложенная С.А. Будасси, в авторской модификации, авторская анкета, обобщение независимых характеристик, беседа	1	Определение нравственных понятий на продуктивном уровне; потребность в совершении нравственных поступков; относительно положительная направленность; умение анализировать свои действия по нравственному выбору
		2	Определение нравственных понятий на продуктивном и репродуктивном уровнях; выбор правильного решения не всегда самостоятелен; избирательная склонность к анализу
		3	Понимание нравственности преимущественно на уровне общей когнитивной осведомленности; выбор правильного решения чаще несамостоятелен; затруднения в самоанализе
		4	Отсутствие развитых представлений о нравственных категориях; проявление моральной невоспитанности; преобладание узколичных интересов и потребностей; неуважение к чести и достоинству окружающих

Коррекционное воздействие, направленное на нравственную и волевую сферу несовершеннолетних осужденных женского пола, осуществлялось нами в рамках реализации

специально разработанной психолого-педагогической программы в условиях лишения свободы на базе Рязанской воспитательной колонии УФСИН России по Рязанской области. Органи-

зационно работа включала в себя два комплексных взаимосвязанных блока. В рамках первого блока проводились психокоррекционные мероприятия в Вечерней (сменной) общеобразовательной школе УФСИН России по Рязанской области на уроках литературы [8]. Модификация программы может использоваться как самостоятельный спецкурс в школах и в других образовательных учреждениях. Второй блок содержал коррекционные мероприятия, проводимые во внеучебное время. Данный блок программы также может реализовываться в учебное (в рамках изучения литературы, истории и др.) и во внеучебное время.

Литература

1. Актуальные проблемы современной пени-тенциарной психологии : монография / О.А. Тоболевич [и др.] ; под науч. ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2013. Т. 1.
2. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16–21.
3. Датий А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 52–60.
4. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.
5. Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В. Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.
6. Датий А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42–46.
7. Костина Л.Н. Психологическое обеспечение расследования групповых преступлений несовершеннолетних : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.06 / Костина Любовь Николаевна. М., 2010. 541 с.
8. Купцов И.И., Пивоварова Т.В. Практические рекомендации по формированию нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных в процессе преподавания литературы (9 и 10 класс). Киров, 2013. 80 с.
9. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России : информ.-аналит. сборник. Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2013. 310 с.
10. Пивоварова Т.В. Взаимосвязь уровней нравственных и волевых качеств и типов несовершеннолетних осужденных // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 92–98.
11. Симакова Т.А., Полякова Я.Н. Историко-методологические аспекты психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 24–31.
12. <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения : 24.12.2014).
13. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.
14. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.
15. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшешева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 60–75.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ОБРАЗ «Я» ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПСИХОТЕРАПЕВТА

Т. Н. Савченко, М. Н. Картавецца, Г. М. Головина

Аннотация: в настоящем исследовании предпринята попытка изучить взаимосвязь личностных особенностей экзистенциального психотерапевта с образом себя как профессионала.

На основании теоретического анализа и систематизации научно-информационной литературы, посвященной проблемной области исследования; на выборке отечественных экзистенциальных терапевтов выявлены и систематизированы важные качества экзистенциального терапевта, необходимые для успешной профессиональной деятельности и соотносящиеся с основными экзистенциальными данностями; проведено изучение образа себя как профессионала у экзистенциальных терапевтов. Впервые выделены латентные факторы, играющие важную роль в построении образа себя как профессионала, и субъективное представление об образе идеального психотерапевта у экзистенциальных терапевтов. Произведено сравнение (сопоставление) образов «Я — реальный экзистенциальный терапевт» и «Я — идеальный экзистенциальный терапевт», выявлена их взаимосвязь с личностными особенностями.

Теоретически и практически обоснована важность изучения таких отдельных личностных особенностей экзистенциальных терапевтов, как смысловая сфера личности, эмоциональный интеллект, самооценка, удовлетворенность качеством жизни, экзистенциальная исполненность, эго-идентичность.

Показана взаимосвязь отдельных личностных особенностей (смысловой сферы личности, эмоционального интеллекта, самооценки, удовлетворенности качеством жизни, экзистенциальной наполненности, эго-идентичности) с латентными факторами и отдельными особенностями образа себя у экзистенциальных терапевтов.

Результаты проделанной работы могут быть использованы: преподавателями экзистенциальной терапии при построении и совершенствовании обучающих программ, практических занятий по психотерапии, тренингов личностного роста; в супервизии при поддержке процесса профессионального становления личности начинающего психотерапевта в общем и экзистенциального терапевта в частности; начинающими и зрелыми экзистенциальными терапевтами для профессионального и личностного развития и самосовершенствования — для того, чтобы сконцентрироваться на проблемных зонах профессионального становления, оказать помощь в развитии честной психологической практики.

Ключевые слова: экзистенциальная терапия, образ «Я», профессионал, субъективное качество жизни, смысловая сфера личности, самооценка, экзистенциальная исполненность, эмоциональный интеллект.

Актуальность проблемы обусловлена недостаточностью исследования особенностей применения и развития экзистенциальной терапии в на-

шей стране, а также высокой социальной значимостью изучения деятельности психотерапевта.

Данная работа направлена на исследование субъективного качества жизни и образа «Я» экзистенциального терапевта, выявление взаимосвязи личностных особенностей экзистенциального психотерапевта с образом себя как профессионала.

Нами были сделаны предположения о том, что существуют следующие ключевые, важные качества экзистенциального терапевта, необходимые для его успешной работы: открытость, осознанность, саморефлексия, уверенность в себе, эмоциональная зрелость и устойчивость, ответственность, эмпатия, коммуникативная компетентность, чуткость, уважительность, объективность, способность к децентрации (дистанцированию), гибкость, харизматичность, способность к глубоким отношениям (способность быть затронутым), мудрость (искушенность жизненным опытом, способность на основании жизненного опыта, знания себя и своих возможностей адекватно взаимодействовать с миром), высокий интеллект, чувство юмора, свобода от серьезных характерологических расстройств (проработанный), а также о существовании взаимосвязи отдельных личностных особенностей (смысловой сферы личности, эмоционального интеллекта, самооценки, удовлетворенности качеством жизни, экзистенциальной наполненности, эго-идентичности) с особенностями образа «Я — реальный экзистенциальный терапевт».

Для выявления важных качеств экзистенциального терапевта были использованы методы теоретического

изучения проблемы, сбора эмпирических данных (интервьюирование, эссе), контент-анализ информационных источников, метод классификации и семантико-смысловой анализ.

Для выявления образа себя как профессионала («Я — реальный экзистенциальный терапевт» и «Я — идеальный экзистенциальный терапевт») задействован метод семантического дифференциала, на этапе построения которого применяли экспертный метод, а также анкетирование испытуемых.

На основании выявленных важных качеств экзистенциального терапевта произведен подбор методик для изучения отдельных личностных особенностей экзистенциальных терапевтов (смысловой сферы личности, эмоционального интеллекта, самооценки, удовлетворенности качеством жизни, экзистенциальной наполненности, эго-идентичности).

Для обработки данных использовали следующие математико-статистические методы: факторный анализ (метод главных компонент, критерий Varimaxnormalized), кластерный анализ (метод K-средних), дисперсионный анализ, корреляционный анализ (метод ранговой корреляции Спирмена).

В процессе познания окружающего мира человек пользуется системой внутренних средств: представлений, образов, понятий, среди которых важную роль играет представление человека о самом себе («Я-концепция» или «Я-образ»), своих личностных чертах и качествах, способностях, мотивах. Представление о себе является продуктом самосознания, но в то же время оно способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет

интерпретацию опыта, служит источником ожиданий и установок. Таким образом, «Я-концепция» — продукт самосознания и одновременно существенное условие этого процесса.

«Я-образ» формируется под воздействием различных внешних условий, в которых находится индивид в процессе жизни в обществе. Наиболее важными являются для него контакты со значимыми другими, которые, в сущности, и определяют представления индивида о самом себе. «Я-концепция» формируется под влиянием социальных контактов индивида, определяет восприятие этих контактов и всего опыта в целом. Под образом «Я» понимается часть образа мира, которая включает в себя представления как о своем «Я», так и об отношениях с действительностью.

Описательную составляющую «Я-концепции» часто называют образом «Я» или картиной «Я». Вторая — эмоциональная (или оценочная) составляющая связана с отношением к себе или отдельным своим качествам. Ее часто называют самооценкой, самоотношением или принятием себя (отношение к себе, своим успехам, неудачам, способностям и т. п.). Выделяют еще поведенческую составляющую, которая характеризует проявления когнитивного и эмоционального компонентов в поведении (внешние проявления). «Я-концепция» — целостное образование, все составляющие которого тесно взаимосвязаны. Она имеет осознаваемый и неосознаваемый уровни.

Функции «Я-концепции» — обеспечивать внутреннюю согласованность личности, ее целостность, устойчивость поведения и развитие. Она формируется в процессе отражения человеком

самого себя под воздействием жизненного опыта, прежде всего детско-родительских отношений, «значимых личностей», со временем она начинает играть активную роль, влияя на интерпретацию этого опыта, целей, ожиданий, прогнозов относительно будущего, оценку их достижения и тем самым на собственное становление, развитие личности, деятельность и поведение.

Развитие представлений о себе осуществляется в определенном направлении: от описания «Я-концепции» с помощью внешних характеристик и указаний на физические данные к акцентированию своих внутренних особенностей и характера взаимоотношений с другими людьми.

Образ «Я» как профессионала подразумевает систему многообразных знаний о себе как профессионале, с разной степенью осознанности, дифференцированности и обобщения, которые тем не менее функционируют в неразрывном единстве.

Профессиональное становление человека происходит при соотношении образа «Я» с образом профессионала. Исследователи полагают, что формирование образа «Я», который включает в себя также образ «Я-профессионала», зависит от степени согласованности компонент идеального и реального образа «Я» и образа профессии. Соотношение «Я-реального» и «Я-идеального» определяет требование человека к себе, самооценку успешности профессиональной деятельности.

В отечественной и зарубежной литературе существует большое количество работ, посвященных изучению личностных особенностей психотерапевтов и консультантов, однако однознач-

ного ответа на вопрос о свойствах личности психотерапевта нет. Выделяют такие профессионально важные качества личности психотерапевта, как эмпатия, эмоциональная стабильность, толерантность, рефлексивность, наблюдательность, стрессоустойчивость, умение слушать клиента.

Многие исследователи, пытаясь найти общие для различных психотерапевтических школ факторы успешности, сходятся в том, что эмпатия является самым важным компонентом эффективной психотерапии. При этом понимание феномена эмпатии у разных авторов отличается.

Психоаналитики рассматривают эмпатию как тесное аффективное общение, образцом которого служат первоначальные отношения матери и младенца. Но Кохут считает, что эмпатия используется для того, чтобы собрать данные о жизни клиента, которые затем систематизирует аналитик и представляет своему клиенту в виде интерпретации.

Эмпатия — основное средство в работе психотерапевта, считает Р. Мэй [9], когда он и его клиент сливаются в единое целое, это умение оказаться во внутреннем мире клиента и самому трансформироваться в этом процессе.

К. Роджерс [10] отмечает, что эмпатия целительна сама по себе, так как, будучи понятым, клиент начинает ощущать свою принадлежность. Уровень эмпатии положительно коррелирует с успешностью терапии и зависит от опыта психотерапевта, по степени развития эмпатии можно прогнозировать успешность терапии. Ученый сделал важную исследовательскую находку: интеллектуальные и диагностические способ-

ности не коррелируют с уровнем эмпатии. Эмпатии можно научиться у того, кто сам обладает эмпатией. И последнее: чтобы быть эмпатичным к другому, надо быть эмпатичным прежде всего к себе [10].

Представляется важным отметить, что обретение профессиональной идентичности (развитие «Профессионального Я») — важная часть профессионального развития психотерапевтов. Являясь расширением «Я-концепции», профессиональная идентичность («Профессиональное Я») становится точкой отсчета для осмысления как профессионального, так и личного опыта.

В данной работе мы сосредоточились на исследовании образа «Я» экзистенциальных психотерапевтов. Истоки экзистенциализма связаны с именем Серена Кьеркегора (1813–1855). Именно он ввел и утвердил понятие экзистенции в философском и культурном обиходе, обратил внимание на поворотные моменты в человеческой жизни, открывающие возможность жить далее совершенно иначе, чем жилось до сих пор. В настоящее время целый ряд очень разных психотерапевтических подходов обозначается одним и тем же термином экзистенциальной терапии (экзистенциального анализа): экзистенциальный анализ Людвига Бинсвангера [1]; Dasein-анализ (дазайн-анализ) Медарда Босса; Dasein-анализ Алис Хольцхей-Кунц; экзистенциальный анализ (логотерапия) Виктора Франкла [15]; экзистенциальный анализ Альфрида Лэнгле [6, 7]; Экзистенциальное консультирование Джеймса Бьюджентала [1], Ирвина Ялома [16], Ролло Мэя [9].

Экзистенциальный подход в психотерапии связан со следующим:

1) жизнь каждого человека уникальна и представляет ценность;

2) каждый человек сталкивается с вопросами (данностями жизни) как неизбежностью смерти каждого из нас и тех, кого мы любим; свобода сделать нашу жизнь такой, какой мы хотим, экзистенциальное одиночество, отсутствие какого-либо безусловного и самоочевидного смысла.

Задача психотерапии с точки зрения экзистенциального подхода — помочь человеку занять персональную позицию по отношению к этим данностям и сделать свою жизнь осознанной, полной, экзистенциально исполненной.

Экзистенциальная терапия изучает мир человека, конкретный и единственный, отличающийся от жизни терапевта и от жизни других людей. Задача терапии в связи с этим очень трудна, но именно поэтому так важно воспитание и формирование самого терапевта, выработка и осознание его собственной философии. Трудность экзистенциальной терапии заключается в отсутствии технологичности, ей трудно структурированно учиться, она требует постоянной включенности терапевта, его философской подготовки и экзистенциальной установки.

Экзистенциальная терапия всегда понимает человека как «бытие-в-мире» и занимается больше всего миром человека, его контекстом.

Учитывая изложенное, мы попытались в своей работе рассмотреть образ экзистенциального терапевта с точки зрения экзистенциального подхода, как «бытие-в-мире» в качестве успешно-го терапевта (отражение аутентично-

сти личности терапевта в его успешной профессиональной деятельности), а также выделить значимые для профессиональной деятельности личностные качества.

Свойства личности, которые необходимы психотерапевту, чтобы оказывать помощь, представляют собой каталог самопознания, изменения и совершенствования другого человека. Р. Кочунас намечает модель личности эффективного терапевта [2].

Основа такой модели включает в себя следующие факторы: аутентичность — полное осознание настоящего момента, выбор способа жизни в данный момент, принятие ответственности за свой выбор, а также открытость собственному опыту, развитие самопознания, сила личности и идентичность, толерантность к неопределенности, принятие личной ответственности, глубина отношений с другими людьми, постановка реалистичных целей, эмпатия терапевта.

Можно выделить общие качества, которые присущи психотерапевтам и консультантам большинства направлений, но, кроме этого, мы предполагаем, что специфика экзистенциального подхода, его философские принципы оказывают влияние на набор качеств, необходимых именно экзистенциальному терапевту для его успешной работы.

Обобщив теоретические источники, мы сделали предположение о том, что существенно важными качествами экзистенциального терапевта являются: открытость, осознанность, саморефлексия, уверенность в себе, эмоциональная зрелость и устойчивость, ответственность, эмпатия, коммуникативная компетентность, чуткость, ува-

жительность, объективность, способность к децентрации (дистанцированию), гибкость, харизматичность, способность к глубоким отношениям (способность быть затронутым), мудрость (искушенность жизненным опытом, способность на основании жизненного опыта, знания себя и своих возможностей адекватно взаимодействовать с миром), высокий интеллект, чувство юмора, свобода от серьезных психологических расстройств (проработанный).

Обследуемая выборка формировалась методом рандомизации из группы практикующих психологов, психотерапевтов, прошедших или проходящих обучение по программе экзистенциально-аналитического направления Института экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии (ИЭАПП).

Исследуемую группу составили 29 человек в возрасте от 26 до 52 лет.

Средний возраст — 44 года. В группе 24 женщины и 5 мужчин.

Степень профессионализации респондентов: от слушателей базового курса до преподавательского состава, от начинающих практиковать экзистенциальный анализ до представителей супервизорского уровня. В выборке представлены респонденты, имеющие общее количество длительных клиентов — от 5 до 100 и больше.

Нами была использована следующая исследовательская схема:

1. Сбор эмпирических данных о значимых качествах экзистенциального психотерапевта включает в себя несколько этапов:

– интервьюирование 10 экзистенциальных психотерапевтов, а также 5 эссе;

– контент-анализ значимых для успешной практики качеств психотерапевта (источники: литература по психотерапии; материалы психотерапевтических конференций (с 2009 г.); кодекс профессиональной этики Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии; этический Кодекс психолога Российского психологического общества (РПО);

– построение биполярных шкал семантического дифференциала.

2. Классификация и семантико-смысловой анализ выявленных значимых для успешной практики качеств психотерапевта.

На этом этапе общий список значимых качеств психотерапевта был предложен 10 психотерапевтам. В результате этой процедуры были отобраны 26 качеств психотерапевта, которые легли в основу семантического дифференциала.

3. Построение семантических пространств «Я — реальный экзистенциальный психотерапевт» и «Я — идеальный экзистенциальный психотерапевт».

4. Измерение личностных характеристик: испытуемым было предложено заполнить следующие методики: опросник СЖО в адаптации Д.А. Леонтьева [4, 5]; опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» [8]; разработанный Д.В. Люсиным, классический вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда в адаптации Бехтеревского института; опросник «Субъективное качество жизни (СКЖ)» в адаптации Т.Н. Савченко и Г.М. Головиной [11, 12]; шкала экзистенции Лэнгле [7]; тест структуры эго-идентичности (СЭИ) в адаптации Е.Л. Солдатовой [13].

5. Обработка эмпирических данных методами факторного, корреляционно-го анализа, дисперсионного анализа.

Нами был проведен факторный анализ эмпирических данных, полученных по методике семантического дифференциала, характеризующих реальный образ «Я» экзистенциальных психотерапевтов. Использовался метод главных компонент, варимакс вращение — построено пятифакторное решение (соответствовало 0,71 % объясненной дисперсии исходных данных).

В **первый фактор** (объясняет 24 % дисперсии), условно названный нами «интегрированный личный и профессиональный жизненный опыт», вошли следующие качества: *мудрый, эмоционально зрелый, харизматичный, уверенный, надежный, интеллектуально развитый, смелый*. Семантическое наполнение этого фактора предполагает такое свойство личности экзистенциального терапевта, которое позволяет ему глубоко осознать и принимать жизненную правду, принять и интегрировать, то есть встроить в себя весь жизненный опыт, осознать свое место в жизненном процессе, понимать порядок и взаимосвязи происходящих событий, причинно-следственные отношения, выстроенные не локально, а в широком контексте бытия, умение «ничего не выбрасывать», трансформируя собственные переживания в профессиональный ресурс поддержки, принятия, совместного осознанного бытия с клиентом.

Во **второй фактор** (объясняет 13 % дисперсии), названный «*мужество быть*» [14], вошли следующие качества: *интуитивный, присутствующий, теплый*. Содержательное наполнение этого фактора понимается нами как

способность, будучи затронутым в терапевтическом процессе, совладать с онтологической тревогой.

В **третий фактор** (объясняет 14 % дисперсии), названный «*холдинг-забота*» (Винникот), вошли следующие качества: *эмпатичный, страдающий, ответственный, самокритичный*. Содержательное толкование этого фактора соотносится прежде всего с заботой и поддержкой, чутким пониманием потребностей клиента и адекватным возможностям клиента терапевтическим вмешательством/невмешательством, облегчающим организацию «Я» клиента. В отношениях холдинга складывается ощущение собственного «Я».

В **четвертый фактор** (объясняет 10 % дисперсии), названный «*безоценочность*», вошли следующие качества: *безоценочный, проработанный*. Содержательное толкование фактора соотносится со способностью наблюдающего безоценочно присутствовать в терапевтическом контакте, с «проработанностью» и личностной зрелостью, когда личность знает о своих комплексах, умеет дистанцироваться от них и обладает способностью воспринимать мир как данность, без положительных и отрицательных инфляций, искажающих реальность.

В **пятый фактор** (объясняет 10 % дисперсии), названный «*открытость миру*», вошли качества: *уважительный, поддерживающий, признающий свою неосведомленность*. Содержательное наполнение этого фактора трактуется нами как способность экзистенциального терапевта по-детски доверять и доверяться окружающему миру и терапевтическому контакту, уважительно относиться к окружающему миру, всем

Сравнительный анализ факторной структуры «Я-реального» и «Я-идеального» образов экзистенциальных психотерапевтов

Факторы	«Я-реальное»	«Я-идеальное»
Интегрированный личный и профессиональный жизненный опыт	<ul style="list-style-type: none"> • <i>мудрый,</i> • <i>эмоционально зрелый,</i> • <i>харизматичный,</i> • <i>уверенный,</i> • <i>надежный,</i> • <i>интеллектуально развитый,</i> • <i>смелый</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>мудрый,</i> • <i>эмоционально зрелый,</i> • <i>харизматичный,</i> • <i>надежный,</i> • <i>интеллектуально развитый,</i> • <i>проработанный,</i> • <i>присутствующий,</i> • <i>с чувством юмора,</i> • <i>ответственный,</i> • <i>деликатный,</i> • <i>безоценочный,</i> • <i>свободный,</i> • <i>уважительный,</i> • <i>физически здоровый</i>
Мужество быть	<ul style="list-style-type: none"> • <i>интуитивный,</i> • <i>присутствующий,</i> • <i>теплый</i> 	
Холдинг-забота	<ul style="list-style-type: none"> • <i>эмпатичный,</i> • <i>сострадающий,</i> • <i>ответственный,</i> • <i>самокритичный</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>эмпатичный</i> • <i>предсказуемый,</i> • <i>самокритичный</i>
Безоценочность	<ul style="list-style-type: none"> • <i>безоценочный,</i> • <i>проработанный</i> 	
Открытость миру	<ul style="list-style-type: none"> • <i>уважительный,</i> • <i>поддерживающий,</i> • <i>признающий свою неосведомленность</i> 	
Эмпатия		<ul style="list-style-type: none"> • <i>терпеливый,</i> • <i>приятный</i>
Доверие себе		<ul style="list-style-type: none"> • <i>интуитивный,</i> • <i>смелый,</i> • <i>признающий свою неосведомленность</i>
Партнерская позиция		<ul style="list-style-type: none"> • <i>теплый,</i> • <i>поддерживающий,</i> • <i>смелый</i>

своим естеством радостно воспринимать новый опыт и творчески открывать его для себя.

Процедура факторного анализа по методу главных компонентов была применена также к эмпирическим данным семантического дифференциала, характеризующим иде-

альный образ «Я» экзистенциальных психотерапевтов. Применялось варимаксное вращение, матрица итоговых факторных нагрузок представлена. Пятифакторное решение соответствует, как и при анализе данных по «Я-реальному», 0,71 % объясненной дисперсии исходных данных.

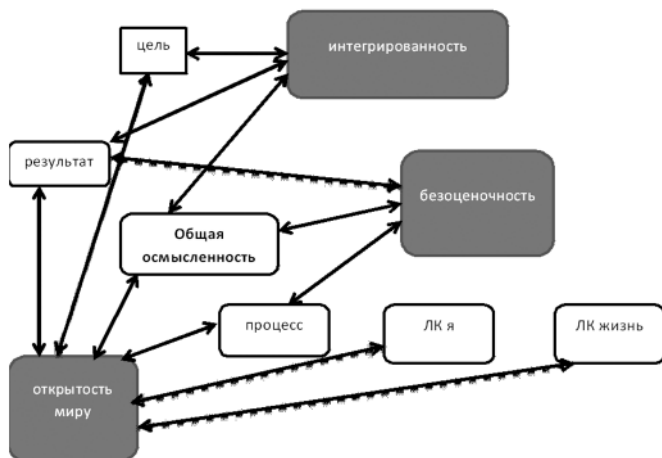


Рис. 1. Результаты корреляционного анализа смысло-жизненных ориентаций испытуемых с латентными факторами, характеризующими образ «Я-реального» экзистенциального терапевта (сплошной линией обозначены положительные взаимосвязи, пунктирной — отрицательные)

При качественном анализе факторной структуры данных, характеризующих представления испытуемых об идеальном образе «Я» экзистенциального психотерапевта, очевидно, что наполнение итоговых факторов в достаточной степени отличается от латентных факторов, характеризующих «Я-реальное».

При сравнении «Я-реальной» и «Я-идеальной» составляющих образа экзистенциального психотерапевта (табл.) видно, что в целом в структуре представлений об образе экзистенциального психотерапевта могут быть выделены латентные факторы, соотносящиеся с основными экзистенциальными данностями: интегрированный личный и профессиональный жизненный опыт, мужество быть, холдинг-забота, безоценочность, открытость миру, эмпатия, доверие себе, партнерская позиция. При этом ведущим фактором, характеризующим образ экзистенциаль-

ного психотерапевта, является его способность к глубинной интеграции и внутренней переработке личного и профессионального жизненного опыта, оцениваемого как необходимый и достаточный ресурс для поддержки, принятия, осознанного совместного бытия с клиентом. Кроме того, при анализе были обнаружены различия между реальной и идеальной составляющей образа «Я» экзистенциального психотерапевта в части способности к эмпатии, доверию самому себе, умению создать и поддерживать равноправные партнерские отношения, предположительно связанные со стремлением экзистенциальных терапевтов обследованной выборки к более тонкому эмоциональному пониманию, персональному отклику в соответствии с душевным и духовным бытием клиента.

Оценка взаимосвязи полученной факторной структуры «Я-реальное» с

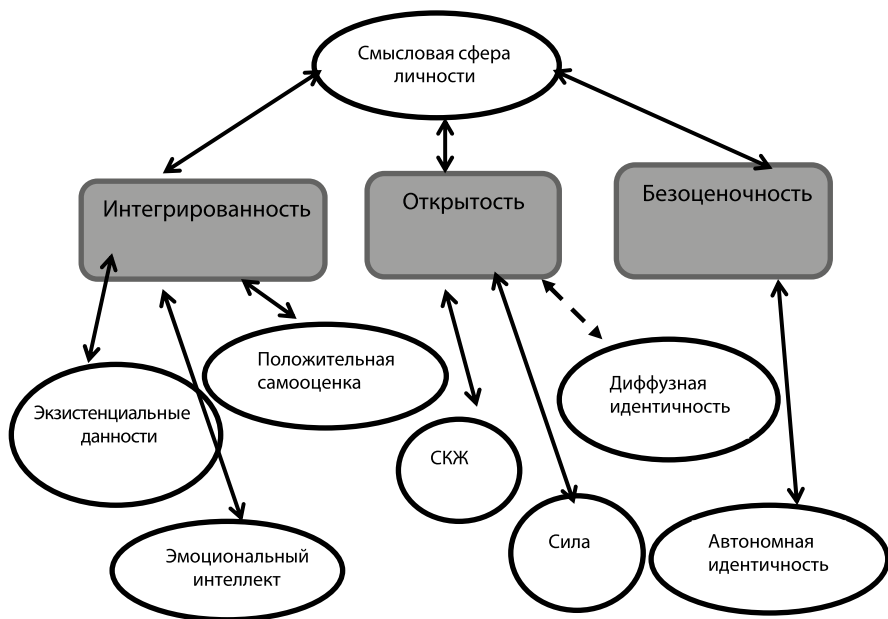


Рис. 2. Взаимосвязь «Я-реального» со смысловой сферой личности (сплошной линией обозначены положительные взаимосвязи, пунктирной — отрицательные)

личностными характеристиками выявила корреляционную структуру, представленную на рисунке 1.

Таким образом, из представленной корреляционной плеяды видно, что максимальную связь со смысловой сферой личности имеют три латентных фактора, характеризующих «Я — реальный образ» экзистенциального психотерапевта: открытость миру, интегрированность и безоценочность.

Результаты корреляционного анализа связи образа «Я — реальный экзистенциальный терапевт» с личностными характеристиками экзистенциальных терапевтов представлены на рисунке 2.

Ведущую роль в формировании «Я-реального» как составляющей образа экзистенциального психотерапевта

играет смысловая сфера личности: интегрированность, безоценочность и открытость терапевта соотносятся с общей осмысленностью его жизни, наличием в ней целей и смыслов, удовлетворенностью прожитым, осознанием собственных возможностей самостоятельно строить жизнь, принимать решения и воплощать их.

Важными факторами формирования способности экзистенциального психотерапевта к интеграции личного и профессионального жизненного опыта являются его положительная самооценка, высокий уровень эмоционального интеллекта в части управления своими и чужими эмоциями, а также конгруэнтность с такими экзистенциальными данностями, как самотрансценденция, свобода,

ответственность, Person, экзистенция [6, 7].

Открытость миру экзистенциальных психотерапевтов соотносится с высоким уровнем удовлетворенности качеством собственной жизни, а также осознанной силой личности, позволяющей избежать волевых усилий по переструктурированию реальности клиента с целью сделать его жизнь более аутентичной и, таким образом, более реализованной.

Эго-идентичность экзистенциального терапевта также может быть расценена как фактор формирования его «Я-реального», при этом анти-ресурсом конгруэнтности терапевта, его способности принадлежать терапевтическому процессу и быть в нем является диффузная эго-идентичность; и напротив, достижение терапевтом стабильной идентичности, подразумевающей веру в собственные ресурсы, гармоничное взаимодействие с собой и осознание различных частей собственной идентичности является ресурсом безоценочности терапевтического альянса.

Итак, выявлены следующие ключевые, важные качества экзистенциального терапевта, необходимые для его успешной работы: открытость, осознанность, саморефлексия, уверенность в себе, эмоциональная зрелость и устойчивость, ответственность, эмпатия, коммуникативная компетентность, чуткость, уважительность, объективность, способность к децентрации (дистанцированию), гибкость, харизматичность, способность к глубоким отношениям (способность быть затронутым), мудрость (искусенность жизненным опытом, способность на основании жизненного опыта, знания себя и своих

возможностей адекватно взаимодействовать с миром), высокий интеллект, чувство юмора, свобода от серьезных характерологических расстройств (проработанный). В структуре представлений об образе экзистенциального психотерапевта выделены латентные факторы, соотносящиеся с основными экзистенциальными данностями: интегрированный личный и профессиональный жизненный опыт, мужество быть, холдинг-забота, безоценочность, открытость миру, эмпатия, доверие себе, партнерская позиция.

Ведущим фактором, характеризующим образ экзистенциального психотерапевта, является его способность к глубокой интеграции и внутренней переработке личного и профессионального жизненного опыта, оцениваемого как необходимый и достаточный ресурс для поддержки, принятия, осознанного совместного бытия с клиентом.

Субъективное качество жизни связано с открытостью, смысловой сферой личности, удовлетворенностью жизнью — ведущим фактором для данной группы людей. Наибольшую взаимосвязь с фактором глубокой интеграции имеют когнитивный компонент субъективного качества жизни и социальное благополучие. Можно говорить о взаимном влиянии СКЖ и его компонент на фактор глубокой интеграции и фактор открытости миру.

Литература

1. Бинсвангер Л. Бытие в мире. М., 1999.
2. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М., 1999. С. 20–24.
3. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. 2009. № 1.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.

5. *Леонтьев Д.А.* Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). М., 2000.
6. *Лэнгле А.* Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности : сб. ст. М.: Генезис, 2008.
7. *Лэнгле А.* Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М.: Генезис, 2009.
8. *Люсин Д.В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. С. 264–278.
9. *Мэй Р.* Вклад экзистенциальной психотерапии // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М., 2001. С. 141–201.
10. *Роджерс К.Р.* Две расходящиеся тенденции // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М., 2000. С. 68–75.
11. *Савченко Т.Н., Головина Г.М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006. 170 с.
12. *Савченко Т.Н., Головина Г.М., Веселков А.Ф.* Исследование профессионально важных качеств и субъективного качества жизни с помощью системы «ГДС ЮНИПРО» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 141–153.
13. *Солдатова Е.Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография. Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. ун-та, 2007. 267 с.
14. *Тиллих П.* Мужество быть. М.: Модерн, 2011.
15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник. М.: Прогресс, 1990.
16. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: РИМИС, 2008.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

А. В. Датий

Впервые в Российской Федерации нами был подготовлен **учебник «Организация деятельности медицинской службы в уголовно-исполнительной системе»**. В октябре 2014 г. подготовлена общая часть (1–7-я главы) и в феврале 2015 г. — особенная часть (8–16-я главы). Учебник написан на основе многолетнего (1987–2015 гг.) опыта работы автора в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД СССР, МВД России и ФСИН России. Многие положения учебника были отражены автором в 443 печатных работах, опубликованных в 1988–2015 гг. [9, 10].

В первой главе «*Правовые основы деятельности медицинской службы*» отражены положения законодательных и нормативно-правовых документов по регулированию медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе [3, 4, 8].

Во второй главе «*Организационно-штатные основы деятельности медицинской службы*» освещены цели, задачи и структура медицинской службы уголовно-исполнительной системы.

В третьей главе «*Организация медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах*» показаны особенности деятельности медицинской части как структурного подразделения следственного изолятора и тюрьмы.

В четвертой главе «*Организация медико-санитарного обеспечения лиц,*

содержащихся в исправительных учреждениях» приведены особенности деятельности медицинской части как структурного подразделения исправительного учреждения.

В пятой главе «*Организация медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в лечебно-профилактических учреждениях*» рассмотрены особенности деятельности лечебно-профилактических учреждений и больниц.

В шестой главе «*Организация санитарно-противоэпидемического обеспечения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях*» показаны цели и задачи медицинской службы по организации и проведению санитарно-противоэпидемического обеспечения в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В седьмой главе «*Организация медицинского снабжения и статистической отчетности в исправительных учреждениях*» отражены вопросы медицинского снабжения и организации статистической отчетности в исправительных учреждениях.

В восьмой главе «*Особенности организации противотуберкулезной помощи*» содержится перечень основных мероприятий по выявлению больных туберкулезом в учреждениях УИС, указаны особенности условий содержания, трудоустройства и питания больных туберкулезом в учреждениях УИС.

В девятой главе «*Особенности организации психиатрической помощи*»

приведены основные мероприятия по выявлению психически больных лиц в учреждениях УИС, система этапного оказания психиатрической помощи в СИЗО, ИК, ВК, больницах ИУ общего профиля, психиатрических больницах.

В десятой главе «*Особенности организации наркологической помощи*» показаны основные мероприятия по выявлению больных наркоманией лиц в учреждениях УИС, преемственность в организации наркологической помощи с другими наркологическими учреждениями [2].

В одиннадцатой главе «*Особенности организации медико-санитарной помощи ВИЧ-инфицированным*» рассмотрены основные мероприятия по выявлению ВИЧ-инфицированных лиц в учреждениях УИС.

В двенадцатой главе «*Особенности организации медико-санитарной помощи осужденным женщинам*» приведены особенности организации медико-санитарной помощи женщинам и детям в домах ребенка [7].

В тринадцатой главе «*Особенности организации медико-санитарной помощи несовершеннолетним осужденным*» показаны особенности организации медико-санитарной помощи несовершеннолетним осужденным.

В четырнадцатой главе «*Психологические особенности личности больных*» приводятся особенности личности больных, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях [1, 11].

В пятнадцатой главе «*Симулятивные проявления у осужденных и подследственных*» названы виды и формы симулятивных проявлений, аггравации и диссимуляции [5].

В шестнадцатой главе «*Особенности организации медико-санитарного обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы*» показаны особенности организации медико-санитарной помощи сотрудникам и вольнонаемным работникам учреждений и организаций уголовно-исполнительной системы [6].

Литература

1. Алексанин С.С., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю. Подготовка отечественных научных журналов и статей для международных баз данных // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 3. С. 87–94.
2. Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 118–121.
3. Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш. Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 79–80.
4. Датий А.В. Правовое регулирование медико-санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы // NovalInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30. С. 282–295.
5. Датий А.В., Воронин Р.М. Некоторые особенности характеристик женщин-инвалидов, содержащихся в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 61–63.
6. Датий А.В., Воронин Р.М. Проблемы организации медицинского обеспечения осужденных и сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 155–156.
7. Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 43–45.
8. Датий А.В., Кожевникова Е.Н. Актуальные проблемы прикладной юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 165–166.
9. Датий А.В., Павленко А.А. К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 58–61.
10. Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных

осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.

11. Зотова А.В., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю. Взаимосвязи структурно-количественных показате-

телей диссертационных исследований по специальности 19.00.04 – «Медицинская психология» с индикаторами научного потенциала и инновационной активности в Российской Федерации // Вестник психотерапии. 2013. № 46 (51). С. 122–140.

9-Й НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Р. М. Воронин, Т. Н. Савченко

22 января 2015 г. в Институте психологии РАН состоялся 9-й научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» организованный Институтом психологии РАН, Академией ФСИН России, Высшей школой психологии, редакцией журнала «Прикладная юридическая психология». В этот раз семинар был посвящен животрепещущей теме, привлекающей сегодня особое внимание: «Психология межэтнических конфликтов и миграционная преступность». Вполне ожидаемо, что данная тема вызвала живой интерес у широких слоев научной общест-венности. В семинаре приняли участие ведущие ученые России: психологи, юристы, представители силовых ведомств. Большая делегация прибыла из Академии ФСИН России, г. Рязань.

К собравшимся с приветственным словом обратился директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАН доктор психологических наук, профессор Анатолий Лактионович Журавлев. В своем обращении он остановился на огромной значимости темы семинара. Сегодня, как никогда, проблема межнациональных конфликтов весьма

актуальна во всем мире. Россия не является исключением, с одной стороны — по причине многонационального состава нашей страны, с другой — из-за интенсивности миграции населения, связанной с лабильностью экономической и политической ситуации в различных регионах страны и мира. Кроме важного прикладного значения исследования данной проблемы, работы в области этнической психологии представляют значительный интерес с точки зрения фундаментальной науки.

После приветственного слова были заслушаны заявленные доклады, вызвавшие огромный интерес у всех присутствующих, большое количество вопросов и оживленные дискуссии.

В докладе С.К. Бондыревой (доктор психологических наук, профессор, академик РАО, ректор МПСУ) «Мы разучились выращивать...» рассматривалась проблема межэтнических отношений с точки зрения психолого-педагогических подходов к воспитанию молодежи. Проблемы в области межнациональных отношений закладываются еще в раннем возрасте при воспитании ребенка. Отсутствие ясных нравствен-

ных ориентиров, взаимопонимания при межнациональном общении — это недо-работка родителей, педагогов. В сегодняшних национальных конфликтах ярко проявляются недостатки имеющейся системы образования и воспитания, когда недостаточно внимания уделяется работе с молодежью в вопросах как формирования общей культуры, так и межэтнических отношений.

Доклад Н.А. Полянина (кандидат психологических наук, доцент, Академия ФСИН России), Д.В. Сочивко (доктор психологических наук, профессор, Академия ФСИН России) «Миграционная преступность, взгляд из мест лишения свободы» был посвящен сравнительному анализу психологических характеристик представителей различных этнических групп, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Учитывая возросшие миграционные потоки, можно отметить, что в местах лишения свободы оказываются люди разных этнических групп, причем часто даже не коренных, не типичных для России национальностей. Изучение вопросов, связанных с работой с данной категорией осужденных, особенностями психологического воздействия на них с целью исправления и последующей профилактики преступлений явилось целью настоящего исследования.

А.В. Сухарев (доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИПРАН) выступил с докладом «Этнофункциональные предикторы возникновения криминального и суицидального поведения личности», в котором представил результаты исследований, касающихся фундаментальных проблем этнической психологии. Так, были детально изучены основ-

ные факторы, определяющие идентификацию индивидуума с точки зрения его этнического самосознания. Огромное значение в формировании этнической самоидентификации имеет природа места рождения, фольклор, причем влияние данных факторов особенно значимо до определенного возраста. Следовательно, этническая самоидентификация индивидуума в определенной мере может обуславливать поведенческие реакции, в том числе криминальные, что необходимо учитывать при решении проблем в области межнациональных отношений.

Р.М. Воронин (доктор медицинских наук, доцент, Академия ФСИН России), А.В. Датий (доктор медицинских наук, Академия ФСИН России) представили доклад на тему «Свой-чужой» в межэтнических отношениях». Взаимоотношения «свой-чужой» тесно связаны с понятием «идентификация», то есть с процессом эмоционального и иного самоотождествления индивидуума с другим человеком или группой. Чувство этнической принадлежности выступает частью идентификации любого человека, как и чувство этнической дифференцированности. Таким образом, прикладное исследование феномена «чуждости» и конструирование межэтнических взаимоотношений на основе дилеммы «свой-чужой» как технологии создания культурно-социальной интеграции в многонациональном государстве имеет серьезные перспективы.

Доклад В.И. Серова (кандидат медицинских наук, доцент, Академия ФСИН России) «Генезис психологических потерь у военнослужащих в условиях боевых межэтнических конфликтов» был посвящен исследованию вопросов раз-

вития состояний дезадаптации у военнослужащих. На основе большого фактического материала были детально рассмотрены психологические изменения, возникающие у участников боевых действий как в остром периоде, так и на более поздних стадиях. Предложены новые подходы к диагностике и коррекции состояний дезадаптации у лиц, которые в процессе своей профессиональной деятельности подвергаются воздействию неблагоприятных факторов внешней среды, в том числе у военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

После заслушивания докладов состоялось обсуждение наиболее важных вопросов, касающихся темы межэтнических отношений. Участие в общей дискуссии приняло большинство присутствующих. Было представлено

несколько коротких докладов, не заявленных в программе семинара, но, тем не менее, оказавшихся весьма значимыми и содержательными. Обмен мнениями был очень продуктивен и позволил обозначить основной вектор развития теоретических и прикладных исследований психологических аспектов межэтнических отношений.

Директор Института психологии РАН Анатолий Журавлев подвел итоги проведенного семинара, сделав выводы о его безусловной необходимости как площадки для обсуждения самых насущных вопросов психологии представителями разных научных школ. В своей речи он поблагодарил всех присутствующих за активное участие в семинаре и выразил надежду на широкие перспективы его дальнейшего развития.

«В ТЕМНИЦЕ БЫЛ, И ВЫ ПРИШЛИ КО МНЕ»* (РАННЯЯ ИСТОРИЯ ПАСТЫРСКОГО ТЮРЕМНОГО СЛУЖЕНИЯ В АНГЛИИ)

С. А. Васильева

Реферат статьи: статья посвящена малоизвестным страницам ранней истории пастырского служения в тюрьмах Великобритании в XVI-XVIII столетиях. Материал подготовлен на основе источников, ранее не переведенных на русский язык. Должность тюремного капеллана — священника, совмещающий сан с какой-либо дополнительной должностью — впервые возникла в английской пенитенциарной традиции. Законодательное закрепление статуса тюремных священников-капелланов, введенных в штат сотрудников тюрьмы, произошло в 1823 году в Общем законе о тюрьмах. Данная статья отражает предысторию этого события: автор приходит к выводу, что особенно социальное-политическое и, главное, духовного развития английского общества на рубеже средневековья и нового времени, религиозные искания английского протестантизма обусловили прямую зависимость пенитенциарных реформ от религиозного фактора.

В статье прослеживается анализ причин, которые побудили представителей различных течений англиканства — квакеров, методистов, «нонконформистов» — организовывать пасторское тюремное служение. Успех в становлении института пенитенциарного капеллана в Великобритании связан с прогрессивными для начала XIX века нововведениями — придание пасторско-

му тюремному служению статуса государственной службы и признание права заключенных на свободу совести в условиях многоконфессионального государства.

Ключевые слова: тюремный капеллан, англиканская церковь, Великобритания, Тюремные статуты 1779, 1823 гг., методисты, квакеры, церковное тюремное служение.

Как известно, должность тюремного капеллана впервые была введена в Англии в 1779 году. Впервые в Тюремном статуте, принятом Парламентом, появилась должность тюремного капеллана — представителя англиканского духовенства, который наряду с врачом входил в штат пенитенциарного учреждения. Это событие напрямую связывают с выходом в свет книги известного тюремного реформатора и филантропа Джона Говарда «Состояние тюрем», которая вызвала широкий общественный резонанс и вынудила парламент принять акт, положивший начало многочисленным преобразованиям в тюремной сфере. Дж. Говард, посещая тюрьмы Англии и континента, уделял особое внимание вопросу о наличии в местах заключения часовни и духовника. В девяти случаях из десяти таких не наблюдалось, но даже там, где ему удавалось найти тюремного священника, он оставил весьма не лестные описания: «таковой священник был

* Нагорная проповедь Иисуса Христа (Мф, 25:34–36).

готов разве что расписать бутылку джина или перетасовать колоду карт со своей паствой, а по воскресеньям пробормотать проповедь в комнате отдыха. Да и что он мог тогда поделать, даже если бы был прилежен в своем служении? Пьянство и необузданный разврат, царивший в тюрьме, сломали бы дух самого рьяного священника» [3, 214]. Таким образом, Дж. Говард настаивал на том, что пастырское тюремное служение будет эффективным и действенным только тогда, когда последует за масштабной реформой системы наказания. Не случайно должность тюремного капеллана впервые была введена именно в Великобритании, где реформаторское движение за изменение пенитенциарной системы на основе гуманизма и верховенства закона было тесно связано с религиозными исканиями английского протестантизма.

На рубеже средневековья и нового времени английские тюрьмы «оставались национальным позором» [9, 374]. Известный деятель английской Реформации епископ Вустерский Хью Латимер (1485–1555), будучи придворным проповедником Эдуарда VI, обратил внимание короля на «бесконтрольное язычество в тюрьмах Лондона»: «Занявшись тюрьмами, Вы бы совершили с точки зрения Христианина благое дело... Можно было бы назначить в Ньюгейт (*крупнейшая тюрьма в Лондоне — авт.*) священника по примеру капеллана во флоте, который бы раз в неделю совершал обряды и читал проповеди» [4, 185]. В царствование Елизаветы I не мене знаменитый деятель англиканской церкви Бернард Гилпин (1517–1583), снискавший славу «Апостола Севера» за его пастырскую де-

ятельность в самых беднейших графствах Англии, регулярно посещал все тюрьмы, которые были в пределах его прихода, и проповедовал их обитателям.

В XVI — XVII столетиях Англия прославилась как остров «сотни религий», когда, по выражению крупнейшего исследователя социальной истории Англии Дж.М. Тревельяна, «религиозный котел кипел очень бурно» [9, 290]. В борьбе против римско-католической церкви, а впоследствии друг с другом, английские протестанты действовали очень энергично, добиваясь ниспровержения и перестройки изнутри церковного порядка: они устраивали запрещенные властями молитвенные собрания, наводняли парламент петициями, привлекая тысячи новообращенных. Периодически, в зависимости от политики государственной власти, определенная группа протестантов, как например «браунисты» или квакеры, признавались сектантами и подвергались преследованиям, в том числе тюремному заключению. И тогда проповедование внутри тюремных стен помогало им привлекать еще больше новообращенных, восхищенных терпением и короткостью, которую они проявляли во время наказания. Печально знаменитый в этом отношении Акт о единообразии 1662 года*, ставший для английских пуритан «Черным Варфоломеем», при-

* Акт о единообразии общественных молитв, совершения таинств, других обрядов и церемоний, а также об установлении формы посвящения епископов, священников и диаконов в Англиканской церкви — название законов, принятых английским парламентом, установивших единую для Церкви Англии Книгу общих молитв и ставших основным инструментом для введения установленной Англиканской церкви.

вел к появлению так называемых «нонконформистов» — священнослужителей, не подчинившихся акту, которые были изгнаны со своих кафедр. Многие диссентеры (от лат. *dissentio* — не соглашаюсь) попадали в тюрьмы за неофициальные богослужения, после чего со страстным рвением они проповедовали заключенным. В этом отношении особой ревностностью и успехом отличился нонконформистский пастор, автор многих прокламационных произведений английского пуританизма Джозеф Аллейн, который дважды подвергся тюремному заключению за нарушение Акта 1662 года. В своих проповедях он призывал заключенных принять Христа полностью на любых условиях, обращая внимание не только на его блага, но и на его бремя. В своем «Призыве к необращенным» он представляет Христа как единственного Искупителя способного, а главное желающего спасти потерянных грешников [7]. Его проповеди имели огромный успех, а его литературно-публицистическое наследие после смерти разошлось огромным тиражом.

Следующим этапом в складывании идеи пастырского тюремного служения стала деятельность «Святого клуба», который основали в Оксфорде братья Уэсли в 1720-х годах. Члены клуба, впоследствии именуемые «методистами», занимались религиозной и благотворительной деятельностью, посещали больных и заключенных. Методисты всерьез увлекались социальными проектами — призывали к отмене рабства, диспансеризации населения и тюремной реформе. Основатели клуба Джон и Чарльз Уэсли, а также идеолог методизма Джордж Уайтфилд ввели практи-

ку посещения заключенных в тюрьмах и при полицейских участках. Методисты организовывали коллективные богослужения в местах заключения, проповедовали арестантам, раздавали милостыню. Ярким примером христианской любви и милосердия, самоотверженности в избранном деле стала деятельность методистки Сары Петерс в Ньюгейте. Ее имя незаслуженно забыто, а духовный подвиг затенен славой знаменитой леди-посетительницы Элизабет Фрай, которую часто называют первой женщиной, организовавшей духовные проповеди в тюремных стенах. Сара Петерс посвятила себя работе с осужденными к смертной казни, в течение трех недель, которые предшествовали исполнению приговора, она утешала арестантов, толковала Священное Писание, молилась вместе с ними. Свою проповедческую деятельность она продолжила в тюремном лазарете, в результате чего сама заразилась сыпным тифом и умерла в 1748 году. Ее пример вдохновил еще одного методиста Сайласа Толда, который сопровождал Сару во время визитов в Ньюгейт. В течение двадцати пяти лет после ее смерти он посвятил свою жизнь посещению заключенных с целью бесед и проповедей. В своих мемуарах он отмечал, что гораздо чаще ему приходилось выдерживать бои с враждебными тюремщиками, которые противились его служению в Ньюгейте, чем с внутренними демонами, буруевающими души несчастных узников [1, 94].

Не смотря на то, что протестантов-методистов можно назвать пионерами в организации церковного тюремного служения, по выражению консервативного журнала «Квоутерли ревью», посе-

щение арестантов «не являлось значимой частью их религиозной платформы» [5, 114]. Социальная активность членов «Святого клуба» была крайне непоследовательна: теологические споры внутри самого движения, переезд части методистов за океан, не привели к закреплению практики духовного окормления заключенных и возникновению пастырского служения методистов в тюрьмах на постоянной основе. Джон Уэсли вынужден был признать: «Мы перестали посещать Ньюгейт из-за страха сделаться злодеями, и Бедлам (*психиатрическая больница в Лондоне — авт.*) — из-за страха сойти с ума» [4, 185]. Во второй половине XVII века миссионерская деятельность методистов в тюрьмах постепенно сходит на нет.

Христианское движение, которое закрепило за собой признание лидирующих позиций в организации пастырского тюремного служения в Великобритании — «Религиозное общество друзей», члены которого больше известны как квакеры. Филантропическая деятельность квакерских общин в британских тюрьмах, выразившаяся в борьбе за изменение условий содержания арестантов, улучшение продовольственного снабжения, организацию учебных занятий и лекций-проповедей на религиозные темы, совпала с организацией ими общественной борьбы за отмену смертной казни. С точки зрения религиозной доктрины квакеров смертная казнь рассматривалась как «санкционированный государством акт убийства», что, по их мнению, являлось духовно, морально и юридически недопустимым. В обращении к парламенту в 1659 году основоположник квакерства

Джордж Фокс декларировал: «Ни один человек не должен предаваться смерти за покушение на движимое имущество, деньги или любой другой проступок». Вера Моисея и Святых апостолов, указывает Фокс, не допускает повешения, а в Писании сказано: «Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Послание к Ефесянам 4:28) [2]. Наказание, считал Дж. Фокс, должно быть соразмерно преступлению, и главной его целью является восстановление справедливости, а значит жизнь преступнику необходимо обязательно сохранить, для того чтобы он мог исправить причиненный им вред. По убеждениям квакеров, главной целью уголовного наказания должно стать не возмещение вреда, нанесенного обществу, а перевоспитание преступника посредством духовного исцеления и религиозного образования. А значит, сохраняя преступнику жизнь и создав ему в тюрьме условия «наедине с Богом и Библией» тюремный пастор способствует возвращению в общество достойного человека. Так в течение XVII–XVIII столетий была подготовлена идеологическая платформа для возникновения первого в истории института тюремных капелланов.

Как уже отмечалось выше, должность тюремного капеллана с предполагаемым содержанием «не выше пятидесяти фунтов в год» в штате пенитенциарного учреждения впервые появляется в Тюремном статуте 1779 года. Однако, в этом первом своде тюремных правил должность пастора предусматривалась лишь для некоторых тюрем, и не являлась обязательной для всех учреждений. Закрепление ста-

туса тюремного капеллана как обязательной штатной должности впервые встречается в Общем Законе о тюрьмах 1823 года, который ввел в действие Статутный кодекс тюремных правил и детализировал все стороны внутреннего управления. Глава XII тюремного закона посвящена регламентации основ пастырского тюремного служения. Отныне должность капеллана являлась необходимым условием открытия и существования тюрьмы, если в пределах округа пенитенциарные учреждения были сравнительно малочисленными, капеллан мог совмещать окормление сразу двух приходов. Статут 1823 г. устанавливал содержание тюремных священников в зависимости от количества арестантов в его приходе: при численности заключенных до 50 человек — не более 150 фунтов в год, от 50 до 100 человек — до 200 фунтов, свыше 100 — не более 250 фунтов. Тюремному капеллану, отошедшему от дел по старости или болезни, полагалось выходное пособие в размере не менее двух третей от ежегодного содержания [6, 1042–1044].

На тюремное служение требовалось специальное разрешение от епископа англиканской церкви того округа, в котором располагалась тюрьма. Такое разрешение не было бессрочным и по истечении срока могло быть передано другому лицу. Тюремным капелланам вменялось в обязанности проводить религиозную службу два раза в день, заниматься религиозным воспитанием и образованием, обеспечивать заключенных Священным Писанием, посещать больных и хоронить умерших. Кроме того, духовник наблюдал за характером заключенного, представ-

ляя свои соображения директору тюрьмы для корректировки режима осужденного. Не смотря на то, что по закону 1823 года тюремным пастором мог быть только представитель англиканской церкви, в статуте уже затрагивается положение и права представителей иного вероисповедания: по разрешению властей таких лиц мог посещать свой духовник, с обязательной фиксацией целей и результатов визита в специальном журнале.

Таким образом, уже в первой половине XIX столетия в Великобритании в общих чертах сложилась система церковного тюремного служения. Два важнейших момента — придание пасторскому служению статуса государственной службы и становление института капеллата в условиях многоконфессиональности государства — позволили пенитенциарной системе Великобритании оказаться в бесспорных передовиках в этом вопросе и на десятилетия превратиться в учителей и наставников для многих европейских государств.

Литература

1. An account of the life, and dealings of God with Silas Told. Written by himself /Pr. by W. Cowdroy. London, 1805. 143 p.

2. Fox G. To the Parliament of the Commonwealth of England. Fifty nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. URL: <http://universalistfriends.org/quf2002.html> (дата обращения: 01.03.2015).

3. Memoirs of the public and private life of John Howard, the philanthropist — Compiled from His Own Diary in the Possession of His Family/ By James Baldwin Brown. 2nd ed. London, 1823. 658 p.

4. Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867. 547 p.

5. *Rickman J., with Robert Southey.* On the Means of Improving People // *The Quarterly Review* (London). Vol. XIX. April-December, 1819. P. 79-118.

6. *The Justice of the Peace and Parish Officer.* Vol. 2. London, 1831. 1125 p.

7. *Бике Дж.* Пуританское благовестие. URL: http://heritagereformed.com/content/article_puritan_evangelism_1.html (дата обращения: 01.03.2015).

8. *Махиборода Н.И.* Самосовершенствование общения в процессе проведения религиозно-воспитательных мероприятий // *Прикладная юридическая психология.* 2014, № 3. С. 165–169.

9. *Тревельян Дж.М.* Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. — 624 с.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТАВА ОСУЖДЕННЫХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УИС

Б. Г. Бовин, М. М. Москвитина

Аннотация: в статье рассматривается изменение законодательства, происходящее в результате гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства, которое приводит к сокращению численности «тюремного населения» и одновременно к сосредоточению в местах лишения свободы наиболее опасных преступников.

Автор отмечает, что в настоящее время наметилась выраженная тенденция к снижению численности осужденных, приближающаяся к минимальному значению (564 тыс.), зафиксированному в 2014 г., связанная, на наш взгляд, в основном с гуманизацией отношения к осужденным со стороны государства и изменением уголовно-правового законодательства. Возможно, что смягчение уголовно-исполнительной политики приведет к концентрации в местах лишения свободы тех лиц, которые в качестве своей профессиональной деятельности выбрали криминальную и не желают изменять свой профессиональный выбор.

В статье предпринята попытка оценить тенденцию превращения исправительных учреждений УИС в места лишения свободы для наиболее опасных преступников.

Ключевые слова: динамика численности осужденных, исправительные учреждения, динамика рецидивной преступности, динамика сроков лишения свободы, осужденные к пожизненному лишению свободы.

Гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики государства и осуществленные в соответствии с этой стратегией изменения законодательства приводят, с одной стороны, к сокращению численности «тюремного населения», а с другой стороны — к ухудшению криминогенного состава осужденных и сосредоточению в местах лишения свободы наиболее опасных преступников.

В последнее десятилетие ежегодно изменялась численность осужденных, связанная с влиянием малоизученных многочисленных факторов, имеющих, как правило, противоречивый характер, который определяется правовыми, экономическими, социальными, демографическими, этническими и психологическими характеристиками российского общества, переживающего сложный период своего развития. В настоящее время наметилась выраженная тенденция к снижению численности осужденных, приближающаяся к минимальному значению (564 тыс.), зафиксированному в 2014 г., связанная, на наш взгляд, в основном с гуманизацией отношения к осужденным со стороны государства и изменением уголовно-правового законодательства. Возможно, что смягчение уголовно-исполнительной политики приведет к концентрации в местах лишения свободы тех лиц, которые в качестве своей профессиональной деятельности выбрали криминальную и не желают изменять свой професси-

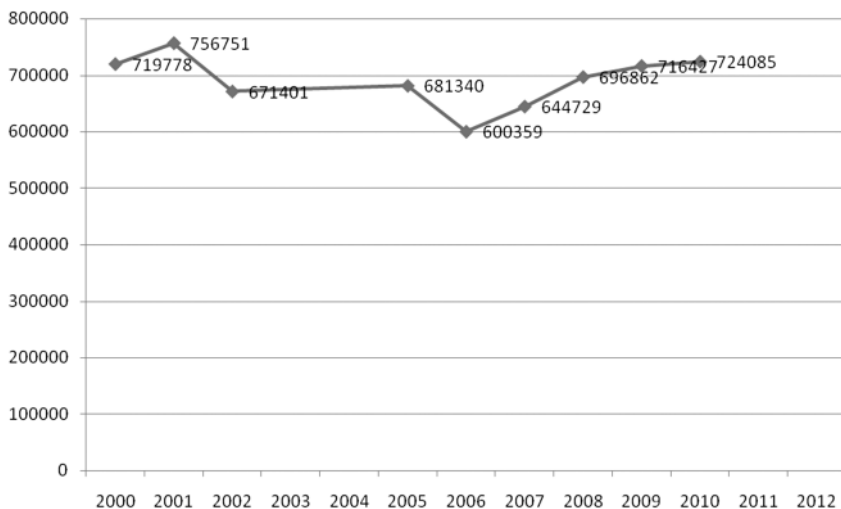


Рис. 1. Динамика списочной численности осужденных ИУ за 2000–2010 гг.

ональный выбор. Эта тенденция превращения исправительных учреждений в места лишения свободы для не-исправимых стихийно уже наметилась: сокращается численность «тюремного населения»; увеличивается количество осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления; растет численность осужденных за умышленные убийства и причинение тяжкого вреда здоровью, которая значительно опередила число всех остальных осужденных, находящихся в ИУ; рецидивная преступность осужденных (начиная со второй) перешагнула в последние годы рубеж в 60%.

В статье предпринята попытка оценить тенденцию превращения исправительных учреждений УИС в места лишения свободы для наиболее опасных преступников.

На рисунке 1 представлена динамика численности осужденных в ИУ на начало отчетного периода с 2000 по 2010 год (форма 8-ИУ) [4]. Если рассмо-

треть динамику списочной численности осужденных ИУ за период с 2000 по 2010 год, то на фоне явной изменчивости количества осужденных можно отметить максимальную (756 751 чел. — 2001 г.) и минимальную (600 359 чел. — 2006 г.) численность осужденных, находящихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. В этих пределах и колебалась численность осужденных в последнее десятилетие, начиная с 2000 г. В 2011 г. количество осужденных стало снижаться и достигло, по предварительным оценкам, самого низкого уровня с 2000 г. — 564 тыс., уменьшившись на 25%.

Осужденные в ИУ представляют собой постоянно изменяющийся контингент лиц, поскольку ежегодно освобождаются и выбывают по различным причинам свыше 40% от общей численности осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, и на смену им поступает новый контингент лиц, осужденных к наказанию в виде

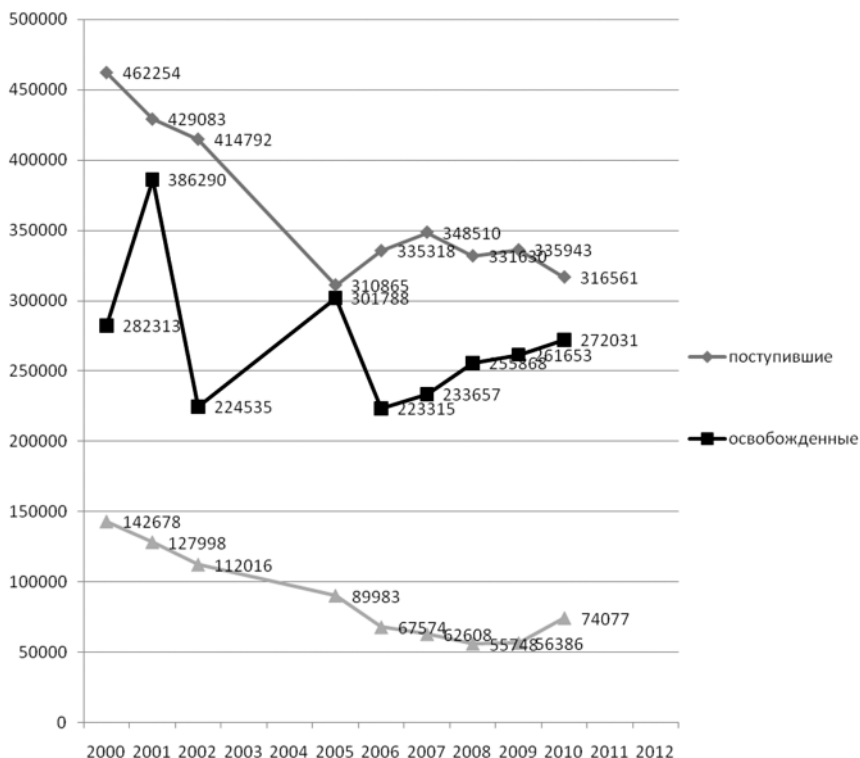


Рис. 2. Динамика численности поступивших и выбывших осужденных из ИУ за отчетный период

лишения свободы. Можно сказать, что это своеобразная текучесть спецконтингента, которая в настоящее время составляет 48% (включая выбывших в колонии-поселения и др.), в 2000г. этот показатель был почти 60%. Такое снижение может свидетельствовать об ухудшении криминогенности поступающих лиц, среди которых становится больше осужденных с длительными сроками лишения свободы (рис. 2). Можно сказать, что ежегодно в исправительных учреждениях почти наполовину меняется состав контингента, и на смену освобожденным поступают осужденные с более тяжелой крими-

нальной характеристикой.

Кроме того, отмечается резкое снижение общей численности осужденных, выбывших в колонии-поселения (таких больше всего), умерших и выбывших по другим причинам с 142 678 чел. (20% от общего числа осужденных в ИУ) в 2000г. до 74 077 чел. (10%) в 2010г.

Проведенный анализ преступлений, совершенных в ИУ, также подтверждает тезис об ухудшении криминогенности осужденных. На рисунках 3 и 4 представлена динамика совершенных и предотвращенных преступлений в местах лишения свободы за исследуемый период. Общая динамика крими-

совершено преступлений в ИУ

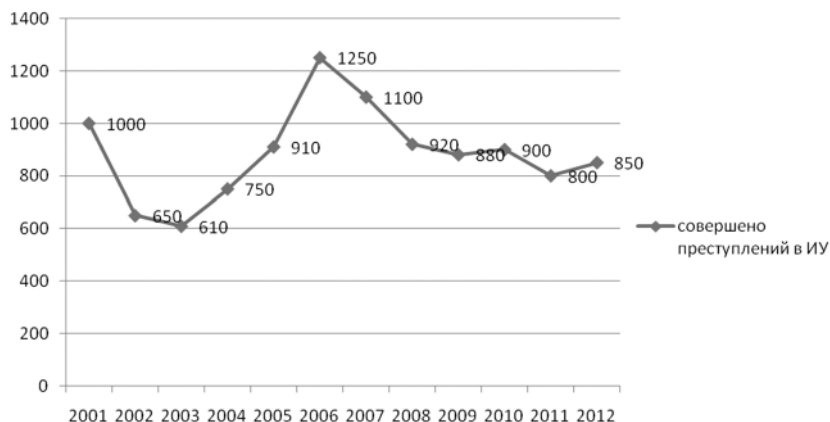


Рис. 3. Количество совершенных преступлений в ИУ

предотвращено преступлений в ИУ



Рис. 4. Количество предотвращенных преступлений в ИУ

нальной деятельности осужденных в исправительных учреждениях за 13 лет представляет собой пикообразные колебания, связанные как с изменением численности осужденных, так и с работой оперативных, режимных и других служб ИУ.

Структуру основных преступлений в местах лишения свободы можно представить в виде следующей убывающей последовательности: приобретение и сбыт наркотических средств — 28%, побеги — 22, действия, дезорганизующие работу ИУ, — 17, умышленное

причинение вреда здоровью — 5, убийства — 4, кражи — 2, прочие преступления — 22% [4].

Количество предотвращенных преступлений в ИУ превышает количество совершенных в среднем в 80 раз. Это свидетельствует о потенциальной опасности значительной части осужденных в местах лишения свободы, которые в процессе исполнения наказания пытаются совершать новые преступления. Имеется определенная связь между количеством предотвращенных и количеством совершенных преступлений, то есть динамика преступлений представляет собой конгруэнтное соотношение, когда спады и подъемы совершенных и предотвращенных преступлений соответствуют друг другу. Соотношение совершенных и предотвращенных преступлений остается практически постоянным в течение исследуемого периода и колеблется в пределах 0.008–0.013. Если рассчитать относительный уровень преступлений в ИУ, то за весь период он испытывает не столь значительные колебания. Уровень преступности, рассчитанный на 1 тысячу осужденных, не имеет выраженной тенденции к серьезным изменениям на протяжении 13 лет и колеблется в пределах 1,0–1,55 преступления на 1000 осужденных, не обнаруживая какой-либо закономерности (1,34 в 2001 г. и 1,34 в 2010 г.). Все это подтверждает мысль о том, что и в местах лишения свободы постоянно продолжается борьба с преступностью, только теперь с пенитенциарной, которая имеет свою специфику.

Рассмотрим структуру преступлений, сроки лишения свободы, рецидивность и некоторые социально-демо-

графические характеристики осужденных, находящихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

На рисунке 5 представлена динамика численности лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, за совершение которых они находятся в местах лишения свободы. Этот контингент составляет около 90% от общей численности «тюремного населения» в ИУ [4].

Количество лиц, лишенных свободы за различные преступления за период с 2000 по 2012 год, демонстрирует достаточно противоречивую динамику [4]. На рисунке 5 представлено количество лиц, осужденных за наиболее тяжкие преступления. 90% от общего количества осужденных, находящихся в ИУ, осуждены за умышленные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, кражи, грабеж, разбой, изнасилование, незаконный оборот наркотиков и только 10% лиц — за прочие преступления. Изменения количественного состава осужденных за умышленные убийства, нанесение тяжкого вреда здоровью, грабеж, разбой за период с 2000 по 2012 год имеют достаточно похожую закономерность: ежегодное увеличение численности этих категорий осужденных (с небольшими взлетами и спадами) примерно до 2008–2009 гг., а затем некоторое снижение количества осужденных за убийства с 122 929 чел. (2008 г.) до 103 670 чел. (2012 г.); за нанесение тяжкого вреда здоровью с 103 810 чел. (2008 г.) до 88 005 чел. (2012 г.).

Необходимо отметить, что в 2010 г. отчетность по убийствам и нанесением тяжкого вреда здоровью была изме-

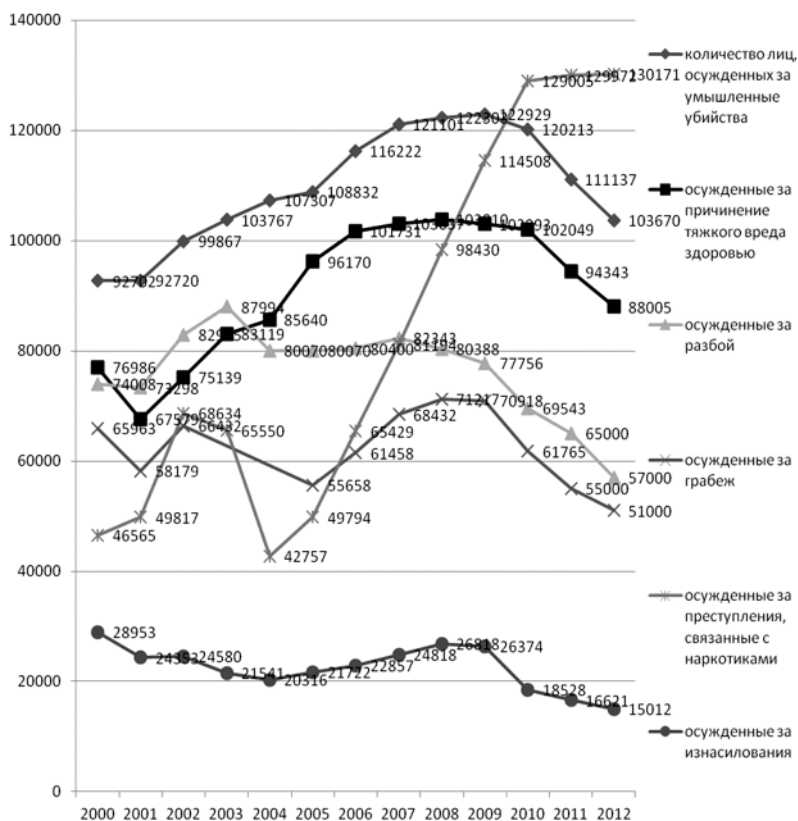


Рис. 5. Динамика количества осужденных, лишенных свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений

нена. В число осужденных за убийства были включены осужденные за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть пострадавшего, поэтому число осужденных за убийство увеличилось с 121 341 чел. (2009 г.) до 174 695 чел. (2010 г.), а число осужденных за нанесение вреда резко снизилось — с 102 993 чел. (2009 г.) до 47 567 чел. (2009 г.). Наши расчеты позволили найти численность осужденных только за убийства и за нанесение вреда здоровью, включая смерть потерпевшего (как это было в отчетности до 2010 г.), что и

отражено на рисунке 5. По другим видам тяжких преступлений (разбой, грабеж, изнасилование) наблюдается та же картина снижения количества осужденных в ИУ начиная с 2009 г. (рис. 5).

Совершенно другая динамика наблюдается для двух других видов преступлений — кража и незаконный оборот наркотиков. Количество осужденных за кражу стремительно сокращалось за исследуемый период. Если в 2000 г. в ИУ их насчитывалось 292 311 чел., то в 2012 г. — 103 513 чел., то есть число осужденных за кражу уменьши-

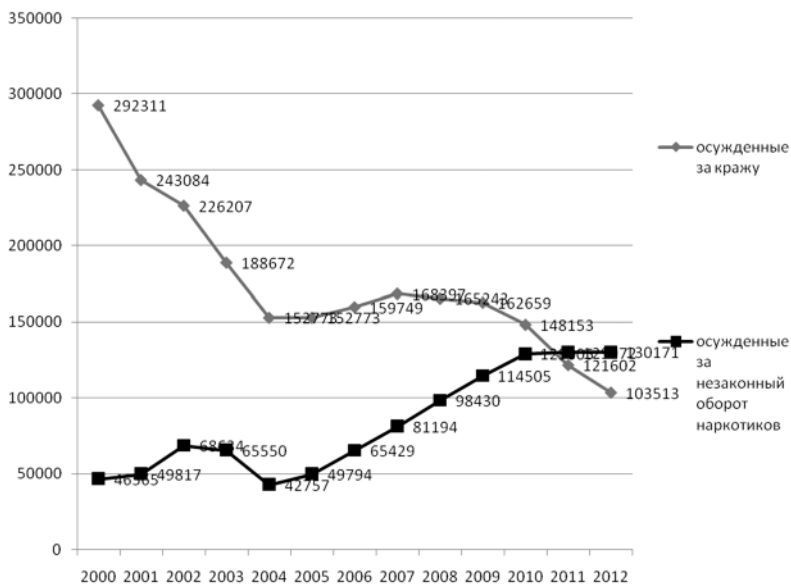


Рис. 6. Динамика количества лиц, осужденных за кражу и за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков

лось в 2,8 раза (рис. 4). Одновременно так же стремительно увеличивалась численность осужденных за незаконный оборот наркотиков — с 46 565 чел. (2000 г.) до 103 171 чел. (2012 г.), то есть в те же 2,8 раза (рис. 6).

Точное совпадение динамики двух противоположно направленных процессов — стремительное падение численности осужденных за кражу и такой же стремительный рост количества осужденных за незаконный оборот наркотиков — позволяет предположить, что изменяется экономическая психология криминального мира в отношении краж: выгоднее «бизнес» с наркотиками, чем совершение краж. Другим фактором является изменение законодательства [4, 5, 7].

Количество лиц, осужденных за такие виды преступлений, как бандитизм, вымогательство, имеют также проти-

воположную направленность, которая не столь ярко выражена. Число осужденных за бандитизм за 13-летний период возросло с 941 чел. (2000 г.) до 1920 чел. (2011 г.), а число лиц, осужденных за вымогательство, уменьшилось с 10 484 чел. (2000 г.) до 4762 чел. (2011 г.). Однако число этих лиц составляет около 1% (0,28% — бандитизм; 0,9% — вымогательство). Динамика численности лиц, осужденных за экономические преступления, практически не изменилась за исследуемый период (с 1976 чел. — 2000 г. и 2277 чел. — 2011 г.).

Ранжирование общей структуры совершенных преступлений показывает, что до последнего времени наибольшее количество лиц, содержащихся в ИУ, были осуждены за кражу, но их число неуклонно сокращалось — от 38,6% (2000 г.) до 18,7% (2011 г.), когда чис-

ленность осужденных за кражу впервые лишилась «лидерства», уступив его осужденным за незаконный оборот наркотиков.

Второе место (ранг) стабильно занимали осужденные за умышленные убийства, относительное число которых возрастало от 12,3% (2000г.) до 17,5% (2010г.) [4].

Третий ранг принадлежал лицам, осужденным за нанесение тяжких телесных повреждений, в том числе повлекших за собой смерть потерпевшего. Относительное количество смертельных исходов составляло 62% от общего числа тяжких телесных повреждений, что позволило внести их в статистическую отчетность начиная с 2010г. в графу умышленных убийств, что значительно изменило статистику умышленных убийств и нанесения тяжких телесных повреждений: стало отмечаться резкое увеличение статистических данных по убийствам и такое же резкое снижение статистики по тяжким телесным повреждениям.

4–5-й ранги, как правило, занимали лица, осужденные за разбойные нападения. Их относительная численность изменялась в небольших пределах (от 10 до 13% от общего количества осужденных ИУ) и в настоящее время составляет 9,7% (2012г.).

Примерно такое же место (5–6-й ранг) занимали в течение 13 лет лица, осужденные за грабежи. Изменения в относительной численности были незначительные (8–10%). В настоящее время (2012г.) они составляют 8,1% от общего числа осужденных в ИУ.

7-й ранг стабильно занимали в течение 12 лет лица, осужденные за изнасилование и насильственные действия

сексуального характера, изменяясь в пределах 3,8–2,5% от общей численности осужденных.

8–9-й ранг относился к лицам, осужденным за хулиганство (снижение от 3,3% в 2000г. до 0,3% — 2012г.) и вымогательство — от 1,4 до 0,6%.

Подобная структура преступлений оставалась стабильной почти на протяжении всего периода. Коэффициент ранговой корреляции между ранговой структурой 2000 и 2008 гг. равен 0,95% на 1% уровня значимости, что свидетельствует о сильной связи между этими структурами, а небольшие колебания в рангах носят случайный характер. Однако сравнение ранговых структур 2000 и 2012 гг. дает коэффициент ранговой корреляции Спирмена, равный 0,72, не дотягивающий до уровня значимости, что может свидетельствовать о различии этих структур. Это различие, как уже упоминалось, связано с двумя противоположными процессами, которые ярко проявились в последние три года (снижение преступлений в виде кражи и одновременное увеличение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков). Эти два преступления и внесли основной вклад в изменение структуры преступлений, за которые лишены свободы осужденные, находящиеся в ИУ. Структура остальных преступлений за 13 лет существенно не изменилась, если пренебречь случайными колебаниями.

В 2012г. наибольшее количество лиц, содержащихся в ИУ, составляли осужденные за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, — 21,9%; за умышленные убийства — 17,5; совершение краж — 17,4; причинение тяжкого вреда здоровью —

14,7; разбойные нападения — 9,7; грабежи — 8,1; изнасилование — 2,5; вымогательство — 0,6; хулиганство — 0,3; за прочие преступления — 7,4%. Общее количество осужденных в ИУ в 2012 г. составило 593 379 человек.

С 2000 по 2009 год структура первичной и повторной преступности представляет достаточное стабильное распределение: впервые осуждены около 50% с незначительными колебаниями в пределах 2–3%; второй раз осуждены 29% ± 2–3%; третий и более — 21% с колебаниями в 1–2%, если не считать начало двухтысячных годов (24–26%). Начиная с 2010 г. резко возрастает количество лиц, осужденных в третий и более раз (с 21 до 34%), и значительно снижается число лиц, осужденных впервые (с 53 до 37% от общего количества осужденных, находящихся в ИУ). Можно предположить, что одним из факторов отчетливо проявившейся в последние годы тенденции, то есть снижения относительного количества впервые осужденных и точно такого же увеличения числа рецидивистов в ИУ, является определенная «перепрофилизация» преступного сообщества, и это увеличение количества рецидивных осужденных в ИУ связано с изменением структуры совершаемых преступлений, в основном за счет увеличения числа лиц, осужденных за незаконный оборот наркотиков, тогда как структура других преступлений осталась почти неизменной.

В возрастном отношении осужденные ИУ представляют собой достаточно стабильное соотношение на протяжении анализируемых 13 лет (2000–2012 гг.). Наиболее многочисленную группу составляют лица в возрасте

25–55 лет (76%), далее идут осужденные в возрасте до 25 лет (21%); около 2% составляют осужденные от 55 до 60 лет и незначительное число старше 60 лет (1%). Несмотря на общее стабильное возрастное соотношение, наблюдается определенная тенденция перераспределения в наиболее многочисленных группах осужденных. Относительное число лиц до 25-летнего возраста в ИУ за 13 лет постепенно снизилось с 32% (2000 г.) до 21% (2012 г.) и возросло число осужденных в возрастной группе 25–55 лет с 65% (2000 г.) до 76% (2012 г.). Это изменение, возможно, связано с тем, что все больше лиц молодежного возраста получают высшее образование, осваивают профессию и специальность и строят свою социальную карьеру в рамках законопослушного поведения. Тем не менее увеличилось относительное число лиц, вставших на криминальный жизненный путь в более позднем возрасте (после 25 лет).

Рассмотрим, на какой же период лишают свободы лиц, совершивших различные преступления.

Ранговая оценка сроков лишения свободы практически не изменилась за 2000–2012 гг., несмотря на значительные изменения законодательства. Первый ранг по срокам лишения свободы занимают лица, осужденные на 5–10 лет, относительное число которых в 2012 г. равнялось 37,7%, то есть это лица, совершившие тяжкие преступления. Второй ранг: на 3–5 лет осуждены 23,2% общего числа осужденных; третье место занимают лица, осужденные на 1–3 года, — 19,9%; 4-й ранг — 10–15 лет, количество осужденных с таким сроком лишения свободы — 11,2%;

5-й ранг — свыше 15 лет — 5,3%. Следует заметить, что численность осужденных на срок выше 15 лет неуклонно растет на протяжении 13 лет — от 0,83% в 2000 г. до 5,3% в 2012 г. Общее число осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления (от 5 лет и до пожизненного лишения свободы), составляет 54,2%, значительное число которых являются рецидивистами.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н.* Личность корыстного преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 160 с.
2. Социология и психология осужденных в местах лишения свободы : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. О.г. Ковалева. М.: НИИ ФСИН России, 2005. 120 с.
3. *Полянин Н.А., Пинтяшин Е.В., Майоров О.А.* Научный журнал «Пенитенциарий» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 151–152.
4. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.
5. *Щелкушкина Е.А.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology, Ryazan.

Associate editors:

S. K. Bondyreva, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

R. M. Voronin, doctor of medical sciences, Ryazan.

A. L. Zhuravlev, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Datiy, doctor of medical sciences, Ryazan.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor, Ryazan.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Molostvov, PhD in psychology, Lipetsk.

N. N. Nechaev, academician of the Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. N. Pastushenya, doctor of psychological sciences, professor, Republic of Belarus.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

V. M. Pozdnyakov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

N. A. Polyinin, PhD in psychology, Ryazan.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor, St. Petersburg.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

METHODOLOGY AND THEORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

THE PHENOMENON OF SUBJECTIVITY OF A STUDENT AND A CADET OF THE UNIVERSITY: MODERN VIEW ON THE PROBLEM

F. G. Mukhametzyanov, G. I. Aksenova

Abstract: The article presents the phenomenon of subjectivity of a student and cadet of the university. The criteria and indicators of subjectivity of a student and cadet of a high school are considered socio-psychological adaptation and subjective personal position. Subjective personal position of the student (cadet) is defined as including targeted awareness; efficient goal-setting; awareness of themselves as stewards of all the forces of the individual; freedom as a perceived need; choice, unpredictability; uniqueness and originality. The levels of development of a subject position of the student and the student: the object, the object-subject, a subject-object and the actual subjective are described. Each level is represented by relational, motivational and value, regulatory and activity components. There are the lists the conditions for the development of subjectivity student and high school student: an explanation of the importance and significance of the upcoming professional activities, opportunities for personal contribution to the overall result of providing an interest in the proposed work; training methods self-testing and self-diagnostics, objective self-assessment of their own abilities and capabilities; involvement in the process of goal-setting and planning various activities; harnessing own design and simulation activities; providing the opportunity to make independent decisions on matters that affect their interests, needs, motives; orientation of teachers of high school on the interests and needs of pupils, their level of preparedness for the upcoming activities, providing them with opportunities to achieve positive results, success in work; creating a situation of choice and self-determination, social and professional samples; involvement in the analysis of their own and community activities; the use of individual and collective ways to stimulate creativity, activity of students and cadets; training of students (cadets) innovation, adaptation technologies.

Keywords: subject, subjectivity students and cadets of the university, subjective personal position, levels of a subject position of student, the components of a subject position of student, the criteria for subjectivity students and cadets, indicators of subjectivity students and cadets, social and psychological adaptation of the student, the conditions of subjectivity student and university student.

REFERENCES

1. Aksenova G.I. Podgotovka prakticheskikh psihologov dlja penitenciarnyh uchrezhdenij: problemy i puti reshenija [Preparation of practical psychologists for prisons: problems and solutions]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2014, no 4, pp. 10–15.
2. Aksenova G.I. Formirovanie sub'ektnoj pozicii uchitelja v processe professional'noj

podgotovki [the formation of the subjective position of a teacher in the process of professional preparation. Dr. ped. sci. dis] Moscow. 1998. 448 p.

3. Aksenova G.I. Sub'ektno-dejatel'nostnyj podhod k professional'nomu obrazovaniju kursantov [Subject-activity approach to professional education of cadets]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2008, no. 1. pp. 26–33.

4. Aksenova G.I. O neobhodimosti innovacionnyh form i metodov obuchenija v professional'noj podgotovke psihologov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [On the issue of the necessity of innovative forms and methods of training in the professional training of psychologists in criminal-Executive system]. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy — Bulletin of the criminal-Executive system, 2013, no 5(132), pp. 2–4.

5. Derkach A.A. Sub'ektnye fenomeny: akmeologicheskij podhod [Subjective phenomena: acmeological approach]. Moscow, RAGS. 2010. 240 p.

6. Kupcov M.I., Vidov S.V. K voprosu o primenenii matematicheskikh metodov pri provedenii psihologicheskikh issledovanij i analize ih rezul'tatov [To the question of the application of mathematical methods in psychological research and the analysis of their results]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2014, no 3, pp. 131–136.

7. Muhametzjanova F.G. Sub'ektnost' studenta vysshego pedagogicheskogo uchebnogo zavedenija: teorija i praktika [Subjectivity students of higher pedagogical educational institutions: theory and practice. Dr. ped. sci. dis.] Kirov, 2002. 42 p.

8. Muhametzjanova F.G., Miftahov I.I. Fenomen sub#ektnosti studenta v psihologii [the Phenomenon of subjectivity student in psychology]. Kazanskij pedagogicheskij zhurnal — Kazan pedagogical journal, 2013, no 4, pp. 126–130.

9. Muhametzjanova F.G., Bogovarova V.A. Indikatory izuchenija fenomena sub#ektnosti studenta vuza [Indicators of studying the phenomenon of subjectivity of a student]. Kazanskij pedagogicheskij zhurnal — Kazan pedagogical journal, 2012, no 1(91), pp. 82–89.

10. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and consciousness. A man and the world]. SPb, Piter, 2003. 512 p.

TYOLOGY OF PSYCHOLOGICAL FACTORS OF STUDENTS' ATTITUDE TO EXTREMISM (BASED ON PSYCHODIAGNOSTICS AND QUESTIONING RESULTS)

A. V. Bocharov, E. I. Meshcheryakova, A. V. Larionova

Abstract: The purpose of the study is to identify regularities and interrelations of motivation, need and value-related factors that affect the development of extreme behavior patterns among young students, as well as to develop the typology of current extreme behavior patterns. The Survey was based on 5 methods: questionnaire and four psychodiagnostics methods. Findings of the Study: a) the youth community is found to be the most prone to the gap between real social transformations and personal willingness to accept them; b) the multidimensional psychodiagnostics ty-

pology of the factors underlying students' attitude to extremism allows us to develop adequate solutions for resolving conflicts between motivation, communication and cultural-value needs of youth; c) the dual function of personal self-determination is identified: moral and worldview sustainability on the one hand and tolerance on the other hand. The conclusion was made about the prevention of extreme tendencies of youth to resolve the conflict between age-related individualism of youth and their striving for communication in their community.

Keywords: youth, regional factors of extremism, multivariate analysis, typology of extreme behavior patterns.

REFERENCES

1. Bocharov A.V. Mnogomernaja tipologija osuzhdennyh za jekstremizm na osnove faktornogo i klasternogo analiza rezul'tatov psihodiagnostiki [Multidimensional typology of convicted of extremism on the basis of factor and cluster analysis of psychodiagnostic results] // Sibirskij psihologičeskij zhurnal. — Siberian psychological journal. 2015. (in print).

2. Danilova E.N. Rossijskaja proizvodstvennaja kul'tura v parametrah G. Hofsteda [Russian industrial culture in Hofstede's parameters] // Monitoring obshhestvennogo mnenija. — Monitoring journal. — 2003. — № 3 (65). — S. 53–64.

3. Kasperovich Ju.G. Motivacija jekstremizma i faktory ego formirovanija [Motivation factors of extremism and its formation] // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. — Psycho pedagogy in law enforcement agencies. - 2012. — № 2 (49). — S. 81–84.

4. Meshherjakova Je.I. Uchet jevristik marginal'nosti v psihokorrekcionnoj rabote s osuzhdennymi za jekstremizm: antropologičeskij podhod [Accounting of heuristics marginality in psycho-correctional work with convicted for extremism: an anthropological approach] // Sibirskij psihologičeskij zhurnal. — Siberian psychological journal. 2014. — № 52. — S. 104–115.

5. Cattell R.B. The scree test for the number of factors / R.B. Cattell // Multivariate Behavioral Research. — 1966. — V. 1 (2). — P. 245–276.

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF UNDERSTANDING IN THE SCIENTIFIC PROBLEMS OF SELF-ORGANIZATION OF GENERAL CULTURAL COMPETENCE

A. Y. Efremov

Abstract: Psychological characteristics of understanding, which is the main structural element of the cognitive process, the problems of self-organized conditions of General cultural competences are the subject of this article.

Cultural competences, declared by the Federal state standards of the third generation, in the structure of professional higher specialist training are the most important (*crucial*). The formation of cognitively as the main personal characteristics are achieved by total involvement of its major structural components: perception,

interest, understanding, memory, etc.

Self-organized context of general cultural competences established by the standards and directly led to the need for turning the theory and practice of higher education into technology, skills, abilities and skills to understand the nature and significance of information in the development of modern information society; the use of the main methods, ways and means of comprehension, retention and use of information; ability to work with information in the global computer networks, and so on, have identified psycho-pedagogical specifics of the article.

The problem of understanding in this perspective involves self-organized prospects information and communication situation in the educational process is in which each communicant of any information is a natural (self-organizing) the representative of the audience (communication environment).

Personal identifying of psychological characteristics of the information society, its communicative specificity requires a self-organized cognitively and understanding in the structure of personality cognition involves the search for a solution of situational tasks. Thus, the terms «understanding» and «resolution» are interdependent and can achieve efficiency in some kind of general ability, which is invited to consider cultural «information» competence of interpersonal interaction.

The significant differences between the two presented elements of the cognitive situation (understanding of the problem and understanding the ways of solving the problem) involves the self-organization of cognitive activity in a unidirectional field: towards actualization of cultural competence to include psychological mechanisms to solve information problems.

The novelty of the information which is concomitant to the professional activities of a lawyer, requires its understanding, and therefore, awareness at competence level, which implies, as a consequence, cognitive self-organization. The resulting personal communication problem initially perceived as a lack of understanding and it is the point of mental activity, the starting point of its attractor («amplifier» with reverse connection). Rethinking the problem, including memory, consciousness gradually finds a solution that is the desired understanding. This is a psychological characteristic feature of the understanding in scientific problems of self-organization of cultural competence as a lawyer.

Keywords: understanding, thinking, self-organized cognitively, implicitness of communicative situation, vitucci of understanding, professional consciousness.

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi psikhologii [Actual problems of modern penitentiary psychology]. Ryazan, 2013. V. 1.
2. Aleksandrova N.P., Bogdanov E.N. Psikhologicheskoe soprovozhdenie formirovaniia prostranstvennogo vospriiatiia kak uslovie razvitiia poznavatel'nogo protsessa rebenka [Psychological support for the formation of spatial perception as a condition of development of the cognitive process of the child]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia - Applied legal psychology, 2012, no 3, pp. 38–47.
3. Bakanov A.S. Metod izvlecheniia ekspertnykh znanii v protsesse raboty s

iuridicheskoi tekstovoi informatsiei [Method of extracting expert knowledge in the process of working with a legal text information]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia - Applied legal psychology, 2013, no 4, pp. 122–126.

4. Dobraev L. P. Smyslovaia struktura uchebnogo teksta i problemy ego ponimaniia [The semantic structure of the training text and the problems of its understanding]. Moscow, Pedagogika, 1982. 176 p.

5. Efremov A. Iu. Korporativno-obrazovatel'naia model' formirovaniia professional'nykh kompetentsii lichnosti spetsialista [Corporate-educational model of formation of professional competences professional personality]. Rossiiskii nauchnyi zhurnal - Russian scientific journal, 2009, no 10, pp. 34–39.

6. Ivanov G.P., Kovalenko E.F. Samoopredelenie lichnosti studenta v usloviakh professional'nogo stanovleniia v protsesse obuchenii v vuze [Determination of the student's personality in terms of professional development in the learning process in the University]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia - Applied legal psychology, 2011, no 3, pp. 66–77.

7. Kvasiuk T. Ia. Ponimanie kak myslitel'nyi protsess [Understanding as a mental process]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova - journal of Kostroma state University. N. A. Nekrasov, 2010, V. 16, no 3, pp. 125–129.

8. Kleinos O.N. Rol' kriticheskogo myshleniia v formirovanii professional'noi kompetentsii iurista [The role of critical thinking in the formation of professional competence of a lawyer]. Gumanitarnyi vector - Humanities vector, 2011, № 1, pp. 96–99.

9. Kostiuk G. S. O psikhologii ponimaniia [the psychology of understanding]. Moscow, 1988. 198 p.

10. Kul'nevich S. V. Pedagogika samoorganizatsii: fenomen sodержaniia: monografiia [Century Pedagogy of self-organization: the phenomenon of contents]. Voronezh, 1997. 236 p.

11. Ministerstvo obrazovaniia i nauki RF [Elektronnyi resurs] / Prikaz Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 21 maia 2010 g. № 17337 «Ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniia po napravleniiu pod gotovki 030900 iurisprudentsiia (kvalifikatsiia (stepen') «bakalavr») [The Ministry of education and science of the Russian Federation [Electronic resource] / Ministry of education and science of the Russian Federation dated 21 may 2010, No. 17337 «On the issue of approval and introduction of the Federal state educational standard of higher professional education in the direction of under cooking 030900 Law (qualification (degree) «bachelor»). URL: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/1879>. (Accessed 13.11.2014).

12. Serikov V.V. Obrazovanie i lichnost'. Teoriia i praktika proektirovaniia pedagogicheskikh system [The theory and practice of designing pedagogical systems]. Moscow, Logos, 1999. 272 p.

13. Sosnin V.A. Problema vzaimodeistviia politicii i massovykh gruppovykh obrazovaniia: rol' psikhologicheskikh ustanovok predstavitelei politseiskikh struktur v ponimaniia massovykh protsessov i vozniknoveniia massovogo konflikta [The problem

of interaction between the police and the mass group of formations: the role of attitudes of representatives of police agencies in understanding mass processes and the emergence of mass conflict]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya* - Applied legal psychology, 2013, no 2, pp. 64–70.

14. Subbeto A.I. *Kvalitologiya obrazovaniia* [Qualityare education]. Moscow, center of problems of quality of training, 2000. 264 p.

15. Tolstikova S.N. Rol' kommunikativnoi tolerantnosti v protsesse stanovleniia lichnostnoi pozitsii v strategii vzaimodeistviia [The role of communicative tolerance in the process of becoming a personal position in engagement strategy]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya* - Applied legal psychology, 2012, no 1, pp. 86–94.

16. Fomina N.I. *Emotsional'nyi intellekt kak predmet psikhologicheskogo issledovaniia* [Emotional intelligence as a subject of psychological research]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia* - Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application, 2011, no 23, pp. 53–57.

SOCIAL INTELLIGENCE OF THE PERSON: THE BASIC PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH

O. V. Luneva

Abstract: Russian researchers have been paying more attention to constructs regulating individual's behavior within the society and analysis of individual's real life within specific socioeconomic and historical environment, including individual's social intellect. The author reveals the interrelation of the problems that characterize the modern scientific field of study of social intelligence, highlights and analyzes the main problems of its study, including the underdevelopment of existing scientific approaches to the study of social intelligence; the difficulties of creating tools to measure social intelligence; complexity of extraction for the study of social intelligence in the context of everyday life; the necessity of individual's affiliation with specific social, cultural and ethnical groups.

The article examined the most theoretically grounded conceptions of social intelligence (J. P. Guilford, D.V. Ushakov, R. Sternberg), strong and weak areas of each scientific approach are shown, reasons for researchers of social intelligence finding themselves in the dead-end are analyzed.

The author reveals the contradictions between the demands of business on the results of the measurement of social intelligence in individuals and small possibilities of using valid and reliable research instruments, examines in detail the limitations of the reliability of scientific knowledge about social intelligence personality associated with his study in isolation from real human interaction, analyzes the current technical possibilities for the study of social intelligence in a real social environment and arising in connection with these issues ethical and legal nature.

The article discusses the issue of illegality of obtaining basic information on social intellect within studies of students (14 to 23 years old). As individual's social in-

telligence is developing within socialization process, it shows qualitative differences at various stages of ontogeny. The article contains the information from author's empirical study supporting that individual's social intelligence and social skills have performance specifics while communicating with other people from different age or gender groups.

Author suggests and substantiates selected promising directions of further social intelligence studying, inter alia the method of panel expert assessment. There is using of method of expert estimations to measure social intelligence group that has experience of successful application (A.L. Zhuravlev). It also allows combining individual's social intelligence and a group when analyzing individual's social intelligence as a factor of engagement within the small group.

Keywords: social intelligence, problems of research, the concept, diagnostics, empirical researches, interaction, expert estimations, perspective directions of research.

REFERENCES

1. Belova S.S. Sotsial'nyi intellekt: sravnitel'nyi analiz metodik izmereniia [Social intelligence: a comparative analysis of techniques for measuring]. Sotsial'nyi intellekt: Teoriia, izmerenie, issledovaniia - Social intelligence: Theory, measurement, research, Moscow, RAN, 2004, pp. 109–118.

2. Druzhinin V.N. Psikhologiiia sposobnostei [The psychology of abilities. Moscow, RAN, 2007.

3. Zhuravlev A.L. Metodika ekspertnoi otsenki effektivnosti rukovodstva kolektivom [Methods of expert evaluation of the effectiveness of the leadership team]. Metodiki sotsial'no-psikhologicheskoi diagnostiki lichnosti i gruppy - Methods of social-psychological diagnostics individuals and groups, Moscow, AN SSSR, 1990, pp. 45–68.

4. Zhuravlev A.L. Metodika ekspertnoi otsenki lichnostnykh kachestv rukovoditel'ia proizvodstvennogo kolektiva [Methods of expert evaluation of personal characteristics of the leader of a production team]. Sotsial'no-psikhologicheskie metody prakticheskoi raboty v kollektive: diagnostika i vozdeistvie - Social-psychological methods of practical work in the team: diagnosis and impact, Mosciow, AN SSSR, 1990, pp. 85–107.

5. Zhuravlev A.L. Sotsial'naia psikhologiiia lichnosti i malykh grupp: nekotorye itogi issledovaniia [the Social psychology of individuals and small groups: some results of research]. Psikhologicheskii zhurnal - Psychological journal, 1993, V. 14, № 4, pp. 4–15.

6. Zhuravlev A.L. Psikhologiiia upravlencheskogo vzaimodeistviia (teoreticheskie i prikladnye problemy) [Psychology of managerial communication (theoretical and applied problems)], Moscow, RAN, 2004.

7. Zhuravlev A.L. Psikhologiiia sovmestnoi deiatel'nosti [Psychology of joint activities] Moscow, RAN, 2005.

8. Zhuravlev A.L. «Sotsial'no-psikhologicheskaiia zrelost'»: obosnovanie poniatiia [Social and psychological maturity]: justification of the concept]. Psikhologicheskii zhurnal - Psychological journal, 2007, V. 28, no 2, pp. 44–54.

9. Luneva O.V. Sotsial'nyi intellekt: istoriia izuchenii i osnovnye modeli [Social intelligence: history of the study and basic models] Moscow, 2009.

10. Luneva O.V. Predstavleniia o sotsial'nom intellekte raznykh vozrastnykh grupp [Century notions of social intelligence of different age groups] ZPU-portal. 2009. № 2. Pedagogika. Psikhologiya. /www.zpu-journal.ru/e – zpu/2009/2/ luneva/

11. Pozniakov V.P. Psikhologicheskie otnosheniia individual'nykh i gruppovykh sub'ektov sovmestnoi zhiznedeiatel'nosti [Psychological relationship of individual and group entities joint life]. Psikhologicheskii zhurnal - Psychological journal, 2012, V. 33, no 5, pp. 5–15.

12. Psikhologicheskie issledovaniia intellekta i tvorchestva: materialy nauchnoi konferentsii [Psychological research on intelligence and creativity: materials of scientific conference], Moscow, 2010.

13. Psikhologiya intellekta i tvorchestva: traditsii i innovatsii [Psychology of intelligence and creativity: tradition and innovation]. M.: Publishing house of Institute of psychology of Russian Academy of Sciences], Moscow, 2010.

14. Psikhologiya sposobnostei: sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovaniia [The psychology of abilities: current status and prospects of research], Moscow, 2005.

15. Sovmestnaia deiatel'nost': metodologiya, teoriia, praktika [Joint activity: methodology, theory, practice] Moscow, Nauka, 1988.

16. Ushakov D.V. Sotsial'nyi intellekt kak vid intellekta [Social intelligence as the type of intelligence]. Sotsial'nyi intellekt: Teoriia, izmerenie, issledovaniia - Social intelligence as the type of intelligence, Moscow, 2004, pp. 11–28.

17. Ushakov D.V., Zhuravlev A.L. Obrazovanie i konkurentosposobnost' natsii: psikhologicheskie aspekty [Education and competitiveness of the nation: psychological aspects]. Psikhologicheskii zhurnal - Psychological journal, 2009. V. 30, no 1, pp. 5–13.

18. Fenomen i kategoria zrelosti v psikhologii [The phenomenon and the category of maturity in psychology], Moscow, 2007.

19. Greenspan S., Driscoll J. The role of intelligence in a broad model of personal competence // Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues / D.P. Flanagan & J.L. Genshaft. New York, Guilford Press, 1997. pp. 131–150.

20. Landy F. History, her history...APS Observer 2005. www.psychological science.org/observer

21. Sternberg R.J. Successful intelligence. New York, Plume, 1997.

22. Guilford J.P. The nature of human intelligence. New York, McGraw-Hill, 1967.

APPLIED AND EXPERIMENTAL STUDIES

ON THE PROBLEM OF PSYCHODYNAMICS RESPONSE TO POLYGRAPH EXAMINATION AT ENROLLMENT (STUDY)

D. V. Sochivko, Yu. V. Krymova

Abstract: The paper presents a psychodynamic approach to the analysis of the state of the individual subjects in the process of polygraph testing with professional selection. Empirically demonstrated and investigated typical (tense) the reaction of the test questions on a particular content, regardless of whether they have toward him or not, he says the truth or lie. This significantly increases the probability interpretation of the responses at this reaction as a real lie, that may be a mistake.

As a result of the multivariate statistical analysis of the data shows that the probability of a lie / truth when answering different questions loads different poles factors (load have different signs — plus or minus). From which it follows that the probability of a truthful answer to a question steadily correlated with the probability of false answer to any other question. However, given the probabilistic nature of the index, we tend to still talk not about truth and lies, and their doubts about the subject in response to a particular question, coupled with the psycho-physiological stress on a number of indicators. It is shown that the tension in answering some questions correlates with its absence in the answers to others. Therefore, each factor is a certain type of mental response of modern entrant on these or other issues. The resulting factor structure, so there is a question difficult intrapsychic preset, which significantly affects the results of the polygraph examination. This preset is psychodynamic (incentive) with respect to the nature of replying, and its effect **is independent** of the truth or falsity of them.

Keywords: polygraph, special physiological studies using polygraph, psychophysiological state, psychodynamics, psychodynamic type of response, the probability of the truth or falsehood, psychodynamic preset, typical intense reaction, risk factors, expert solutions, efficiency of special psychophysiological study.

REFERENCES

1. Zhurin S.I. Praktika i teorija ispol'zovanija detektorov lzhi [The practice and theory of using lie detectors]. Gorjachaja Linija - Telekom, 2004.
2. Sochivko D.V. Problema metodologii prikladnoj (juridicheskoy) psihologii [The problem of the methodology of applied (legal) psychology] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2011, no. 2. S. 8-18.
3. Sochivko D.V. Psihodinamika [Psychodynamics]. MPSI. 2007
4. Sochivko D.V., Burcev A.O. Problema psihopatizacii lichnosti osuzhdennyh k lisheniju svobody [The problem of psychopathically person sentenced to imprisonment] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014, no. 1. S. 30-41.
5. Sochivko D.V., Shhelkushkina E.A. Problema psihodinamicheskoy tipologii lichnosti osuzhdennyh za ubijstvo [The problem of psychodynamic personality typology convicted of murder] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. Applied legal psychology, 2010. no.1. S. 6-21.
6. Sochivko D.V., Krymova Ju.V. Psihodinamika lojal'nosti - tolerantnosti: psihodinamicheskaja diagnostika i jempiricheskaja tipologija [Psychodynamics of loyalty - tolerance: psychodynamic diagnostics and empirical typology] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2012. no. 2. S. 28-36.

7. Soshnikov A.P., Pelenicyn A.B. Sravnenie razlichnyh sistem kolichestvennogo analiza poligramm s pomoshh'ju algoritma ChanceCalc [Comparison of the different systems of quantitative analysis of polygrammes using the algorithm ChanceCalc] // Vestnik poligrafologa. — Bulletin of the polygraph, 2007. no. 1.

8. Ruchnye i smeshannye metody kompleksnoj ocenki poligramm [Manual and mixed integrated assessment methods of polygrammes]. — URL: <http://www.ante-group.ru/chapter5subchapter5.html>.

9. Voronin R.M., Kovachev O.V., Machkasov A.I. Internet-konferencija «Penitencijarnaja sistema: nauka i praktika» [Internet-conference «The prison system: Science and Practice»] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014. no. 4. S. 164-165.

10. Datij A.V., Voronin R.M. Problemy organizacii medicinskogo obespechenija osuzhdennyh i sotrudnikov FSIN Rossii [Problems of health maintenance organization of employees and convicted persons of FSIN Russia] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014. no. 2. S. 155-156.

11. Datij A.V., Kozhevnikova E.N. Aktual'nye problemy prikladnoj juridicheskoi psihologii [Recent developments in applied legal psychology] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014. no. 4. S. 165-166.

12. Kuznecova A.S., Poljanin N.A. Medicinskaja psihologija v juridicheskoi dejatel'nosti [Medical psychology in legal activity] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014. no. 1. S. 111-112.

13. Poljanin N.A., Pintjashin E.V., Majorov O.A. Nauchnyj zhurnal «Penitencijarnij» [Scientific journal «Penitentiary»] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija, 2014. № 2. S. 151-152.

14. Sochivko D.V. Problema metodologii prikladnoj (juridicheskoi) psihologii [The problem of the methodology of applied (legal) psychology] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2011. no. 2. S. 8-18.

15. Sochivko D.V., Savchenko T.N. Vos'moj nauchno-prakticheskij seminar «Prikladnaja juridicheskaja psihologija» problemy massovogo soznaniya: upravlenie i manipulirovanie na granice pravovogo polja [VII Scientific-practical seminar «Applied legal psychology»: the problems of the mass consciousness: management and manipulation on the border of the legal field] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014. no. 2. S. 145-149.

16. Shhelkushkina E.A. Aktual'nye problemy sovremennoj penitencijarnoj psihologii [Actual problems of modern penitentiary psychology] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014. no. 1. S. 118-119.

PREVENTION OF SUICIDAL SYMPTOMS AS A FACTOR OF SAFETY OF CONVICTED IN PRISON

N. V. Dmitrieva, L. S. Kachkina

Abstract: This article presents the results of the study of convicted, suicidal

using the method of portrait elections (Szondy test). The study identified internal conflicts and personal characteristics that determine suicidal behavior such as intrapersonal conflicts; narcissism; irrational installation; impossibility of sexual gratification socially acceptable ways; deprivation of basic needs; tendency to use alcohol and drugs; failure to anticipate and predict the consequences of their actions; psychological defense, which is manifested in the pursuit of avoidance, denial of problems, moral masochism.

Probabilistic situation of suicidal behavior in individuals are identified:

1) in situations that hinder the satisfaction of needs, in the absence of contact is very important for the convicted people outside places of isolation (wife, child, mother, etc.) while expressing clinging significant object;

2) in excessive pressure on the individual standards. In a situation of staying within the criminal subculture patterns of behavior specific for certain environment are used.

Under this research the main directions of psychological work that help to protect suicidal prisoners from their own destructive manifestations are revealed.

To achieve this goal we should promptly inform stakeholders of the institution about the presence of the convicted suicidal tendencies, of suicidal intent and factors that may trigger the realization of this type of deviant behavior. We should pay particular attention to the reaction of convicted on increased risk of suicidal behavior, to carry out systematic monitoring of psycho-emotional state of convicted who are prone to suicide and are registered with the care records.

Psycho work with this group of persons should be directed to the development of self-esteem and self-significance, increasing responsibility for their own destiny and life, the ability to stand up for their beliefs, to separate them from the views of the group and, if necessary, to resist the pressure groups; development of the ability to predict and anticipate the consequences of their actions; increase resistance to stress; psychological support in the event of loss of significant others; correction destructive maladaptive psychological defenses.

Keywords: prisoners, suicide, suicidal behavior, test Szondy, correctional facility, internal conflict, psychological work, preventive account, prevention.

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi psikhologii [Actual problems of modern penitentiary psychology]. Ryazan, 2013, V. 1.

2. Voronin R.M. Osnovnye napravleniia meditsinskoi psikhologii v ispravitel'nykh uchrezhdeniakh [Main areas of medical psychology in correctional institutions]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology. 2014, no 1, pp. 112–117.

3. Datii A.V., Kozhevnikova E.N. Aktual'nye problemy prikladnoi iuridicheskoi psikhologii [Actual problems of applied legal philosophy]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014, no 4, no. 165–166.

4. Dmitrieva N.V., Perevozkina Iu.M., Kozyreva T.S. Kratkosrochnaia terapiia v reshenii konflikta [Short-term therapy in the resolution of the conflict]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia — the World of science, culture, education, 2014, no 2 (45),

pp. 228–231.

5. Zemlin D.N. Psikhologicheskie osobennosti i mery profilaktiki demonstrativno-shantazhnogo povedeniia osuzhdennykh UIS Rossii [Psychological characteristics and prevention of demonstratively-santarnyi behavior of convicted Russian prison]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiia -Applied legal psychology*, 2009, no 3, pp. 20–28.

6. Kallistratova E.E., Berkovich L.S. Nauchno-metodicheskie osnovy organizatsii psikhologicheskoi raboty s osuzhdennymi, sostoiashchimi na profilakticheskom uchete kak sklonnye k suitsidu [Scientific-methodical bases of the organization of psychological work with the prisoners, who care records as prone to suicide]. Novosibirsk, 2008. 32 p.

7. Komlev V.A. Sotsial'nyi konflikt kak osnovnaia determinanta suitsidal'nogo povedeniia osuzhdennykh [Social conflict as the main determinant of suicidal behavior convicts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik St. Petersburg University of the Russian interior Ministry*, 2008. no 4, pp. 185–188.

8. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V., Emel'ianenko A.A. Istoriia samoubiistv: analiz kontseptsii [History of suicide: an analysis of concepts]. *Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii i metodicheskii zhurnal «Smal'ta» – international scientific-practical and methodological journal «Smalt»*, 2014, no 5, pp. 75–78.

9. Kuptsov I.I. Sovremennyi podkhod k znachimosti voli v psikhicheskom i dukhovnom mire [Modern approach to the importance of the will in the psychic and spiritual world]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiia – Applied legal psychology*, 2010, no 2, pp. 146–151.

10. Kuptsov I.I., Pivovarova T.V. Ratsional'nye puti ispravleniia nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Rational solutions of juvenile offenders]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiia – Applied legal psychology*, 2013, no 3, pp. 26–34.

11. Nikolaev V.I. Test Sondi [The Szondi Test]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2007. 149 p.

12. Sobchik L.N. Metod portretnykh vyborov – modifitsirovannyi test Sondi [Method portrait elections – modified test Sondhi]. Moscow, IPP, 1998. 128 p.

13. Sochivko D.V. Psikhodinamika geshtal'ta otkrytoi i skrytoi agressii v strukture lichnostnogo rosta [Method portrait elections – modified test Sondhi]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiia – Applied legal psychology*, 2013, no 3, pp. 35–41.

14. Sochivko D.V. Psikhodinamika dukhovnosti i religioznosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta [Psychodynamics of spirituality and religiosity convicted youth age]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiia – Applied legal psychology*, 2012, no 4, pp. 116–126.

15. Shchelkushkina E.A. Opyt empiricheskogo postroeniia psikhologicheskoi tipologii lichnosti osuzhdennogo za ubiistvo s ispol'zovaniem metodov mnogomernogo statisticheskogo analiza [empirical building of psychological typology of personality convicted of murder with the use of multivariate statistical analysis]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiia – Applied legal psychology*, 2009, no 3, pp. 85–91.

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF SEXUAL VIOLENCE OF JUVENILE VICTIMS OF THE INCEST

E. V. Vaske

Abstract: Steady growth of number of criminal infringement on sexual inviolability and sexual freedom of minors in modern Russia demands development of new approaches to process of investigation of this category of crimes which traditionally causes special difficulties in terms of proof. Victim behavior of the minor victims has wide range, has specific character, and mechanisms of its formation are caused by a number of internal and external factors of influence on system «the victim — the criminal — a criminal situation». It's difficult to understand for employees of investigating authorities not only motives of criminal behavior of the tyrant motivation of actions (inaction) of the minor victim in this or that legally significant situation as well. For example, when the minor victims that is the victims of the prolonged incest communication, don't make even attempts to rendering resistance to the tyrant; when the juvenile children who are engaged in prostitution persistently offer clients the sexual services; when the minor victims, reveal signs of «pseudo-provocative» behavior, actively interacting with the potential criminal in a precriminal situation, etc.

The greatest complexity not only for employees of judicial investigating authorities, but also for experts of other fields of knowledge (teachers, psychologists, employees of social services) anyway involved in investigation is represented by their judgment of the facts of concealment of episodes of the sexual violence committed against a child (teenager) in the family, by himself or by members of his reference group. Thus, the understanding of psychological mechanisms of experience by the child of intra family sexual violence promotes constructive interaction with it during investigation, allowing to receive, on the one hand, the fullest data on a delict situation, and on the other hand to minimize secondary psikhotravamatization of the victim of incest communication by the procedure of carrying out separate investigative actions. In the context of the specified perspective the author takes up the questions connected with the intra family sexual violence made concerning children and teenagers; the behavior of minors and juvenile victims of an incest in legally significant situations is analyzed (precriminal, criminal, post-criminal, investigative). The analysis of transformation of emotional reaction of juveniles and minor victims of the prolonged incest communication is submitted. Theoretical calculations are illustrated by examples from expert practice of the author.

Keywords: sexual violence, behaviour of victim, motivation, minor, juvenile, victims, incest, criminal, criminal situation.

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi psikhologii [Actual problems of modern penitentiary psychology], Ryazan, 2013, V. 1.
2. Vaske E.V. Psikhologicheskii analiz povedencheskogo reagirovaniia v iuridicheskii znachimyykh situatsiiaakh nesovershennoletnikh poterpevshikh po polovym prestupleniiam [Psychological analysis of the behavioral response in legally relevant situations juvenile victims of sexual crimes]. Psikhologicheskii issledovaniia : nauch.

elektron. Zhurnal — Psychological research : scientific. electron. journal 2010, no 3 (11), 21 p. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n3-11/327-vaske11.html>

3. Vaske E.V. Analiz emotsional'nogo reagirovaniia nesovershennoletnikh poterpevshikh v situatsiakh prolongirovannoi intsestual'noi svyazi [Psychological analysis of the behavioral response in legally relevant situations juvenile victims of sexual crimes]. 2009. V. 6, no 3, pp. 42–48.

4. Vaske E.V. Psikhologiya doprosa nesovershennoletnikh pravonarushitelei i zhertv seksual'nogo nasiliia [Psychology of interrogation of juvenile offenders and victims of sexual violence]. Moscow, Genezis, 2014. 312 p.

5. Vaske E.V. Ispol'zovanie v khode doprosa professional'nykh psikhologicheskikh znanii pri vzaimodeistvii sledovatelya s nesovershennoletnimi (maloletnimi), poterpevshimi ot seksual'nogo nasiliia [Using during questioning, professional psychological knowledge in the interaction of the investigator juvenile (young), victims of sexual violence]. Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta — Vestnik of Novgorod state University, 2011, no 6, pp. 25–31.

6. Vaske E.V., Safuanov F.S. Psikhologicheskoe vzaimodeistvie rabotnikov sledstvennykh organov s nesovershennoletnimi doprashaivayemyi: strukturnyi analiz [Psychological interaction between investigators with minors being questioned: structural analysis]. Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2011, no 3, pp. 23–30.

7. Vaske E.V., Safuanov F.S. Psikhologo-pravovaya otsenka bespomoshchnogo sostoianiia nesovershennoletnikh poterpevshikh ot seksual'nogo nasiliia [Psychological assessment of the helpless condition of juvenile victims of sexual violence]. Iuridicheskaya psikhologiya — Legal psychology, 2009, no 3, pp. 16–20.

8. Datii A.V., Kozhevnikova E.N. Aktual'nye problemy prikladnoi iuridicheskoi psikhologii [problems of applied legal philosophy]. Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2014, no 4, pp. 165–166.

9. Polianin N.A., Pintiashin E.V., Maiorov O.A. Nauchnyi zhurnal «Penitentsiarii» [Scientific journal «Prison»]. Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2014, no 2, pp. 151–152.

10. Sochivko D.V. Psikhodinamika geshtal'ta otkrytoi i skrytoi agressii v strukture lichnostnogo rosta [Psychodynamics Gestalt open and latent aggression in the structure of personal growth]. Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2013, no 3, pp. 35–41.

11. Sochivko D.V. Psikhodinamika dukhovnosti i religioznosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta [Psychodynamics of spirituality and religiosity convicted youth age]. Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2012 no 4, pp. 116–126.

12. Shchelkushkina E.A. Opyt empiricheskogo postroeniia psikhologicheskoi tipologii lichnosti osuzhdennogo za ubiistvo s ispol'zovaniem metodov mnogomernogo statisticheskogo analiza [Empirical build a psychological typology of personality convicted of murder with the use of multivariate statistical analysis]. Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2009, no 3, pp. 85–91.

GENDER CHARACTERISTICS OF AGGRESSION OF THE CHILDREN (YOUNGSTERS) OF PENAL SYSTEM EMPLOYEE'S

S. A. Krasnenkova, L. N. Gridyaeva

Abstract: Study and correction of aggression of deviant and delinquent young men is one of the most searched problems of modern psychology. The problem of aggression of penal system employee's male teenagers, who are sometimes characterized by deviant behavior, is unexplored. Actuality of this area of work is dictated by contradiction between the need for psychological support of the family members of the penal system staff, and insufficient study of aggression of this group. The gender approach offers new possibilities for the study of aggression in adolescence. Taking into account the gender factor in the analysis of human aggression appears to be an important principle for improving preventive work with aggressive young men. Gender approach means the assessment of behavior from the point of view of existing gender norms.

Gender-specific manifestations of young men aggression appear in following things :

- young men of masculine type will demonstrate a higher level of aggression than ones of androgynous and feminova gender type;
- young men of feminova gender type will demonstrate lower levels of aggression than ones of androgynous and masculine gender type.

Methods of collecting empirical data was carried out by using the psychodiagnostic methods. Among them; S. Bem' technique «Gender diagnosis of femininity – masculinity»; the technique of diagnostics communication setup centuries Boyko; the method of «Personal aggressiveness and conflict» by . P. Il'in and P. A. Kovalev; the hostility questionnaire by A. Bass – A. Durka.

Among methods of processing the results of research is qualitative and quantitative analysis, including correlation coefficient χ^2 – test, Pearson.

This article presents the results of empirical research of aggressive gender features of minors three groups, such as the penal system staff' children who are in sports clubs, the cadet boarding school students and the ones sentenced in juvenile correctional facilities. Selection of respondents for the study is explained by the peculiarities of the living conditions of these groups, such as the daily regime, abidance by rules, etc., that is, in our opinion, one of the most important factors affecting the level of exhibited aggression.

This empirical study allowed to conclude that the level of aggressiveness of young men caused by gender characteristics, but not the ones of the group they belong to. This identified differences between masculine, androgynous and feminine young men have significant differences.

We hope that the article will be interesting for penal system psychologists, teachers and to all of those who is interested in problems of juvenile aggression and gender psychology.

Keywords: penal system employee's children, juvenile aggression, gender-specific aggression, deviants, juvenile offenders.

REFERENCES

1. Hanishina S.I., Zharkikh, A.L. Vzaimosvyaz' uverenosti v sebe s emocional'nost'yu i agressivnost'yu [The Relationship of confidence with emotion and aggressiveness]. *Prikladnaya juridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology*, 2014, No. 4, pp. 85–92.
2. Chudova N.V. Issledovanie cennostnykh osnovanii agressivnosti [The study of value bases of aggressiveness] *Prikladnaya juridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology*, 2014, No. 3, pp. 80–87.
3. Voronin, A.N., Luchinina E.C. Vliyanie sotsial'noi mikrosredy na proyavlenie agressivnosti [influence of the social environment on the expression of aggressiveness]. *Prikladnaya juridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology*, 2014, No. 2, pp. 97–113.
4. Krasnenkova S.A. Razvitie podrostka i deviacii podrostkovogo krizisa [Development of the adolescent and deviation adolescent crisis :textbook for students of internal and correspondence branches of undergraduate students in the direction of 050400.62]. *Psihologicheskoe obrazovanie, Profil "Psihologiya obrazovaniya — Psycho-pedagogical education profile «Psychology of education»*. Voronezh, Voronezh state pedagogical University, 2012. 208 p.
5. Krasnenkova S.A. geshtal'torientirovannaya art-korreksiya psihicheskikh sostoyanii sotrudnikov penitentsiarnoi sistemy i chlenov ih semei [Gestalttherapy art-correction of mental States penitentiary officers and members of their families. Cand og psy sci. Dis]. Ryazan, Academy of the Federal penitentiary service of Russia, 2007. 199 p.
6. Bends So-Century Geylthyfya psihologiya [Gender psychology]. SPb, 2007. 431 p.
7. Gridyaeva L.N. Kognitivnyi podhod k izucheniyu gendernoi subkul'tury zhenshchin [The cognitive approach to the study of gender subculture women]. *Sotsial'naya politika i sociologiya — Social policy and sociology*, 2009, no. 9. pp. 26–34.
8. Kletsina I.C. Ot psihologii pola k gendernym issledovaniyam v psihologii [From the psychology of sex to gender research in psychology]. *Social policy and sociology — Questions of psychology*, 2003, no. 1, pp. 42–56.
9. Sochivko D.C., Tobolevich O.A. Osnovy postroeniya psihokorrekcionnykh i ispravitel'nykh program osuzhdennykh muzhchin i zhenshchin [Fundamentals of psycho and correctional programs of convicted men and women]. *Gumanitarnyy penitentsiarnyy vestnik — Humanitarian — prison Herald*, 2008, no. 3, pp. 71–81.

MARKERS OF EMOTIONAL BURNOUT IN THE SEMANTIC SPACE OF A PERSONALITY

A. V. Boldyrev, T. A. Boldyreva, L. V. Thorzhevskaya

Abstract: Emotional burnout is considered as professional destruction of a personality development mechanism, showing equal dynamics with the general adapta-

tion syndrome, but possessing the specific localization of effects on the professional personality semantic space. The authors singled out the specific labour conditions, provoking the growth of the possibility of emotional burnout development. The empiric investigation was realized by means of the comparative method. The comparison was held among the groups of secondary school teachers, social protection centers specialists and the staff of the penitentiary system institutions. With the help of the investigation data on the methods of emotional burnout level diagnostics by B.B. Boiko and the methods of «Professional burnout» by N.E. Vodopyanova two groups of specialists of each profession with the symptoms of emotional burnout and without it were singled out empirically. The chosen groups were investigated for attributive style (attributive style estimation methodology STONE-B), life-meaning orientations, the quality characteristics of aggression and the peculiarities of semantic space. The purpose of investigation was to single out such symptoms, which could be obligatory for all the staff-members, demonstrating the symptoms of emotional burnout and would not depend on the professional peculiarities. The most versatile symptoms of emotional burnout were singled out on the semantic level. They mainly became apparent in the connotation meaning peculiarities of the notion, describing the subject of work and in the semantic remoteness of the notion «my job» from the notions «success», «joy», «happiness», «hope». As a result some quantity characteristics of emotional burnout syndrome can be designated, while describing the semantic space by means of semantic differential methods. This investigation can ascertain the localization of the main symptoms of emotional burnout on the level of personality meaningful space. The data can be applied in emotional burnout screening diagnostics.

Keywords: emotional burnout, professional burnout, semantic space, semantic differential, penitentiary system, phenomenon of distrust, life-meaning orientations, semantic remoteness, connotation meaning, the subject of labor.

REFERENCES

1. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom Vygoraniya Sindrom vygoraniya [Burnout syndrome]. SPb, Piter, 2008. 336 p.
2. Kitaev-Smyk L.A. Vygoranie personala, vygoraniye lichnosti, vygoraniye dushi [Staff burnout, personality burnout, soul burnout]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah - Psychopedagogics in law-enforcement agency, 2008, no 2, pp. 43–50.
3. Lymarenko V.M. et al. Issledovaniya hronicheskogo professionalnogo stressa u vrachei skoroi meditsynskoi pomoshi Nevskogo raiona Sankt-Peterburga [The investigation of chronic professional stress of emergency doctors of Nevsky region of Saint-Petersburg]. Vestnik rossiiskoi voenno-medicinskoi akademii - Russian Military-Medical Academy Herald, 2012, no 3, pp. 39–45.
4. Muhametzhanova N.M. Problema svobody i poryadka v moderniziruyushih sya obshestvah [The problem of freedom and order in modernizing societies]. Vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta - Orenburg State University Herald, 2013, no 7, pp. 53–59.

5. Oboznov A.A., Dotsenko O.N., Emotsyonalnaya napravlenost'uchitelei kak lichnostny resurs ihustoichivosti k vygoraniu [Emotional directness of teachers as a personality resource of their tolerance to burnout]. *Pedagogicheskii zurnal bashkortostana - Bashkortostan Pedagogics Journal*, 2011, no 5, pp. 227–237.

6. Posohova S.T. Lichnostny adaptatsyonny sindrom v ekstremalnykh usloviyakh professionalnoi deyatel'nosti [Personality adaptation syndrome in extreme conditions of professional activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta - The Herald of Saint Petersburg University*, 2011, no 4, pp.7–13.

7. Redina T.V. Emotsyonalnoye vygoranie pedagogov korrektsyonnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Emotional burnout of correctional education institutions]. *Znanie. Ponimanie. Umenie - Knowledge. Comprehension. Ability*, 2010, no 1, pp. 222–227.

8. Soldatova E.L., Shevchenko A.A. Vzaimosvyaz' psichicheskogo vygoraniya i pokazatelei statusov ego-identichnosti [Interconnection of psychical burnout and ego-identity status indicators]. *Vestnik yuzno-uralskogo gosudarstvennogo universiteta - The South-Eastern State University Herald*, 2013, V. 3, no 3, pp.13–16.

9. Scherbinina O.A. Asotsyal'naya lichnost' kak ob'ekt issledovaniya sovremennoi psichologii [Asocial personality as contemporary psychology research object]. *Vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta - Orenburg State University Herald*, 2014, no 4, pp. 281–285.

PSYCHOLOGICAL LEGAL ANALYSIS OF THE REASONS, CONDITIONS AND FACTORS OF VIOLATIONS OF SERVICE DISCIPLINE AND LEGALITY BY POLICE OFFICERS

A. S. Dushkin, E. A. Schelkushkina

Abstract: psychological aspects of violations of service discipline and legality in law-enforcement bodies are presented. Psychological characteristics of the police officers inclined to violation of office discipline and legality are presented. The factors influencing the violation by police officers of service discipline and legality (caused by specifics of police activity; personal qualities; social and psychological character) are described.

Keywords: the police officer, current situation of service discipline and legality in law-enforcement bodies, professional deformation.

REFERENCES

1. Federal'nyj zakon ot 7 fevralja 2011 g. № 3-FZ «O policii» [Federal law from February, 7th, 2011, № 3-FL «Police»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj federacii – Collection of Laws of The Russian Federation*, 2011. no 7. St. 900.

2. Federal'nyj zakon ot 30 nojabrja 2011 g. № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal law from November, 30th, 2011, № 342 FL «On the Service in the Internal Affairs of the Russian Federation and the modification of separate Legislative Acts of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva*

Rossijskoj federaciji — Collection of Laws of The Russian Federation, 2011. № no 49 (part 1). St. 702.

3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 oktjabrja 2012 g. № 1377 «O Disciplinarnom ustave organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii» [The Decree of the President of the Russian Federation from October, 14th, 2012 № 1377 «Disciplinary Statute of the Interior of the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj federaciji — Collection of Laws of The Russian Federation, 2012. no 43. St. 5808.

4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 6 dekabrja 2012 g. № 1259 «Ob utverzhenii Pravil professional'nogo psihologicheskogo otbora na sluzhbu v organy vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Russian Federation Government Resolution from December, 6th, 2012 «On approval of the Rules of professional psychological selection to serve in the Internal Affairs of Russian Federation»] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj federaciji — Collection of Laws of The Russian Federation, 2012. no 50 (part 6). St. 7075.

5. Bespalaja S.G. Psihologicheskij prognoz sklonnosti k delinkventnomu povedeniju u sotrudnikov organov vnutrennih del. Dis. kand. psihol. nauk. [Psychological forecast inclination to delinquent behavior among police officers. Cand. in psych. diss.]: M., 2007. 232 p.

6. Vitol'nik G.A., Dushkin A.S. Pedagogicheskie osnovy vospitatel'noj raboty v organah vnutrennih del: uchebnoe posobie [Pedagogical bases of educational work in the internal affairs: study guide]. SPb., 2014. 126 p.

7. Gavrilova T.V. Akmeologicheskie uslovija profilaktiki narushenij sluzhebnoj discipliny sotrudnikami organov vnutrennih del: avtoref. dis. ...kand. nauk [Acmeological conditions of prevention of misconduct by members of the Internal Affairs. Cand. in psych. diss.]. M., 2012. 28 p.

8. Gavrina E.E. Psihologicheskie osobennosti projavlenija destruktivnyh otklonenij v povedenii sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Psychological features of implication of the destructive behavioral disorders of law enforcement officers] Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Legal Psychology, 2009. no 4. pp.87-95.

9. Gavrina E.E. Specifika projavlenija agressii v povedenii sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Specificity of aggression in the behavior of law enforcement officers]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Legal Psychology, 2012. no 4. pp. 51-59.

10. Gavrina E.E. Specifika projavlenija korrumpirovannogo povedenija sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Specific of corrupt behavior of law enforcement officers] Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Legal Psychology, 2010. no 4. Pp. 64-69.

11. Gushhina E.N. Psihologicheskie aspekty prichin narushenija sluzhebnoj discipliny v kollektive [The psychological aspects of the causes of misconduct in the collective]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah — Psychology and Pedagogy in law enforcement, 2001, no 1 (15). pp. 79-81.

12. «Dorozhnaja karta» dal'nejshego reformirovanija organov vnutrennih del

Rossijskoj Federacii [«The roadmap» for further reformation of the Internal Affairs of the Russian Federation]. Professional. 2013. no 1. pp. 4-17.

13. Dushkin A.S. Kompetentnostnyj podhod v kadrovoj politike policejskih struktur zarubezhnyh stran [The competence approach in the personnel policy of police structures of foreign countries]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Legal Psychology, 2013. no 3. pp. 132-143.

14. Dushkin A.S. Ob otdel'nyh voprosah realizacii kompetentnostnogo podhoda v podgotovke policejskih v sisteme MVD Rossii [On Some Issues the implementation of the competency approach in training police officers in the Ministry of Internal Affairs Russia] // Inovacii i sovremennye tehnologii v sisteme obrazovanija: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Praga: Vědecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ» [Proc. The International Scientific Conference «Innovation and modern technology in the education system»]. Prague, 2013. pp. 236-238.

15. Dushkin A.S. Osobennosti professional'nogo psihologicheskogo otbora v policejskih strukturah zarubezhnyh stran [Peculiarities of professional psychological selection in the police structures of foreign countries] // Psihologicheskoe obespechenie dejatel'nosti silovyh struktur v sovremennoj Rossii: Sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii specialistov vedomstvennyh psihologicheskikh sluzhb [Proc. The I Russian Scientific Conference «Psychological support of the power structures in modern Russia»]. Vol I. SPb, 2012. pp. 102-109.

16. Dushkin A.S. Osobennosti professional'noj dejatel'nosti psihologov policii Rossii [Characteristics of professional activities of psychologists in Russian police] // Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 20-letiju fakul'teta psihologii KGU im. K.Je. Ciolkovskogo) «Obrazovanie v uslovijah modernizacionnyh processov sovremenogo obshhestva» [Proc. The Russian Scientific Conference with international participation «Education in the conditions of modernization processes of modern society»]. Kaluga, KGU, 2013. pp. 418-426.

17. Dushkin A.S. Psihologicheskie aspekty povyshenija jeffektivnosti profilakticheskoi dejatel'nosti sotrudnikov podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del [Psychological aspects of improving the effectiveness of preventive activities of employees of juvenile divisions of the Interior]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Legal Psychology, 2012. no 2. pp.132-143.

18. Dushkin A.S. Psihoprofilaktika narushenij sluzhebnoj discipliny i zakonnosti sotrudnikami policii [Psychological prevention of misconduct and violations of the law by police officers] // Materialy mezhdvuzovskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola «Aktual'nye problemy psihologicheskoi raboty v organah vnutrennih del» [Proc. The scientific-practical roundtable conference «Actual problems of psychological work in the police»]. SPb, 2014. pp. 88-91.

19. Dushkin A.S., Zueva E.G. Psihologicheskoe soprovozhdenie profilakticheskoi dejatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: monografija [Psychological support of prevention activities of police officers: a monograph]. M.: DGSK MIA of Russia, 2014. 122 p.

20. Dushkin A.S., Shhelkushkina E.A. Professiograficheskoe izuchenie dejatel'nosti sotrudnikov operativnyh podrazdelenij MVD Rossii [Job analysis of operational departments of the MIA of Russia]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Legal Psychology, 2014. no 4. pp.106-117.

21. Kozhevnikova N.V. Problemy narushenij sluzhebnoj discipliny sotrudnikami pravoohranitel'nyh organov [Problems of misconduct by law enforcement officials]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah — Psychology and Pedagogy in law enforcement. 2007. no 4 (31). pp. 22-24.

22. Novgorodcev P.I. Pravo i nrvstvinnost' [Law and morality]. Pravovedenie [Jurisprudence]. 1995. no 6 . pp. 103-113.

23. O sostojanii kadrovogo obespechenija v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: illjustrativno-spravochnye materialy [On the status of personnel maintenance in the Internal Affairs of the Russian Federation: illustrative and reference materials]. M., 2013. 94 p.

24. Organizacija raboty po ukrepleniju sluzhebnoj discipliny i zakonnosti v organah vnutrennih del, protivodejstviju korrupcii: kurs lekcij [The organization of efforts to strengthen of discipline and order in the police, anti-corruption: a course of lectures]. M., 2012. 152 p.

25. Osnovy raboty po ukrepleniju sluzhebnoj discipliny i zakonnosti v organah vnutrennih del: uchebnoe posobie / Pod obshh. red. V.L. Kubysheko [Basics of efforts to strengthen of discipline and order in the internal affairs bodies study guide / ed. V.L. Kubysheko]. M., 2008. 80 p.

26. Pavlenko K.A. Sluzhebnaia disciplina v sisteme pravoohranitel'noj sluzhby Rossijskoj Federacii: monografija / pod red. Ju.N. Starilova [Service discipline in the system of law enforcement service of the Russian Federation: a monograph]. Voronezh: Publ. «Nauchnaja kniga», 2012. 174 p.

27. Papkin A.I. Prichiny formirovaniia motivov deviantnogo povedeniia u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Reasons for the formation the motives of deviant behavior of law enforcement officials]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied Legal Psychology, 2010. no 2. pp. 135-146.

28. Prjahina M.V., Dushkin A.S., Martirosova N.V. Professiograficheskoe opisanie osnovnyh vidov dejatel'nosti v sisteme MVD Rossii na osnove kompetentnostnogo podhoda: monografija [Professiographic description of the main activities in the MIA of Russia on the basis of competence approach: a monograph]. SPb. : Publ. MIA of Russia, 2012. 136 p.

29. Prjahina M.V., Dushkin A.S. Professiograficheskoe opisanie osnovnyh vidov dejatel'nosti v sisteme MVD Rossii: uchebno-metodicheskoe posobie [Professiographic description of the main activities in the MIA of Russia: study guide]. M.: Publ. MIA of Russia, 2013. 112 p.

30. Rjapuhina I.A. Pravovye osnovy obespechenija zakonnosti i discipliny v organah vnutrennih del: nauchno-prakticheskoe posobie [Legal basis for the rule of law and discipline in the police: the scientific and practical guide] Belgorod, 2009. 48 p.

31. Rjasov D.A. Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennih del: monografija

[Delinquency of police officers: a monograph]. M.: Ilekxa, 2009. 152 p.

32. Sluzhebnaia disciplina i zakonnost' v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie / pod. red. S.N. Bocharova [Service discipline and legality in the internal affairs of the Russian Federation: study guide /ed. S.N. Bocharov]. M., 2013. 88 p.

33. Sopneva E.V. Antikorrupcionnaja dejatel'nost' v organah vnutrennih del / E.V. Sopneva, V.V. Sergeev, D.A. Rjasov [Anticorruption activity in the internal affairs]. Stavropol. 131 p.

34. Sostojanie raboty s kadrami organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za 2011 god: Sbornik analiticheskikh i informacionnykh materialov [The conditions of work with the staff of the Interior of the Russian Federation in 2011: Collection of analytical and informational materials]. M., 2012. 83 p.

35. Shhelkushkina E.A. Aktual'nye problemy sovremennoj penitenciarnoj psikhologii [Actual problems of modern penitentiary psychology]. Prikladnaja juridicheskaja psikhologija — Applied Legal Psychology. 2014. no 1. pp. 118-119.

36. Jurenkova V.A., Dushkin A.S., Korablev S.E. Psikhologija konflikta: uchebnoe posobie [Psychology of conflict: study guide]. SPb., 2014. 128 p.

PSYCHOPRACTICES

TO THE QUESTION OF «POSITIVITY» SELF-CONCEPT OF CHILDREN WHO HAVE EXPERIENCED PSYCHOLOGICAL DAMAGE

M. J. Kraeva

Abstract: The article deals with positive I-concept, its influence on personal well-being. The fact that the presence in the human experience of the traumatic situation leads to negative changes in his/her I-concept and it is not realized by him/her, this vital question is on the importance in rendering psychological assistance. It should be mentioned that quite often positive I-concept is substituted by the high self-concept. The author considers some characteristics of positive I-concept that determine psychological stability and a feeling of subjective satisfaction of a person. The above issues are especially important in rendering psychological assistance to children who survived a psychological damage.

Difficult life conditions or extreme life situations have a strong negative impact on children's personality, and are beyond their ability to independently cope with consequences of the above issues. This leads to narrowing of their social scope of activity, distorting psychological constitution of a person, and different defects in children's emotional sphere. Psychological assistance to children who survived a psychological damage should include all characteristics of self-perception of such children and it should be of complex nature.

Stakeholders and significant adults who care on them should be included to the system of providing assistance to children. The article offers a step-by-step model of

psychological assistance to children who survived a psychological damage.

Keywords: I-concept, self-concept, authenticity, disadaptation, traumatic experience, positive self-treatment, components of children's I-concept, psychological assistance, psychological safety, a feeling of guilt, anger, aggression.

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi psikhologii [Actual problems of modern penitentiary psychology]. Ryazan, 2013. V. 1.
2. Andreeva E.N. Protivorechiia v samootnoshenii i problemnye perezhivaniia v podrostkovom vozraste [Contradictions in self-attitudes and problematic experiences in adolescence. Cand. psy. Sci. dis.]. SPb., 2007.
3. Arkhireeva T.V. Samosoznanie i la-kontsepsiia rebenka [self-awareness and self-concept of the child]. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie i psikhoterapiia: na styke nauk, vremen i kul'tur — Psychological counseling and psychotherapy: at the intersection of science, times and cultures. Astrakhan, «Astrakhan university», 2007. 404 p.
4. Berezin S.V., Evdokimova Iu.B. Sotsial'noe sirotstvo: deti i roditeli : materialy k kursu «Pedagogicheskaiia psikhologiiia» [Social orphans: children and parents : the materials for the course "Pedagogical psychology"]. Samara, Univers-group, 2011. 52 p.
5. Vasiliuk F.E. Psikhologiiia perezhivaniia [Psychology experiences]. Moscow, 1984. 200 p.
6. Kucherova E.V. Problema razvitiia samosoznaniia v doskol'nom vozraste [the problem of the development of self-awareness in the preschool years]. Osobennosti obucheniia i vospitaniia detei doskol'nogo vozrasta — Features of the training and education of preschool children. Moscow, 2009.
7. Novikova M.V. Psikhologicheskaiia pomoshch' rebenku v krizisnoi situatsii [Psychological assistance to child in a crisis situation]. Moscow, Genezis, 2009.
8. Prikhozhan A.M. Psikhologicheskaiia priroda i vozrastnaia dinamika trevozhnosti (lichnostnyi aspekt) [Psychological nature and age dynamics of anxiety (personal aspect). cand. psy. sci. dis.] Moscow, 1995.
9. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologiiia sirotstva. [The psychology of abandonment] SPb., Piter, 2007. 416 p.
10. Samygin S.I., Vereshchagina A.V., Kolesnikova G.I. Sotsial'naia bezopasnost' [Social security]. Moscow, Nauka-Spektr, 2012. 360 p.
11. Siniagina N.Iu. Psikhologo-pedagogicheskaiia korrektsiia detsko-roditel'skikh otnoshenii [Psychological-pedagogical correction of child-parent relationship]. Moscow, Vados, 2001.
12. Sochivko D.V. Dukhovnye orientiry v praktike psikhologicheskogo konsul'tirovaniia (osuzhdennykh), postanovka problemy [spirituality in the practice of counseling (prisoners), statement of the problem]. Ugolovno-ispolnitel'naia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie — Criminal-Executive system: law, economy, management, 2006, no 2, pp. 23–31.
13. Sochivko D.V. Problema drobnosti mezhpokolencheskoi sotsial'noi

otchuzhdennosti molodezhi v sovremennom mire // Mir psikhologii. 2009. № 3. S. 185–194.

14. Sochivko D.V. Problema metodologii prikladnoi (iuridicheskoi) psikhologii [The problem of fragmentation intergenerational social exclusion of youth in the modern world]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologija — The world of psychology, 2011, no 2, pp. 8–18.

15. Sochivko D.V. Psikhodinamika geshtal'ta otkrytoi i skrytoi agressii v strukture lichnostnogo rosta [the Problem of methodology applied (legal) psychology]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologija — Applied legal psychology, 2013, no 3, pp. 35–41.

THE HISTORY OF FORMATION OF THE TERM «LIFE STRATEGY» APPLIED TO UNDERAGE INDIVIDUALS UNDER SUSPENDED SENTENCE IN NATIVE AND FOREIGN SCIENCE

E. N. Kozhevnikova

Abstract: The article shows that modern society is interested in getting «corrected» law-abiding citizens whose conviction was removed from official records and who acquired the ability to think and act independently. Formation of a life strategy of underage individuals with suspended sentence will as we firmly believe contribute to resolving psychological and pedagogical tasks assigned to employees of the probation department, where the main task is improvement of the correction process quality. The term «life strategy» is defined in the psychological dictionary as a form of purposeful organization of life by an individual himself including his attitude towards his own abilities and resources, their implementation and application.

In the sphere of psychological science «life strategy» is mostly considered within the framework of the general theory of personality and is tightly connected with such concepts as «the script of life», «life purpose», «life journey», «life plans», «temporary perspective», «image of the future» etc. Individual's life strategy meaning, to a greater or lesser degree, contains separate components of the given concepts that allows suggestion about high significance of intended formation and management of the life strategy by the individual. Analysis of native and foreign research works on life strategies allowed us to consider that the life strategy of an underage person under suspended sentence is the central line of his individuality development process, it is defined by intended, purposeful, active and responsible approach towards his life, it is based on a system of norms, values, goals and perceptions of the future and it is reflected in present behavior and actions.

Keywords: an underage person under suspended sentence, a teenager, life strategy, life journey, life purpose, the script of life.

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaja K.A. Strategija zhizni [Life strategy]. RUMO, 1980. 280 p.
2. Aksenova G.I., Aksenova P.Iu. Problema adaptatsii lichnosti v otechestvennoi psikhologii [A problem of an individual's adjustment in native psychology]. Prikladnaia

iuridicheskaia psikhologiiia-Applied legal psychology, 2012, no. 4, pp. 28–36.

3. Aksenova G.I., Kozhevnikova E.N. Teoreticheskie podkhody k probleme zhiznennykh strategii uslovno osuzhdennykh nesovershennoletnikh [Theoretical approaches to the question of life strategies of underage teenagers under suspended sentence]. Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiiia-Applied legal psychology, 2014. no. 3, pp. 39–47.

4. Bol'shoj psihologicheskij slovar' [The big dictionary of psychology]. RUMO: Phoenix, 2009. 672 p.

5. Vasil'eva O. S., Demchenko E. A. Izuchenie osnovnykh kharakteristik zhiznennoi strategii cheloveka [Research of the main characteristics of an individual's life strategy]. Voprosy psikhologii-Approaches to Psychology, 2001, no. 2, pp. 74–85.

TO HELP THE MANAGER

THE VALUE SYSTEM OF EXECUTIVES IN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

M. I. Marin, A. A. Bochkova

Abstract: Low level of individual legal conscience of employees of Internal Affairs Agencies leads to appropriation of corporate opportunities for lucrative purposes, neglecting rules of morality and contempt of law. In this regard, the study of the characteristics of justice employees, identifying of their values and determinants that make the nature and direction of the individual, is of the primary concern. The results of the survey might help to reveal the reasons for the policemen's illegal behavior. In this article we analyzed different ways of treating the nature of personality's values, especially its sense-making component, thus the article reflects the study of the value system of executives in Internal Affairs Agencies within notional regulation of their official activities.

321 chiefs of service and heads of regional Internal Affairs Agencies took part in the research. In order to reveal the marks of employees' offending behavior, including corruptive orientation, thus to define people who have negative status in reference to the selected criteria for evaluating the inclination to the commission of crimes we used the method of scientific assessment, implemented on the basis of the «Monitoring» program. Relying on the results we made the ranking of the chiefs who participated in our research according to the level of their individual sense of justice. Thus we defined two groups of executives, inclined and loath to offending behaviour. In order to study the peculiarities of value orientations of disciplinary penalties of Internal Affairs Agencies who participated in the research we used the test of value orientations by Rokich M. and colour test of relationship by Etkind. Received experimental data were worked up with the help of cluster analysis (hierarchical agglomerative method). This method has let us examine semantic connection of the notions and the executives' attitude to them on different levels of similarity.

Consequently, the results of clusterization of experimental findings in two groups

of executives revealed qualitative differences in notional relationships between the concepts. The first group of employees who are not prone to illegal behavior is characterized by unambiguity of understanding and accepting legal standards in their own system of values; legal standards and personal values form a common semantic field, where personal activity is carried out within the limits established by law. The second group of employees who are prone to illegal behavior is characterized by more differentiated attitude towards observance of standards, complex emotional-semantic attitude towards legal standards, where the importance of financial factor and opportunities provided by social status become priority.

This methodological approach can be used both for analyzing personal value system of the executives and defining the main direction of values of a particular collective, prompting to distinguish risk groups and open up new opportunities of early prediction and efficient prevention of illegal behavior among the employees of Internal Affairs Agencies.

Keywords: employees of Internal Affairs Agencies, legal conscience, individual legal conscience, offending behavior, values, value orientations, sense, semantic field, notional regulation of the official activities.

REFERENCES

1. Artem'eva E.Ju. Osnovy psihologii sub'ektivnoj semantiki [Fundamentals of psychology subjective semantics]. Moscow, Smysl Publ, 1999.
2. Boldyrev A.V. Diagnostika professional'nyh destrukcij lichnosti: psihosemanticheskij podhod [Diagnosis of professional destruction of personality: psychosemantic approach]. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya — Applied juridical psychology. 2013, no 3.
3. Voprosy psihologii jekstremal'nyh situacij [Questions of psychology at extreme situations]. 2012, no 4.
4. Granat N.L. Pravosoznanie i pravovaja kul'tura. Obshhaja teorija gosudarstva i prava. [Legal awareness and legal culture. General Theory of State and Law]. Moscow, 2001.
5. Kasperovich Ju.G. Osobennosti lichnosti sotrudnika OVD, sovershajushhego prestuplenija korrupcionnoj napravlennosti [Personality characteristics police officers who commit crimes of corruption]. Psihopedagogika pravoohranotel'nyh organov — Psychopedagogy in law enforcement. 2013, no 1 (52).
6. Kuznecova O.V. Vlijanie gendernogo sostava na social'no-psihologicheskij klimat sluzhebnyh kollektivov organov vnutrennih del [The influence of gender composition on social and psychological climate of official teams of the Interior]. Psihopedagogika pravoohranotel'nyh organov -Psychopedagogy in law enforcement. 2013, no 1 (52).
7. Leont'ev D.A. Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. [Psychology sense: the nature, structure and dynamics of sense of reality]. Moscow, Smysl. 2007.
8. Petrenko V.F. Osnovy psihosemantiki. [Fundamentals psychosemantics] Moscow, Jeksmo Publ, 2010.
9. Petrov V.E. Psihologicheskie determinanty antikorrupcionnogo povedenija

sotrudnikov organov vnutrennih del [Psychological determinants of anti-corruption behavior of police officers]. Vestnik vipk mvd Rossii — Herald VIPK Russian Interior Ministry, Domodedovo, 2011, no. 2 (18).

10. Psihologija sub'ektivnoj semantiki: istoki i razvitie [Psychology subjective semantics: The Origins and Development]. Moscow, Smysl Publ, 2011.

11. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM №2013613249 [Certificate of state registration of the computer № 2013613249].

12. Stoljarenko A.M. Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied juridical psychology]. Moscow, Juniti-Dana Publ, 2008.

13. Test cennostnyh orientacij (M. Rokicha). Psihologicheskie testy [The test of value orientations (M. Rokich). Psychological tests.]. Moscow, V. 1, 2000.

14. Jetkind A.M. Cvetovoj test otnoshenij [Color test of relations]. Obshhaja psihodiagnostika — General psychodiagnosis. Moscow, Moscow University Publ., 1987.

THE INFLUENCE OF THE CHARACTERISTICS AND CONDITIONS OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES ON MISREPRESENTATION OF THE EMPLOYEES OF THE SERVICE INFORMATION

N. I. Efimkina

Abstract: the article investigates the problems of distortion of the service information in the professional activities of police officers. There are a survey of a sample of employees from three regions of the Russian Federation. A special form, consisting of sets of questions aimed at establishing the incidence of distortion proprietary information in the internal affairs bodies, the relationship heads of territorial bodies of internal affairs to this fact, the definition of structural units, which often occurs misrepresentation of proprietary information, the influence of the conditions of professional activities and management features organs and bodies of internal affairs.

According to the results of the study it is confirmed the fact of misrepresentation of proprietary information overhead in professional work of police officers. The conditions of professional activity and specific service affect on this fact, so as managerial leadership qualities and personality traits of law enforcement officers, necessitating in-depth study of information related to the distortion of individual installations, values and meanings, and personality characteristics of police officers.

The most significant figures among the conditions and characteristics of professional activity, contributing to the distortion of the service information, are such as high workflow, «cane» performance appraisal system, the level of professional training of personnel, uncertain statement of problems leader, biased assessment of performance, inefficient management style. The degree of distortion of official information was also associated with the level of motivation to serve, fear of punishment, careless attitude towards their work and confidence in the staff that serves

the interests of distortion of information services.

Directions for the study of personal characteristics of employees of the bodies of internal Affairs, prone to distortion proprietary information are defined.

Keywords: business information, misrepresentation of official information, professional activities, employees of bodies of internal affairs, juridical psychology.

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi psikhologii [Actual problems of modern penitentiary psychology]. Ryazan. 2013. V. 1.
2. Voronin R.M., Kovachev O.V., Machkasov I.A. Internet-konferentsiia «Penitentsiarnaia sistema: nauka i praktika» [Internet-conference «the Penitentiary system: science and practice»]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014, no 4, pp. 164–165.
3. Gavrina E.E. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty, okazyvaiushchie vliianie na formirovanie dolzhnostnoi pozitsii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy [Socio-psychological determinants influencing the formation positions of the employees of the penitentiary system]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014, no 4, pp. 27–39.
4. Datii A.V., Kozhevnikova E.N. Aktual'nye problemy prikladnoi iuridicheskoi psikhologii [Actual problems of applied legal philosophy]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014, no 4, pp. 165–166.
5. Dushkin A.S., Shchelkushkina E.A. Professiograficheskoe izuchenie deiatel'nosti sotrudnikov operativnykh podrazdelenii MVD Rossii [Occupational study of the operational departments of the MIA of Russia]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014, no 4, pp. 106–117.
6. Efimkina N.V. K voprosu ob iskazhenii informatsii v deiatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [To the question about the misrepresentation in the activities of the employees of bodies of internal Affairs]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh — Psychopedagogy in law enforcement, 2013, no. 4 (55), pp. 16–18.
7. Piskun O.A. Istina v ugovovnom sudoproizvodstve [Truth in criminal proceedings. Cand. jur. sci. dis.]. Irkutsk, 2006. 24 p.
8. Sochivko D.V. Psikhodinamika geshtal'ta otkrytoi i skrytoi agressii v strukture lichnostnogo rosta [Psychodynamics Gestalt open and latent aggression in the structure of personal growth] Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2013, no 3, pp. 35–41.
9. Sochivko D.V. Psikhodinamika kognitivnogo ustroistva lichnosti [cognitive Psychodynamics device identity]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2008, no 3, pp. 24–40.
10. Sochivko D.V., Krymova Iu.V. Psikhodinamika loial'nosti — tolerantnosti: psikhodinamicheskaiia diagnostika i empiricheskaiia tipologiiia [Psychodynamics loyalty — tolerance: psychodynamic diagnostics and empirical typology]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2012, no 2, pp. 28–36.
11. Sochivko D.V., Savchenko T.N., Blinnikova I.V. Zhurnal «Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia»: otvety na vyzovy psikhologicheskoi nauki i praktiki [Journal of Applied

legal psychology: the challenges of psychological science and practice]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya* — Applied legal psychology, 2013, no 4, pp. 8–20.

12. Sochivko D.V., Chubich V.E. *Psikhodinamika udovletvorennost'iu zhizn'iu i perezhivaniia schast'ia* [Psychodynamics life satisfaction and feelings of happiness]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya* — Applied legal psychology, 2013, no 3, pp. 59–68.

13. Tarasov A.N. *Psikhologiya lzhi* [The psychology of lying]. Moscow Book world, 2005. 327 p.

14. Udalova E.A. *Iskazheniia sotsionicheskogo tipa. Byt' ili kazat'sia* [Distortion of socionic personality type. To be or to seem to be]. Moscow. 2009. 191 p.

15. Shcheglovitov I.G. *Neproizvol'nye iskazheniia istiny v svidetel'skikh pokazaniakh po noveishim nabliudeniiam* [Involuntary distortion of truth in the testimony on the latest observations]. 33 p.

16. Shcherbatykh Iu.V. *Psikhologiya lzhi i obmana* [Century Psychology of deception]. Rostov on the Don, Feniks, 2011. 284 p.

TO HELP THE YOUNG SCIENTIST-RESEARCHER

CRITERIA STAFF ASSESSMENT OF THE FORMATION OF MORAL AND VOLITIONAL QUALITIES OF JUVENILE OFFENDERS

T. V. Pivovarova

Abstract: the article examines the current trends in juvenile delinquency, statistical data from the official website of the Federal penitentiary service of Russia, including female juvenile offenders. The author describes the study of moral and volitional qualities of female juvenile offenders in correctional establishments of the penitentiary service of Russia Ryazan and Belgorod regions. On the basis of our proposed typology of juvenile offenders and diagnostic tools provides criteria staff assessment of the formation of moral and volitional qualities of the juvenile offenders. In addition, there was developed psycho-educational program on the formation of moral and volitional qualities of female juvenile offenders, including two complex inter-related unit in training (as part of the study of literature) and in extra-curricular time.

Keywords: juvenile offenders, moral and volitional qualities, criteria, typology, research methods, indicators, corrective action.

REFERENCES

1. *Aktual'nye problemy sovremennoi penitentsiarnoi psikhologii* [Actual problems of modern penitentiary]. Ryazan, 2013, V. 1.

2. *Datii A.V. Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie eksperimenta po sovershenstvovaniiu mediko-sanitarnogo obespecheniia osuzhdennykh* [Scientific and methodological support of the experiment on the improvement of health conditions of inmates]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* — // Bulletin of the criminal-Executive system, 2012, no 9, pp. 16–21.

3. Datii A.V. Problemy meditsinskogo obespecheniia osuzhdennykh [problems of medical support of prisoners]. *Lichnost' v meniaiushchemsia mire: zdorov'e, adaptatsiia, razvitie* — Identity in a changing world: health, adaptation and development, 2014, no 1 (4), pp. 52–60.

4. Datii A.V. Kharakteristika VICH-infitsirovannykh, osuzhdennykh k lisheniiu svobody (po materialam spetsial'noi perepisi 2009 g.) [Characteristics of HIV-infected persons sentenced to deprivation of liberty (on the materials of the special census 2009)]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology, 2014, no 1, pp. 100–107.

5. Datii A.V., Selivanov S.B., Panfilov N.V. Opyt sozdaniia informatsionno-analiticheskoi bazy sotsial'no-gigienicheskogo monitoringa v sisteme Miniustva Rossii [Experience of creation of information-analytical database of socio-hygienic monitoring in the system of Ministry of justice of Russia]. *Gigiena i sanitariia* — Hygiene and sanitation, 2004, no 5, pp. 23.

6. Datii A.V., Fedoseev A.A., Dikopol'tsev D.E. Kharakteristika suzhdennykh, otbyvaiushchikh nakazanie v vospitatel'nykh koloniiakh FSIN Rossii [Characterization destined serving sentences in correctional establishments of the penitentiary service of Russia]. *Vestnik Kuzbasskogo institute* — Bulletin of Kuzbass Institute, 2011, no 5 (8), pp. 42–46.

7. Kostina L.N. Psikhologicheskoe obespechenie rassledovaniia gruppovykh prestuplenii nesovershennoletnikh [Psychological support of the investigation of crimes of minors. Dr. psy. Sci. Dis.] Moscow, 2010. 541 p.

8. Kuptsov I.I., Pivovarova T.V. Prakticheskie rekomendatsii po formirovaniu npravstvennykh i volevykh kachestv nesovershennoletnikh osuzhdennykh v protsesse prepodavaniia literatury (9 i 10 klass) [Practical recommendations on the formation of moral and volitional qualities of juvenile offenders in the process of teaching literature (9th and 10th grade)]. Kirov, 2013. 80 p.

9. Osnovnye pokazateli deiatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN [Key performance indicators of criminal-Executive system of the Federal penitentiary service of Russia]. 2013. 310 p.

10. Pivovarova T.V. Vzaimosviaz' urovnei npravstvennykh i volevykh kachestv i tipov nesovershennoletnikh osuzhdennykh [The relationship between levels of moral and volitional qualities and types of juvenile offenders]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology, 2012, no 3, pp. 92–98.

11. Simakova T.A., Poliakova Ia.N. Istoriko-metodologicheskie aspekty psikhologicheskogo soprovozhdeniia nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Historical and methodological aspects of psychological support juvenile offenders]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal psychology, 2014, no 2, pp. 24–31.

12. <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (data obrashcheniia : 24.12.2014).

13. Sochivko D.V. Psikhodinamika geshtal'ta otkrytoi i skrytoi agressii v strukture lichnostnogo rosta [Psychodynamics Gestalt open and latent aggression in the structure of personal growth]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia* — Applied legal

psychology, 2013, no 3, pp. 35–41.

14. Sochivko D.V. Psikhodinamika dukhovnosti i religioznosti osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta [Psychodynamics of spirituality and religiosity convicted youth age]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2012, no 4, pp. 116–126.

15. Sochivko D.V., Polianin N.A., Golysheva Iu.N. Muzhskoi i zhenskii put' dukhovnosti v mestakh lisheniia svobody [Male and female path of spirituality in prison]. *Prikladnaia iuridicheskaia psikhologiya — Applied legal psychology*, 2012, № 1, pp. 60–75.

PSYCHOLOGY OF SOCIAL EVENTS AND THE QUALITY OF LIFE

LIFE QUALITY AND IMAGE «ME» OF AN EXISTENTIAL PSYCHOTHERAPIST

T. N.Savchenko, M. N.Kartavtseva, G. M.Golovina

Abstract: this study attempted to examine correlation between a life quality of an existential psychotherapist and his or her image as a professional.

On the basis of theoretical analysis and systematization of scientific information in the literature on the this problem area; important quality existential therapist needed for successful professional activity and correlated with the basic existential givens are identified and classified with the sample of domestic existential therapists; a study of the image of himself as a professional in existential therapy. There are first appeared selected latent factors that play an important role in building the image of yourself as a professional and subjective view on the image of the ideal therapist in existential therapy. There was comparison (mapping) of the images of the «Me is a real existential therapist» and «Me is an ideal existential therapist», their relationship with personal characteristics was identified.

The importance of studying such individual personality traits existential therapists, as a semantic field of personality, emotional intelligence, self-esteem, satisfaction with quality of life, existential fulfillment, ego-identity was Theoretically and practically justified.

The relationship of certain personality features (semantic sphere of personality, emotional intelligence, self-esteem, satisfaction with quality of life, existential fullness, ego-identity) with latent factors and individual characteristics of the image itself in existential therapists was shown.

The results the done work can be used by the teachers of existential therapy in the construction and improvement of training programs, workshops on psychotherapy, personal growth training, in supervision while supporting the process of professional development of the individual novice psychotherapist in general and existential therapist in particular; beginners and mature existential therapists for professional and personal development and self-improvement in order to concen-

trate on problem areas of professional development, to assist in the development honest psychological practice.

Keywords: existential therapy, the image of «Me», professional, subjective quality of life, sense sphere of personality, self-esteem, existential fulfillment, emotional intelligence.

REFERENCES

1. Binsvanger L. Bytie v mire [Being in the world]. Moscow, 1999.
2. Kochiunas R. Osnovy psikhologicheskogo konsul'tirovaniia [foundations of psychological counseling]. Moscow, 1999. pp 20–24.
3. Krivtsova S.V., Lengle A., Orgler K. Shkala ekzistentsii (Existenzskala) [the Scale of existence (Existenzskala)]. Ekzistentsial'nyi analiz — Existential analysis. 2009. no 1.
4. Leont'ev D.A. Psikhologiiia smysla: priroda, stroenie i dinamik smyslovoi real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and speaker meaning of reality]. Moscow, Smysl, 2007.
5. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii [Test life orientations]. Moscow, 2000.
6. Lengle A. Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaiia teoriia lichnosti [Existential-analytical personality theory]. Moscow, Genezis, 2008.
7. Lengle A. Zhizn', napolnennaia smyslom. Prikladnaia logoterapiia [Life filled with meaning. Applied Logotherapy]. Moscow, Genezis, 2009.
8. Liusin D.V. Oprosnik na emotsional'nyi intellekt Emin: novye psikhometricheskie dannye [Questionnaire on emotional intelligence Emin: new psychometric data]. Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot modelei k izmereniiam — Social and emotional intelligence: from models to measurements Moscow, Psychology Institute RAS, 2009, pp. 264–278.
9. Mei R. Vklad ekzistentsial'noi psikhoterapii [Contributions of existential psychotherapy]. Ekzistentsial'naia psikhologiiia. Ekzistentsiia — Contributions of existential psychotherapy. Moscow, 2001, pp. 141–201.
10. Rodzhers K.R. Dve raskhodiashchiesia tendentsii [Two divergent trends]. Ekzistentsial'naia psikhologiiia. Ekzistentsiia — Contributions of existential psychotherapy. Moscow, 2000. pp. 68–75.
11. Savchenko T.N., Golovina G.M. Sub»ektivnoe kachestvo zhizni: podkhody, metody otsenki, prikladnye issledovaniia [Subjective quality of life: approaches, methods, evaluation, and applied research]. Moscow Psychology Institute RAS, 2006. 170 p.
12. Savchenko T.N., Golovina G.M., Veselkov A.F. Issledovanie professional'no vazhnykh kachestv i sub»ektivnogo kachestva zhizni s pomoshch'iu sistemy «PDS luNIPRO» [Study of professionally important qualities and subjective quality of life using system PDS, UNIPRO]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology, 2014, no 4, pp. 141–153.
13. Soldatova E. L. Struktura i dinamika normativnogo krizisa perekhoda k vzroslosti [structure and dynamics of the normative crisis of transition to adulthood],

2007. 267 p.

14. Tillikh P. Muzhestvo byt' [Tillich the Courage to be]. Moscow, Modern, 2011.

15. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man's search for meaning]. Moscow, Progress, 1990.

16. Ialom I. Ekzistentsial'naiia psikhoterapiia [Existential psychotherapy] Moscow, RIMIS, 2008.

LEGAL PSYCHOLOGY AND RELIGION

«I WAS IN PRISON AND YOU CAME TO ME» (THE EARLY HISTORY OF PRISON CHAPLAINS IN ENGLAND)

S. A. Vasilieva

Abstract: The article is devoted to little-known early history of clerical service in prisons of the UK in XVI-XVIII centuries. The material is based on sources that were not previously translated into Russian. The post of prison chaplain — a priest, ordained combining with any additional posts — first appeared in English penitentiary system. Legislating the status of prison chaplains as prison staff occurred in the Penitentiary Act of 1823. This article reflects the background of this event: the author comes to the conclusion that the particular socio-political and, more importantly, spiritual development of English society at the turn of the Middle Ages and modern times, religious quest of English Protestantism led to the direct dependence of the penal reform of the religious factor.

The article traces the analysis of the reasons that prompted representatives of various currents of Anglicanism — Quakers, Methodists, «nonconformists» — to organize clerical service in prisons. Success in establishing the Institute of prison chaplains in the UK linked to the progressive to the beginning of XIX century innovations — giving chaplains a status of civil service and recognition of the right of prisoners to freedom of conscience in a multi-religious state.

Keywords: prison chaplain, the Church of England, UK, Penitentiary Acts of 1779, 1823, Methodists, Quakers, clerical service in prisons.

REFERENCES

1. An account of the life, and dealings of God with Silas Told. Written by himself / Pr. by W. Cowdroy. London, 1805. 143 p.

2. Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England. Fifty nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. URL: <http://universalistfriends.org/quf2002.html> (Accessed 01 March 2015).

3. Memoirs of the public and private life of John Howard, the philanthropist — Compiled from His Own Diary in the Possession of His Family/ By James Baldwin Brown. 2nd ed. London, 1823. 658 p.

4. Report on the Prisons and Reformatories of the United States and Canada Made to the Legislature of New York. Albany, 1867. 547 p.

5. Rickman J., with Robert Southey On the Means of Improving People // The Quarterly Review (London). Vol. XIX. April-December, 1819. P. 79–118.

6. The Justice of the Peace and Parish Officer. Vol. 2. London, 1831. 1125 p.

7. Bike Dzh. Puritanskoe blagovestie [Puritan evangelism] URL: http://heritagereformed.com/content/article_puritan_evangelism_1.html (Accessed 01 March 2015).

8. Mahiboroda N.I. Samosovershenstvovanie obshhenija v processe provedeniya religiozno-vospitatel'nyh meroprijatij [Communication self-improvement in the course of religious and educational actions]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija. — Applied legal psychology, 2014, no. 3. S. 165-169.

9. Trevel'jan Dzh. M. Social'naja istorija Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii [English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk: Rusich, 2002. — 624 s.

DURA LEX SED LEX

QUANTITATIVE AND QUALITATIVE CHANGES IN THE COMPOSITION OF CONVICTS AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF THE PENITENTIARY SYSTEM

B. G. Bovin, M. M. Moskvitina

Abstract: The article shows the legislative change that occurs as a result of humanization of criminal and penal policy of the state leads, on the one hand, to the reduction of the number of *prison population*, and on the other — to the concentration in prison the most dangerous criminals.

The author notes that at the present time there is a pronounced downward trend in the number of convicted offenders approaching the minimum value (564 thousand), fixed in 2014 and related to the humanization for attitudes towards convicted offenders from the state and to the changes in criminal law legislation. It is possible that mitigation of penal policy will lead to a concentration in prison those people who have chosen their criminal profession and do not want to change their career choices.

In the presented article there is an effort to evaluate the tendency of turning prisons into the place for the most dangerous criminals concentration.

Keywords: dynamics of convicted offenders; correctional institutions; dynamics of recidivism; dynamics of imprisonment term; offenders sentenced to life imprisonment.

REFERENCES

1. Antonian Y.M., Golubev, B.N. Lichnost' korystnogo predtupnika [The personality of selfish offender]. Tomsk: Izd. University, 1989. 160 p.

2. Sociologiya I psihologiya osuzdennyh v mesnah lisheniya svobody [Sociology

and psychology of inmates in prison] Moscow, Institute of the Federal penitentiary service of Russia, 2005. 120 p.

3. Polanin N.A., Pintasani E.C. Nauchnyi zurnal " Penitentsiarnyi [Scientific journal «Penitentiary»]. Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya — Applied legal psychology. 2014. no. 2, pp. 151–152.

4. Sochivko D.V., Savchenko T.N., C.Zurnal "Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya" :otvety na vyzovy psihologicheskoy nauki i praktiki [Journal of Applied legal psychology: the challenges of psychological science and practice]. Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya -Applied legal psychology. 2013, no. 4, pp. 8–20.

5. Merkushkin E.A. Aktyal'nye problemy covremennoi penitentsiarnoi psihologii [Actual problems of modern penitentiary psychology]. Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya — Applied legal psychology. 2014, no. 1, pp. 118–119.

НАШИ АВТОРЫ

АКСЕНОВА

Галина Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Академия ФСИИ России (katekozhevnikova@mail.ru).

БОВИН

Борис Георгиевич — ведущий научный сотрудник НИИ ФСИИ России.

БОЛДЫРЕВ

Анатолий Валентинович — начальник Учебного центра УФСИН России по Оренбургской области (miriskaz@yandex.ru).

БОЛДЫРЕВА

Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета (ttatianna@yandex.ru).

БОЧАРОВ

Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (bav346@rambler.ru).

БОЧКОВА

Алена Александровна — старший психолог отдела морально-психологического обеспечения УРЛС ГУ МВД России по Московской области (bochkova.a@mail.ru).

ВАСИЛЬЕВА

Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии ФСИИ России (vasi-svetlana@yandex.ru).

ВАСКЭ

Екатерина Викторовна — доктор психологических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (1269724@gmail.com).

ГОЛОВИНА

Галина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института психологии РАН (gala-galarina@mail.ru).

ГРИДЯЕВА

Людмила Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета (idyaeva@yandex.ru).

ДАТИЙ

Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, главный редактор журнала «Пенитенциарная система: наука и практика» (4590056av@mail.ru).

ДМИТРИЕВА

Наталья Витальевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии девиантного поведения Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы (dnv2@mail.ru).

ДУШКИН

Антон Сергеевич — кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры педагогики и социальной психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (dushkin-ac@mail.ru).

ЕФИМКИНА

Надежда Владимировна — адъюнкт кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России (e_n_v@inbox.ru).

ЕФРЕМОВ

Александр Юрьевич — кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж), (kap_ksp@mail.ru).

КАРТАВЦЕВА

Марина Николаевна — сотрудник Высшей школы психологии (Института), (mnk1964@gmail.com).

КАЧКИНА

Лилия Сергеевна — кандидат психологических наук, старший психолог ФКУ ИК-21 ГУФСИН России по Новосибирской области (berk_l@list.ru).

КОЖЕВНИКОВА

Екатерина Николаевна — адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИИ России (katekozhevnikova@mail.ru).

КРАЕВА

Марина Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета.

КРАСНЕНКОВА

Светлана Александровна — кандидат психологических наук, начальник психологической службы отдела воспитательной работы с осужденными УФСИН России по Воронежской области, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета (SKrasnenkova@mail.ru).

КРЫМОВА

Юлия Владимировна — кандидат психологических наук, эксперт-психолог (специалист по опросам с применением полиграфа) ВВК-1 ФКУЗ МСЧ-62 ФСИН России (sochivo@mail.ru).

ЛАРИОНОВА

Анастасия Вячеславовна — старший преподаватель кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (vktusur@mail.ru).

ЛУНЕВА

Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета (ksep@mail.ru).

МАРЬИН

Михаил Иванович — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России (marin_misha@mail.ru).

МЕЩЕРЯКОВА

Эмма Ивановна — доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (mei22@mail.ru).

МОСКВИТИНА

Мария Михайловна — научный сотрудник НИИ ФСИН России.

МУХАМЕТЗЯНОВА

Флёра Габдульбаровна — доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань), (florans955@mail.ru).

ПИВОВАРОВА

Татьяна Васильевна — преподаватель кафедры кадровой, воспитательной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России (Tanyabeer@yandex.ru).

САВЧЕНКО

Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, ректор Высшей школы психологии (tatka_sav56@mail.ru).

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

ТХОРЖЕВСКАЯ

Людмила Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития личности Института специальной педагогики и психологии (г. Санкт-Петербург), (lluddmilla@yandex.ru).

ЩЕЛКУШКИНА

Екатерина Александровна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общей психологии Академии ФСИН России (K20092008@yandex.ru).

OUR AUTHORS

AKSENOVA

Galina Ivanovna — doctor of psychology, professor of the Chair of General Psychology of the Academy of FSIN of Russia (katekozhevnikova@mail.ru).

BOVIN

Boris Georgievich — leading researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia.

BOLDYREV

Anatoly Valentinovich — head of FBGOU DPO Education centre UFSIN Russia in Orenburg region (miriskaz@yandex.ru).

BOLDYREVA

Tatyana Aleksandrovna — candidate of psychology, associate professor, the department of general psychology and psychology of a personality FBGOU OSU (ttatianna@yandex.ru).

BOCHAROV

Aleksey Vladimirovich — candidate of historical sciences, associate professor at the Chair of Ancient History, Medieval History and Methodology of Tomsk State University (bav346@rambler.ru).

BOCHKOVA

Alena Aleksandrovna — psychologist of the General Directorate of the Ministry of Internal of Russia, Moscow Region (bochkova.a@mail.ru).

VASILIEVA

Svetlana Anatolievna — candidate of historical sciences, associate professor, deputy head of the Chair of philosophy and history of the Academy of FSIN of Russia (vasi-svetlana@yandex.ru).

VASKE

Ekaterina Viktorovna — Doctor of Psychology, Professor of the chair of Criminal Law and Procedure of Law Faculty of Nizhny Novgorod State University. After N.I. Lobachevsky.

GOLOVINA

Galina Mihajlovna — candidate of psychological sciences, associate professor of the chair of Applied Psychology, Voronezh State Pedagogical University (idyaeva@yandex.ru).

GRIDYAEVA

Lyudmila Nickolaevna — candidate of psychological sciences, associate professor of the chair of Applied Psychology, Voronezh State Pedagogical University (idyaeva@yandex.ru).

DATIY

Aleksey Vasil'evich — doctor of medicine, Chief editor of «Penal system: Science and Practice» (4590056av@mail.ru).

DMITRIEVA

Natalia Vitalievna — Doctor of Psychology, Professor of the chair of Psychology of deviant behavior of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (dnv2@mail.ru).

DUSHKIN

Anton Sergeevich — the candidate of psychological sciences, deputy head of the department of pedagogics and social psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (dushkin-ac@mail.ru).

YEFIMKINA

Nadezhda Vladimirovna — graduate student of the chair of psychology, pedagogy and organization of work with the staff of the Academy of the Interior Ministry of Russia (e_n_v@inbox.ru).

EFREMOV

Alexander Jur'evich — candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Russian State University of Justice (Voronezh), (kap_ksp@mail.ru).

KARTAVTSEVA

Marina Nikolaevna — employee of the Higher School of Psychology (Institute), (mnk1964@gmail.com).

KACHKINA

Lilia Sergeevna — candidate of psychological sciences, senior psychologist of FGI correctional colony 21 IR-21 in Novosibirsk region (berk_l@list.ru).

KOZHEVNIKOVA

Ekaterina Nikolaevna — graduate student of the Academy of FSIN of Russia (katekozhevnikova@mail.ru).

KRAEVA

Marina Jur'evna — candidate of psychological sciences, associate professor of the social psychology at Moscow State Regional University.

KRASNENKOVA

Svetlana Alexandrovna — candidate of psychological sciences, head of psychological services department of educational work with convicted FPS Russia's Voronezh Region, Associate Professor of Applied Psychology, Voronezh State Pedagogical University (SK-rasnenkova@mail.ru).

KRYMOVA

Julia Vladimirovna — candidate of psychological sciences, an expert psychologist (a specialist in polygraph) of Medical Service of FSIN Russia.

LARIONOVA

Anastasia Vyacheslavovna — Senior Lecturer of the chair of Philosophy and Sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radio electronics (vktusur@mail.ru).

LUNEVA

Olga Viktorovna — candidate of psychological sciences, associate professor of the chair of Social and ethnic psychology Moscow University for the Humanities (ksep@mail.ru).

MARIN

Mihail Ivanovich — Doctor of Psychology, Professor of the Academy of the Interior Ministry of Russia (marin_misha@mail.ru).

MESHCHERYAKOVA

Emma Ivanovna — Doctor of Psychology, Professor at the chair of Genetic and clinical psychology, Tomsk State University (mei22@mail.ru).

MOSKVITINA

Marija Mihajlovna — Scientific Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

MUHAMETZJANOVA

Fljora Gabdul'barovna — Doctor of pedagogical sciences, Professor, Vice-Rector of the University of Management "TISBI" (Kazan), (florans955@mail.ru).

PIVOVAROVA

Tatyana Vasilyevna — lecturer of the Chair of personnel, educational and psychological work in the penal system at the Kirov Training Institute of FSIN of Russia (Tanya-beer@yandex.ru).

SAVCHENKO

Tatyana Nikolaevna — candidate of psychological sciences, Rector of the Higher School of Psychology (tatka_sav56@mail.ru).

SOCHIVKO

Dmitriy Vladislavovich — doctor of psychology, professor of the Chair of General Psychology of the Academy of FSIN of Russia (sochivo@mail.ru).

THORZHEVSKAYA

Ludmila Vladimirovna — candidate of psychology, associate professor, the department of personality development psychology Institute of special pedagogics and psychology (Saint Petersburg), (lluddmilla@yandex.ru).

SCHELKUSHKINA

Ekaterina Alexandrovna — candidate of psychological sciences, Lecturer of the Chair of General Psychology of the Academy of FSIN of Russia (K20092008@yandex.ru).

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация—не более 5 страниц, иные материалы—по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках). Ф.И.О. автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтом. На латинский шрифт Ф.И.О. автора переводится через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте <http://www.translit.ru> (Примечание. После загрузки программы Translit.ru. выберите в поле «варианты...» систему Библиотеки Конгресса (LC), потом вставьте в специальное поле весь текст скопированной информации на русском языке и нажмите кнопку «в транслит»).

✓ Аннотация (авторское резюме) на русском и английском языках (не менее 200–250 слов).

✓ Не менее 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).

✓ Список литературы на русском языке, оформленном в соответствии с текущим ГОСТом, и на английском языке, оформленном в соответствии с нижеуказанными правилами.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы [1].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Требования к аннотации (авторскому резюме)

В аннотации не должно быть общих, ничего не значащих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания и сути статьи. Он должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок. Резюме должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части работы.

Авторское резюме на английском языке в обязательном порядке должно быть:

- информативным (не содержать общих слов), чтобы дать возможность установить основное содержание документа.
- содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированным (следовать логике описания результатов в статье);
- для англоязычного резюме — написано качественным английским языком;
- компактными (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Оформление библиографических ссылок и примечаний в романском алфавите

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется **в порядке полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией**. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника [транслитерация] [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://www.translit.ru/>

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов
только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

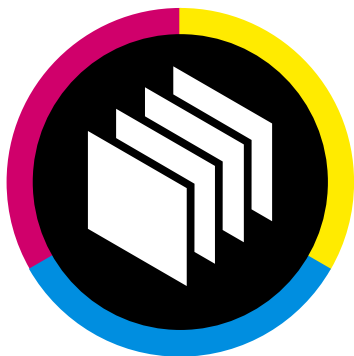
Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

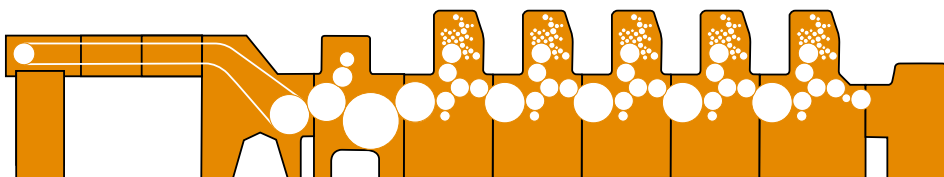
Подписано в печать 31.03.2015. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 11,5

Тираж 1500 экз. Заказ № 551

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4



ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ



ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

8 (800) 775-12-04 многоканальный
www.prizprint.ru